

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

28 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 28 (631) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Жорес Иванович Алфёров* (1930–2019), советский и российский ученый-физик, политический деятель.

Жорес Иванович Алфёров родился в Витебске. Свое необычное имя будущий нобелевский лауреат получил в честь французского социалиста Жана Жореса. Семья его часто переезжала вслед за новыми назначениями по службе отца — Ивана Карповича, который работал директором различных комбинатов целлюлозной и деревообрабатывающей промышленности. Поэтому Жорес нередко менял школы. В 1947 году юноша окончил среднюю школу № 42 в Минске с золотой медалью и поступил на энергетический факультет Белорусского политехнического института.

Окончив первый курс в Минске, Жорес Алфёров вслед за новым назначением отца переехал в Ленинград и перевелся в Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ) на факультет электронной техники. Там он сходу включился не только в учебу, но и в студенческую жизнь: в составе стройотряда принимал участие в строительстве Красноборской ГЭС в Ленинградской области. Алфёров также возглавил студенческое научное общество факультета, работал в вакуумной лаборатории, где и проводил свои первые научные исследования. Темой его работ стали плёночные полупроводниковые элементы.

В 1952 году Жорес с красным дипломом окончил институт по специальности «электровакуумная техника». Как отличнику, ему дали направление в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ) для подготовки кандидатской диссертации и участия в разработке первых советских транзисторов.

Алфёров устроился в лабораторию Владимира Тучкевича, которая работала над получением монокристаллов чистого германия и созданием на их основе диодов и триодов. Он очень быстро стал первоклассным специалистом по квантовой физике полупроводников. За несколько лет группа ЛФТИ, в которую входил Алфёров, создала кремниевые солнечные батареи, германиевые силовые выпрямители, транзисторы на уровне лучших мировых образцов. Весной 1958 года лаборатория В. М. Тучкевича получила важный правительственный заказ по разработке полупроводниковых устройств для первой советской атомной подводной лодки. За выполнение этого заказа в 1959 году сотрудники лаборатории, в том числе и Алфёров, были награждены орденами и медалями.

На основе проведенных исследований в 1961 году Алфёров защитил кандидатскую диссертацию, посвященную германиевым и кремниевым мощным выпрямителям.

В 1968–1969 годах на базе своего открытия гетероструктур на основе арсенида галлия и арсенида алюминия Алфёров создал первый в мире гетеролазер, разрабатывал двойные гетероструктуры, имеющие колоссальное преимущество перед обычными. Одновременное открытие оптического волокна с малыми потерями привело к бурному развитию оптоволоконных систем связи. Открытые Ал-

фёровым гетероструктуры нашли применение в качестве солнечных батарей на космических спутниках и станциях. В 1970 году ученый стал доктором наук, в 1979 году — академиком. С 1973 по 2004 годы местом работы Алфёрова была кафедра оптоэлектроники ЛЭТИ. В сфере его научных интересов оказались исследования свойств наноструктур.

В 1995 году Алфёров со своими сотрудниками успешно испытали инжекционный гетеролазер на квантовых точках, работающий в непрерывном режиме при комнатной температуре.

Также со времен перестройки ученый принимал активное участие в политической жизни страны. Он неоднократно избирался депутатом Государственной Думы.

В 2000 году Алфёров стал первым российским лауреатом Нобелевской премии после распада СССР. Фактически Нобелевская премия была присуждена Алфёрову за то, что он и сотрудники его лаборатории буквально за десять лет (1963–1973) реализовали все основные схмотехнические идеи, создавшие основу для большинства современных систем генерации, контроля и управления когерентными световыми потоками в гетероструктурах на основе GaAs–AlAs.

В 2001 году Жорес Алфёров организовал Фонд поддержки образования и науки (Алфёровский фонд).

С 2003 года Алфёров занимал пост председателя Научно-образовательного комплекса «Санкт-Петербургский физико-технический научно-образовательный центр» РАН.

В 2005 году Жоресу Алфёрову была присуждена одна из самых престижных мировых премий «Глобальная энергия».

Вклад Алфёрова в современную физику был признан мировым научным сообществом. Сверхвысокочастотные усилители сотовых телефонов, плоские экраны мониторов и телевизоров, инфракрасные компьютерные порты, лазерные декодеры особо надёжных грузовых меток, мощные светодиодные прожекторы, светофоры, автомобильные фары, проигрыватели компакт-дисков — все эти устройства используют специализированные модификации гетерогенных лазеров. Без лазерных диодных транзмиттеров для оптоволоконных сетей невозможна была бы работа современного интернета.

Жорес Алфёров умер 1 марта 2019 года от острой сердечно-лёгочной недостаточности. Церемония прощания прошла 5 марта в Санкт-Петербургском научном центре РАН, в тот же день ученый был похоронен на Комаровском кладбище под Петербургом. В его память была выпущена памятная почтовая марка, названы школы и гимназии в Минске, Витебске, Архангельске. 16 апреля 2019 года в Санкт-Петербурге в холле Академического университета, основанного Алфёровым, открыли памятник этому великому ученому.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Комаров Д. П.

Особенности заключения гражданско-правового договора через единый агрегатор торговли 229

Комаров Д. П.

Люстрация как механизм конституционно-правовой превенции: понятие, правовая природа и пределы допустимости..... 231

Комаров Д. П.

Модели люстрации в Польше и Венгрии: сравнительно-правовой анализ 232

Комаров Д. П.

Люстрация в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы и перспективы 234

Комбикова Е. Р.

Особо тяжкие преступления и их подследственность органам Следственного комитета Российской Федерации..... 236

Комбикова Е. Р.

Развитие института амнистии в России: историко-правовой аспект 237

Комбикова Е. Р.

История становления и развития института примирительных процедур в России 239

Куценко Е. А.

Оперативно-розыскная психология: понятие и особенности 241

Кушакова М. А.

Мировое соглашение как форма реализации принципа диспозитивности сторон..... 244

Макарова М. С.

Участие переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, касающихся режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации 247

Мекеров А. И.

Теоретико-правовой анализ общественного воздействия как средства исправления осужденных 249

Никитина О. А.

Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности 251

Очиров Б. Ю.

Проблемы применения тотального залога в российском гражданском праве..... 254

Паукова Д. М., Сямиуллина Р. Х.

Правовое регулирование оборота персональных данных после смерти их субъекта в ФРГ 261

Фомичева С. А.

Существенные условия договора подряда и последствия их несогласования сторонами..... 264

Хаджимусова Д. А.

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (статья 186.1 УПК РФ): тактические особенности и типичные ошибки следователей 267

Шестакова Ю. С.

Право граждан на участие в делах государства: общетеоретический анализ форм осуществления народовластия 269

Шестакова Ю. С.

Избыток нормативно-правовых актов: к вопросу о балансе в правовом государстве 271

Шовгуров В. Р.

Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в общественных местах..... 273

Юдина Е. В.

Трансформация налоговой деликтоспособности несовершеннолетних в условиях цифровой экономики: от дропперства к криптовалютым «темкам»... 276

Яковенко С. Д.

Компенсация за задержку выплаты заработной платы: проблемы правового регулирования..... 279

ИСТОРИЯ

Фомичёв Д. А.

Влияние К. П. Победоносцева
на формирование внутривластного
курса Александра III посредством личной
переписки с императором 282

Читанова А. С.

Роль исторических знаний в формировании
общественного сознания: анализ концепции
наставнической функции истории 286

ПОЛИТОЛОГИЯ

Деркач Д. Д.

Проявление культурологических
особенностей стран Азиатско-
Тихоокеанского региона в дипломатии 290

ФИЛОСОФИЯ

Гаспарян А. В.

Почему человек верит в бессмертие:
философский анализ надежды, разума
и возможного тщеславия 293

Попкова Н. А.

Современное осмысление
сущности человека 295

ТЕОЛОГИЯ

Пархаева У. М.

От сати к осознанности: религиозный
анализ секуляризации и коммодификации
буддийской практики 299

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности заключения гражданско-правового договора через единый агрегатор торговли

Комаров Данил Павлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор анализирует особенности заключения гражданско-правового договора через Единый агрегатор торговли (ЕАТ) в рамках малых закупок по 44-ФЗ.

Ключевые слова: Единый агрегатор торговли, 44-ФЗ, закупки у единственного поставщика, свобода договора, гражданско-правовой договор.

Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусматривает различные способы определения поставщика. Отдельное место занимают закупки у единственного поставщика (малые закупки до 600 тыс. руб.). Ранее процедура выглядела следующим образом: заказчик собирал коммерческие предложения, выбирал наименьшую цену, готовил проект контракта и обменивался с поставщиком сканами документов по электронной почте. Договор считался заключенным с момента подписания сторонами, что соответствовало статьям 432 и 433 Гражданского кодекса РФ [1]. Однако такой порядок оставлял закупку вне системы публичного контроля, что создавало риски коррупции.

Ситуация изменилась с принятием Распоряжения Правительства РФ от 16.01.2025 № 27-р [3]. С 2025 года использование ЕАТ — специализированной электронной платформы для проведения малых закупок — стало обязательным для федеральных органов исполнительной власти и подведомственных им бюджетных учреждений. Теперь закупки проводятся с заполнением электронных форм и соблюдением жестких сроков.

Анализ Регламента ЕАТ [4] позволяет выделить несколько ключевых особенностей, в которых прозрачность вступает в противоречие с частноправовыми началами.

Особенность первая. Сроки закупочной сессии. Пункт 7.1 Регламента [4] устанавливает, что закупочная сессия может длиться 2 или 24 часа. Если по окончании двухчасовой сессии не подано ни одного ценового предложения, она автоматически продлевается до 24 часов, за ним следует продление до 72 часов. На практике у заказчика имеется потребность в товаре, на которую уже получены коммерческие предложения от потенциальных поставщиков,

выразивших готовность участвовать. Однако по формальным причинам, например, из-за технического сбоя платформы, невозможности поставщика внести обеспечительный платёж в короткий срок или сложности с регистрацией на площадке, в сессии никто не участвует. Вместо того чтобы заключить договор с поставщиком, предложившим наименьшую цену по итогам предварительного сбора предложений, заказчик вынужден ожидать до 72 часов, пока система зафиксирует отсутствие заявок. Только после этого можно проводить закупку «вне ЕАТ» с тем же поставщиком. Если речь идёт о срочной закупке (лекарства для пациентов, продукты для столовой школы или больницы, запчасти для жизнеобеспечивающего оборудования), такая задержка приводит к тому, что поставщик не может реализовать товар, что создаёт для него риск упущенной выгоды, а заказчик не успевает своевременно обеспечить граждан необходимым.

Особенность вторая. Отсутствие механизма оперативного исправления ошибок при формировании закупки. Регламент ЕАТ [4] не предусматривает возможности для сторон исправить допущенные при заполнении заявки ошибки или дополнить недостающие документы без отмены всей процедуры. Согласно пункту 7.1.10 [4], отсутствие необходимых документов является безусловным основанием для отклонения заявки. Ситуация может возникнуть как на стороне заказчика, так и на стороне поставщика. Например, заказчик при заполнении формы допустил техническую ошибку, но заметил это только после публикации. Ранее можно было просто направить исправленный проект контракта по электронной почте. Теперь же исправление возможно только путём отмены закупки и проведения новой процедуры. Аналогично, поставщик, забывший прикрепить один из документов, ранее мог дослать его скан. В текущих условиях его за-

явка отклоняется, закупка признается несостоявшейся. При этом ни заказчик, ни поставщик не имеют возможности дополнить заявку в течение срока её подачи, хотя их воля на заключение договора очевидна. Отсутствие механизма внесения изменений в извещение приводит к необоснованному увеличению количества несостоявшихся процедур, затягиванию сроков и противоречит принципу свободы договора (ст. 421 ГК РФ) [1].

Особенность третья. Технические сложности при подготовке документации. ЕАТ предполагает заполнение структурированных форм и использование шаблонов площадки. При закупках с определенным объемом товара, когда спецификация включает десятки и сотни позиций, заказчик вынужден вручную переносить данные из проекта контракта в поля системы. Наиболее сложная ситуация складывается при закупках неопределенного объема, когда спецификация договора может насчитывать тысячи позиций. Ранее достаточно было подготовить документ в текстовом редакторе и направить его контрагенту. Теперь же каждый перенос данных — это дополнительное время и риск ошибок. Данная проблема усугубляется положением пункта 7.1.16 Регламента [4], согласно которому при расхождении информации, сформированной вручную, с автоматически сгенерированными данными приоритет отдаётся последним. Это означает, что даже если стороны согласовали условия в тексте договора, но при заполнении шаблона площадки произошла ошибка или система автоматически подставила иные значения, юридическую силу будет иметь то, что сгенерировала система. На моей практике это привело к ситуации, когда при заполнении спецификации в системе автоматически была подставлена единица измерения «условная единица» вместо согласованной «штуки», что повлекло отмену закупки и необходимость проведения новой процедуры.

Учитывая выявленные проблемы, представляется необходимым внести изменения в Регламент ЕАТ [4]. Во-первых, целесообразно закрепить положение, согласно которому при наличии у заказчика коммерческих предло-

жений до начала закупочной сессии срок ожидания отсутствия заявок может быть сокращен без автоматических продлений. Это позволит обеспечить своевременное удовлетворение потребностей граждан, ради которых проводится закупка, а также снизится риск упущенной выгоды для поставщиков. Во-вторых, необходимо предусмотреть право сторон на исправление ошибок. Заказчик должен иметь возможность вносить изменения в извещение, а поставщик — дополнять заявку до окончания срока подачи либо до подведения итогов. Следует также закрепить, что документы, подписанные УКЭП и приложенные к заявке в читаемом формате, признаются надлежащим исполнением требований к содержанию заявки, а их содержание имеет преимущество перед ограничениями, заданными шаблонами при формировании спецификации. Такой подход снизит количество несостоявшихся процедур по формальным основаниям, обеспечит приоритет волеизъявления сторон над требованиями электронной площадки и позволит реализовать свободу договора [1]. В-третьих, предлагаю дополнить Регламент ЕАТ [4] положением, закрепляющим возможность заключения договора без проведения закупочной сессии по аналогии с порядком, действовавшим до 2025 года. Это допустимо в порядке, предусмотренном пунктом 9 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ [2]. Данная норма позволяет заключать договор с единственным поставщиком в случаях аварий, чрезвычайных ситуаций, а также при необходимости оказания неотложной или экстренной медицинской помощи, когда конкурентные процедуры требуют значительного времени. Чтобы избежать злоупотреблений, такой порядок должен применяться при условии, что информация о заключённом договоре и обоснование причин отказа от закупочной сессии будут размещены в ЕАТ. Это позволит сохранить прозрачность и обеспечить контроль со стороны надзорных органов. Реализация этих мер сохранит прозрачность и приведёт процедуру ЕАТ в соответствие с принципами гражданского права: свободой договора [1], приоритетом волеизъявления сторон, определённой моментом возникновения обязательств.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 07.07.2026).
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 07.07.2026).
3. Распоряжение Правительства РФ от 16.01.2025 № 27-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.04.2018 № 824-р» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 07.07.2026).
4. «Регламент функционирования единого агрегатора торговли (Редакция N 20)» (утв. приказом АО «Единый агрегатор торговли» от 28.01.2026 N 3) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 07.07.2026).

Люстрация как механизм конституционно-правовой превенции: понятие, правовая природа и пределы допустимости

Комаров Данил Павлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируется люстрация как механизм конституционно-правовой превенции, направленный на защиту демократического строя в условиях политического транзита. Исследуются правовая природа люстрации, её соотношение с уголовным преследованием и принципами правового государства.

Ключевые слова: люстрация, конституционно-правовая превенция, переходное правосудие, Европейский суд по правам человека, свобода договора, пропорциональность.

В юридической и политико-правовой литературе термин «люстрация» используется для обозначения комплекса специальных правовых мер, применяемых в условиях политического транзита и направленных на ограничение допуска отдельных лиц к осуществлению публичной власти. Наибольшее распространение данный институт получил в государствах Центральной и Восточной Европы после крушения коммунистических режимов, когда возникла необходимость правового разрыва с прежней системой власти и предотвращения её воспроизводства в новых демократических условиях [1].

В рамках теории переходного правосудия люстрация рассматривается как один из инструментов преодоления последствий недемократического прошлого наряду с уголовным преследованием, раскрытием архивов и мерами по реабилитации жертв политических репрессий. При этом её специфика заключается в том, что она ориентирована не на ретроспективную оценку индивидуальной вины, а на формирование будущей конфигурации публичной власти [2].

В отечественной конституционно-правовой доктрине люстрация наиболее последовательно осмыслена в работе Д. Е. Дорджиева, который определяет её как меру конституционно-правовой превенции. По его мнению, люстрация представляет собой временное ограничение дееспособности, направленное на защиту новой демократии от агентов прошлой недемократической власти и на прерывание политико-правовой связи между авторитарным (тоталитарным) и демократическим государственным режимом [1]. Автор подчёркивает, что факультативными целями люстрации могут выступать смена элит, проведение новой исторической политики и борьба с коррупцией, однако основной целью остаётся именно превентивная защита демократического строя [1].

Принципиальным является и разграничение люстрации и политики государственного террора. Д. Е. Дорджиев указывает, что люстрация по своей природе является правовой процедурой, основанной на нормативном регулировании и судебном контроле, тогда как террор, даже будучи формально оформленным в виде нормативных актов, остаётся неправовой и негуманной практикой насилия над личностью [1]. Тем самым подчёркивается, что люстрация допустима лишь при соблюдении общеправовых принципов и не может носить карательный характер.

Схожую позицию высказывает А. А. Ларин, отмечая, что люстрационные ограничения могут затрагивать политические и избирательные права граждан и потому должны оцениваться с точки зрения принципов соразмерности и недопустимости дискриминации [2]. В свою очередь, Ю. А. Нисневич и П. Рожич обращают внимание на то, что люстрация в посттоталитарных государствах может рассматриваться как инструмент институционального обновления публичной власти, однако её применение возможно лишь при наличии чётких правовых процедур и эффективных гарантий защиты прав человека [3]. Историко-правовой анализ, проведённый Ю. А. Ильиным, также показывает, что попытки «очищения» государственного аппарата без должной правовой регламентации приводят к произвольным решениям и подмене правовых критериев политической целесообразностью [4]. В этом контексте, как отмечает А. А. Кирюшин, люстрация может рассматриваться только как временный правовой механизм трансформации политической системы, направленный на обновление управленческой элиты и предотвращение воспроизводства прежних политических практик [5].

Сходные подходы представлены и в зарубежной доктрине. Так, М. Сафьян, анализируя польский опыт люстрации, подчёркивает, что её назначение заключается не в коллективном наказании лиц, связанных с прежним режимом, а в защите демократических институтов в условиях посттоталитарного транзита. По его мнению, допустимость люстрационных процедур обусловлена их ориентацией на будущее и наличием индивидуализированного и судебно контролируемого механизма их применения [6].

Международно-правовое закрепление люстрации как превентивной меры отражено в актах Совета Европы. В Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1096 (1996) подчёркивается, что меры по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем могут включать люстрационные процедуры, однако такие меры должны быть совместимы с принципами демократии, правового государства и прав человека, носить индивидуальный и временный характер и не подменять собой уголовную ответственность [7].

Особое значение для определения пределов допустимости люстрации имеет практика Европейского суда по правам человека. В постановлении по делу «Сиди-

брас и Дžiautas против Литвы» (Sidabras and Džiautas v. Lithuania) от 27 июля 2004 г. Суд рассматривал жалобы бывших сотрудников органов государственной безопасности, которым было запрещено занимать определённые должности не только в государственном, но и в частном секторе. Оценивая данные ограничения, ЕСПЧ пришёл к выводу о нарушении статьи 14 Конвенции в сочетании со статьёй 8, указав, что столь широкие запреты носят непропорциональный характер и выходят за рамки допустимой превенции [8]. Суд особо отметил, что люстрационные меры не могут распространяться на сферы, не связанные с осуществлением публичной власти, поскольку в этом случае они утрачивают превентивный характер и приобретают дискриминационные черты.

В то же время практика ЕСПЧ не исключает возможности введения превентивных ограничений в условиях переходного периода. В постановлении Большой палаты по делу «Жданок против Латвии» (Ždanoka v. Latvia) Суд признал допустимым ограничение пассивного избирательного права лица, активно участвовавшего в деятельности коммунисти-

ческой партии после восстановления независимости государства. При этом ЕСПЧ подчеркнул, что подобные меры могут быть совместимы с Конвенцией, если они направлены на защиту демократического строя и основаны на оценке конкретного исторического и политического контекста [9]. Суд указал, что в переходный период государство обладает определённой свободой усмотрения в выборе средств защиты демократии, однако такая свобода не является неограниченной и должна сопровождаться судебным контролем.

Таким образом, люстрация как механизм конституционно-правовой превенции может быть признана совместимой с принципами конституционного права лишь при соблюдении строгих условий: индивидуального характера мер, их временной ограниченности, наличия судебного контроля и чёткой ориентации на защиту демократического правопорядка. Нарушение указанных требований трансформирует люстрацию из превентивного института в форму недопустимого ограничения прав человека, что подтверждается как доктринальными подходами, так и практикой Европейского суда по правам человека.

Литература:

1. Дорджиев Д. Е. Люстрация: мера конституционно-правовой превенции: магистерская дисс. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2020. — 89 с.
2. Ларин А. А. Люстрация как основание ограничения избирательного права // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 4. — С. 245–249.
3. Нисневич Ю. А., Рожич П. Люстрация как инструмент противодействия коррупции // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 1. — С. 107–120.
4. Ильин Ю. А. Февральская революция и люстрация: наброски к проблеме // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — Вып. 1. — С. 88–94.
5. Кирюшин А. А. Люстрация как один из правовых механизмов ограничения прав и свобод человека и гражданина // Молодой учёный. — 2021. — № 18. — URL: <https://moluch.ru/archive/371/83256> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Safjan M. Transitional Justice: The Polish Example, the Case of Lustration // European Journal of Legal Studies. — 2007. — Vol. 1. — P. 5–12.
7. Resolution 1096 (1996) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems». — URL: <https://assembly.coe.int> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Sidabras and Džiautas v. Lithuania. Applications nos. 55480/00, 59330/00. Judgment of 27 July 2004. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 05.03.2026).
9. Ždanoka v. Latvia. Grand Chamber. Application no. 58278/00. Judgment of 16 March 2006. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 05.03.2026).

Модели люстрации в Польше и Венгрии: сравнительно-правовой анализ

Комаров Данил Павлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируются модели люстрации, реализованные в Польше и Венгрии после крушения коммунистических режимов.

Ключевые слова: люстрация, Польша, Венгрия, сравнительно-правовой анализ, конституционно-правовая превенция, переходное правосудие.

Польша стала одним из первых государств Центральной и Восточной Европы, где была предпри-

нята попытка институционализировать люстрацию в правовых формах, совместимых с принципами демокра-

тического правового государства. Специфика польской модели люстрации определяется историческими особенностями политического транзита, который носил эволюционный, компромиссный характер [1].

Правовое оформление люстрации в Польше получило закрепление в Законе от 11 апреля 1997 г. «О раскрытии работы или службы в органах государственной безопасности в период 1944–1990 гг. лицами, исполняющими публичные функции». Закон вводил обязанность подачи люстрационной декларации для лиц, занимающих определённые государственные должности, и предусматривал процедуру проверки достоверности сведений. Сам по себе факт сотрудничества с органами безопасности не влёк автоматического отстранения от должности; юридические последствия наступали лишь в случае представления заведомо ложной декларации [2].

Ключевой особенностью польской модели является отказ от коллективной ответственности и ориентация на индивидуализированную оценку поведения конкретного лица. М. Сафьян подчёркивает, что подобный подход позволяет рассматривать польскую люстрацию как форму конституционно-правовой превенции, направленную на защиту демократических институтов посредством обеспечения прозрачности публичной службы [3].

Особое значение в польской модели имела позиция Конституционного трибунала Республики Польша, который неоднократно рассматривал вопросы конституционности люстрационных норм. Трибунал исходил из того, что люстрация допустима лишь при условии её соответствия принципу пропорциональности и наличия эффективных процессуальных гарантий [4].

Практика Европейского суда по правам человека также оказала влияние на польскую люстрационную систему. В постановлении по делу *Matyjek v. Poland* ЕСПЧ указал, что люстрационное производство должно отвечать требованиям статьи 6 Конвенции [5]. В целом польская модель может быть охарактеризована как примиряющая: она ориентирована на создание правовых условий для оценки прошлого, а не на массовое исключение лиц из публичной сферы.

Венгерская модель люстрации в научной литературе характеризуется как интегрирующая, поскольку она была ориентирована не на массовое исключение лиц, связанных с прежним режимом, а на их включение в новые демократические институты при условии прохождения специальных процедур проверки [6].

Нормативную основу венгерской люстрации составил Закон Венгрии № XXIII от 9 марта 1994 г. «О проверке лиц, занимающих определённые важные должности» (Act XXIII of 1994 on Background Checks). Закон закрепил правовой механизм так называемых background checks, на-

правленных на выявление связей должностных лиц с органами государственной безопасности [7].

Закон распространял процедуру проверки на широкий круг лиц: представителей парламента и правительства, руководство государственных институтов, дипломатический корпус, высшее военное командование, руководителей СМИ, судей, прокуроров и руководителей государственных университетов [8].

Принципиальной особенностью венгерской модели являлся отказ от автоматических запретов. В случае выявления сотрудничества с органами госбезопасности проверяемому лицу могла быть предложена добровольная отставка; при отказе сведения о результатах проверки подлежали официально опубликованию [8].

Существенную роль в формировании пределов допустимости венгерской люстрации сыграл Конституционный суд Венгрии. В решении № 60/1994 (XII.24.) Суд указал на необходимость соблюдения принципов равенства и защиты персональных данных, признав наличие повышенного общественного интереса к информации о прошлом лиц, занимающих ключевые публичные позиции [9].

Сравнительно-правовой анализ польской и венгерской моделей позволяет выявить как общие принципы, так и существенные различия. Общим является признание превентивного характера люстрации: в обоих случаях меры рассматривались как инструмент защиты демократического правопорядка, а не как форма уголовного наказания [10].

Способы реализации превентивной функции существенно различаются. Польская модель основывается на декларативном механизме — обязанности подачи люстрационной декларации. Венгерская модель строится на системе screening-процедур, инициируемых в отношении лиц, занимающих определённые публичные должности.

Различия проявляются и в роли органов конституционного контроля. В Польше важную роль сыграл Конституционный трибунал, в Венгрии — Конституционный суд. В обеих странах люстрация была поставлена в рамки конституционного правопорядка и не могла реализовываться вне судебного контроля.

Таким образом, опыт Польши и Венгрии демонстрирует существование различных моделей люстрации как механизма конституционно-правовой превенции. Польская модель ориентирована преимущественно на декларативную и судебным контролируемую форму ответственности, тогда как венгерская модель делает акцент на институциональной проверке и публичности. Оба подхода свидетельствуют о стремлении обеспечить защиту демократического правопорядка при сохранении базовых конституционных гарантий.

Литература:

1. Thompson E. *Transitional Justice in Context: The Historical Roots of Lustration Law in Post-Communist Poland: Master's thesis.* — Budapest: Central European University, 2015. — 45 p.

2. Act of 11 April 1997 on the Disclosure of Work for or Service in the State Security Authorities (Republic of Poland). — Warsaw: Sejm, 1997.
3. Safjan M. Transitional Justice: The Polish Example, the Case of Lustration // European Journal of Legal Studies. — 2007. — Vol. 1. — P. 5–12.
4. Krotoszyński M. Polish lustration and the models of transitional justice // Adam Mickiewicz University Law Review. — 2013. — No. 3. — P. 45–48.
5. Matyjek v. Poland. Application no. 38184/03. Judgment of 24 April 2007. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Ellis M. S. Purging the Past: The Current State of Lustration Laws in the Former Communist Bloc // Law and Contemporary Problems. — 1996. — Vol. 59. — No. 4. — P. 183–184.
7. Act XXIII of 1994 on the Screening of Holders of Certain Important Positions (Hungary). — URL: <https://www.venice.coe.int> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Дорджиев Д. Е. Люстрация: мера конституционно-правовой превенции: магистерская дисс. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2020. — 89 с.
9. Maieran A. R. A Comparative Study of Lustration in Central and Eastern Europe: PhD dissertation. — Boston: Boston University, 2010. — P. 68.
10. Sidabras and Džiautas v. Lithuania. Applications nos. 55480/00, 59330/00. Judgment of 27 July 2004. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 05.03.2026).

Люстрация в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы и перспективы

Комаров Данил Павлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируются причины отсутствия люстрации в Российской Федерации, а также конституционно-правовые пределы допустимости люстрационных мер в российском правовом порядке.

Ключевые слова: люстрация, конституционно-правовая превенция, Конституционный Суд РФ, переходное правосудие.

В научной и правоприменительной дискуссии люстрация рассматривается как особая форма ограничения политических и избирательных прав, применяемая в условиях переходного периода после смены политического режима. Как подчёркивает А. А. Ларин, люстрационные механизмы затрагивают активное и пассивное избирательное право и потому требуют оценки с точки зрения конституционных принципов равенства, недопустимости дискриминации и соразмерности ограничений [1].

В российском контексте проблема люстрации осложняется отсутствием чётко выраженного переходного правового режима. Анализируя зарубежный опыт, А. А. Ларин указывает, что законы о люстрации в странах Центральной и Восточной Европы основывались на индивидуализации ответственности и установлении связи между прошлой деятельностью лица и угрозой для демократического порядка. В условиях же Российской Федерации, где советский политический режим существовал более семидесяти лет, подобный подход означал бы ограничение прав чрезвычайно широких социальных групп, что ставит под сомнение конституционную допустимость таких мер [2].

Специфика трансформации государственной системы после распада СССР существенно отличалась от процессов в государствах Центральной и Восточной Европы. Как отмечает А. А. Кирюшин, в момент начала политических и экономических реформ государственный аппарат практически полностью состоял из лиц, ранее занимавших должности в партийных и государственных структурах советского периода. Это обстоятельство объективно ограничивало возможности быстрой смены управленческой элиты, поскольку альтернативной кадровой базы для формирования новых институтов государственной власти фактически не существовало [3].

Вопрос о люстрации в России носил преимущественно дискуссионный характер. Наиболее значимым политико-правовым актом стал Указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о прекращении деятельности КПСС на территории РСФСР [4], однако данный акт касался исключительно запрета деятельности партии и не устанавливал ограничений на занятие государственных должностей для бывших членов партийной номенклатуры.

Попытки законодательного оформления люстрационных механизмов предпринимались позднее. В 1990-е

годы депутат Государственной Думы Г. В. Старовойтова выступила с инициативой принятия закона о люстрации, предусматривавшего временные ограничения на занятие отдельных государственных должностей для представителей высших структур КПСС и органов государственной безопасности [5]. Однако законопроект не получил дальнейшего развития.

Ю. А. Нисневич и П. Рожич, анализируя люстрацию как инструмент противодействия коррупции, подчёркивают, что управленческая люстрация в посттоталитарных государствах нередко направлена на «очищение» публичной власти от номенклатуры прежнего режима, однако её эффективность напрямую зависит от институциональных и правовых гарантий. В отсутствие таких гарантий люстрация утрачивает целевой характер и превращается в форму коллективной ответственности, что противоречит базовым принципам правового государства [6].

Исторический опыт России также свидетельствует о сложности реализации люстрационных практик. Как показывает Ю. А. Ильин на материале Февральской революции 1917 года, попытки устранения представителей прежнего административного аппарата носили фрагментарный и несистемный характер, а отсутствие чёткой правовой регламентации приводило к произвольным решениям и правовой неопределённости [7].

Конституционно-правовые ориентиры оценки допустимости подобных ограничений были сформулированы в практике Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П Суд подчеркнул, что любые ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно значимым целям, не затрагивать само существо права и не допускать расширительного толкования [8].

Дополнительную аргументацию в пользу строгих пределов допустимости люстрации содержит особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева, в котором подчёркивается недопустимость формального ис-

пользования части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации для оправдания чрезмерных ограничений прав и свобод [9]. Судья указывает на необходимость сохранения баланса между охраняемыми конституционными ценностями и затрагиваемыми правами личности.

Поскольку Конституционный Суд Российской Федерации непосредственно не рассматривал дел о конституционности люстрационных законов (ввиду их отсутствия), анализ его правовых позиций возможен лишь косвенно. В Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П Суд сформулировал два правовых подхода, имеющих значение для оценки люстрационных механизмов. Во-первых, оспариваемые нормы не допускают расширительного толкования и подлежат применению исключительно в конституционно-правовом смысле. Применительно к люстрации это исключало бы возможность ограничения доступа к публичной власти лиц, чья связь с прежним режимом не доказана конкретными фактами. Во-вторых, Суд признал неконституционным привлечение к ответственности за действия, которые лишь «побуждают» к определённом результату, без установления умысла [8].

Таким образом, анализ доктринальных источников, исторического опыта и конституционно-судебной практики позволяет сделать вывод, что отказ от институционализации люстрации в Российской Федерации обусловлен не только политическими, но и правовыми факторами. Массовый и формализованный характер люстрационных ограничений вступал бы в противоречие с принципами соразмерности, индивидуализации ответственности и правовой определённости, сформулированными в практике Конституционного Суда РФ. Вместе с тем опыт постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы демонстрирует, что при соблюдении строгих правовых гарантий люстрационные механизмы могут быть совместимы с принципами правового государства, что оставляет возможность для дискуссии о пределах их допустимости в российской конституционно-правовой доктрине.

Литература:

1. Ларин А. А. Люстрация как основание ограничения избирательного права // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 4. — С. 245–249.
2. Кирюшин А. А. Люстрация как один из правовых механизмов ограничения прав и свобод человека и гражданина // Молодой ученый. — 2021. — № 18. — URL: <https://moluch.ru/archive/371/83256> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/385> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Старовойтова Г. В. Проект закона о люстрации (о временном запрете на профессии для лиц, осуществляющих политику тоталитарного режима): принят III съездом движения «Демократическая Россия» 17 декабря 1992 г.
5. Нисневич Ю. А., Рожич П. Люстрация как инструмент противодействия коррупции // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 1. — С. 107–120.
6. Ильин Ю. А. Февральская революция и люстрация: наброски к проблеме // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — Вып. 1. — С. 88–94.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Российская газета. — 2003. — 31 окт. — № 221.
8. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).

Особо тяжкие преступления и их подследственность органам Следственного комитета Российской Федерации

Комбикова Ева Ренатовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются понятие и признаки особо тяжких преступлений, а также их подследственность органам Следственного комитета РФ.

Ключевые слова: *особо тяжкие преступления, подследственность, Следственный комитет РФ, общественная опасность, уголовное судопроизводство, предварительное расследование.*

Категоризация преступлений по степени тяжести является одним из важнейших инструментов уголовного права, позволяющим дифференцировать ответственность и наказание в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Особое место в этой системе занимают особо тяжкие преступления, представляющие наибольшую угрозу для личности, общества и государства. Расследование большинства из них законодательно отнесено к компетенции Следственного комитета Российской Федерации, что обусловлено их сложностью, общественной значимостью и необходимостью привлечения высококвалифицированных кадров.

Понятие и признаки особо тяжких преступлений

Согласно части 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Кодексом под угрозой наказания [1]. Данное определение носит формально-материальный характер, отражая два основных признака: общественную опасность и уголовную противоправность. Общественная опасность позволяет отнести к преступлениям только деяния, причиняющие существенный вред охраняемым законом объектам. Уголовная противоправность обеспечивает законность, исключая применение уголовного закона по аналогии и зависимость признания деяния преступным от субъективного усмотрения правоприменителя.

Помимо названных, из определения вытекают еще два признака: виновность и наказуемость. Виновность предполагает совершение деяния умышленно или по неосторожности, а наказуемость — угрозу применения мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией соответствующей статьи.

Согласно закону, особо тяжкими признаются умышленные деяния, за совершение которых Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Особо тяжкие преступления обладают рядом отличительных признаков: крайняя степень общественной опасности, высшая строгость наказания, особенности назначения и отбывания наказания, умышленная форма вины.

Уголовный кодекс РФ содержит более 30 статей, предусматривающих составы особо тяжких преступлений.

Подследственность особо тяжких преступлений органам Следственного комитета Российской Федерации

Подследственность представляет собой совокупность признаков уголовного дела, определяющих, какой именно орган предварительного расследования уполномочен осуществлять производство по нему. Правильное установление подследственности является ключевым условием эффективности расследования, обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и соблюдения процессуальных сроков [4].

Основным признаком, определяющим подследственность, является предметный признак, то есть квалификация преступления по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ. Именно состав преступления позволяет отнести дело к компетенции того или иного органа.

Анализ статьи 151 УПК РФ показывает, что органы Следственного комитета расследуют порядка 40 составов преступлений особо тяжкой категории [2]. Данный перечень является открытым и дополняется другими составами, что свидетельствует о высокой степени ответственности и сложности задач, стоящих перед следователями Следственного комитета.

В качестве примера рассмотрим два особо тяжких преступления, подследственных Следственному комитету.

Террористический акт (ст. 205 УК РФ) — совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий.

Данное деяние обладает всеми признаками особо тяжкого преступления. Оно совершается только умышленно, характеризуется тщательной подготовкой и планированием. Общественная опасность террористического акта исключительно высока: он посягает на жизнь и здоровье неопределенного круга лиц, создает атмосферу страха и паники, дестабилизирует работу государственных институтов. Наказание за данное преступление — лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет, а при отягчающих обстоятельствах — пожизненное лишение свободы.

Для осужденных не предусмотрена возможность перевода в колонию-поселение.

Убийство (ст. 105 УК РФ) — умышленное причинение смерти другому человеку. Это преступление посягает на основное конституционное право человека — право на жизнь, закрепленное как в Конституции РФ, так и в международно-правовых актах. Убийство относится к особо тяжким преступлениям, поскольку его последствия необратимы, а степень общественной опасности максимальна. Максимальное наказание по части 1 статьи 105 УК РФ составляет пятнадцать лет лишения свободы, а при квалифицирующих признаках (например, убийство с особой жестокостью, малолетнего лица, сопряженное с похищением человека) — до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 20.02.2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 10.06.2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Багаутдинов Ф. Н., Хасанов Р. Р. Некоторые вопросы подследственности следователей Следственного комитета // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27, вып. 5. — С. 112–116.
4. Наумов А. В., Кибальник А. Г. (ред.) Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. — 6-е изд. — М.: Юрайт, 2024. — 448 с.

Развитие института амнистии в России: историко-правовой аспект

Комбикова Ева Ренатовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается эволюция института амнистии в России с древнейших времен до современного периода.

Ключевые слова: амнистия, история уголовного права, гуманизм, уголовная политика, освобождение от наказания.

Институт амнистии является неотъемлемым элементом уголовной политики любого государства, отражая степень его гуманизма и способность к социальному компромиссу. В России этот институт прошел длительный путь эволюции — от сакрального акта княжеской милости до законодательно регламентированной процедуры, закрепленной в Конституции и уголовном законодательстве. Понимание исторических этапов становления амнистии позволяет глубже осмыслить ее современную правовую природу и перспективы развития.

Институт амнистии в дореволюционный период

В Древней Руси амнистия как отдельный правовой институт отсутствовала и по своей сути приравнивалась к помилованию. Право на ее применение принадлежало удельными, а затем и великим князьям. Акты про-

Законодательное закрепление конкретных составов преступлений за Следственным комитетом РФ имеет важное практическое значение. Оно способствует сокращению сроков расследования, повышению качества расследования, исключению дублирования и конкуренции между следственными органами [3].

Таким образом, особо тяжкие преступления занимают центральное место в системе уголовно-правовой категоризации, а их расследование является одной из приоритетных задач Следственного комитета Российской Федерации. Правильное применение института подследственности позволяет эффективно противостоять наиболее опасным посягательствам на права и свободы граждан, обеспечивая неотвратимость ответственности и справедливость правосудия.

щения носили сакральный характер и были приурочены к церковным праздникам, что подчеркивало тесную связь церкви и государства.

С централизацией русского государства амнистия приобретает более четкие формы. Основания для ее применения расширяются: помимо религиозных праздников, поводом становятся восшествие на престол, рождение наследника, успешные военные походы. Исторические источники, в частности Судебник 1550 года, указывают на возможность освобождения от «опалы» в случае амнистии. Соборное Уложение 1551 года предлагало освобождать к Пасхе заключенных за нетяжкие преступления, исключая убийства, разбои и поджоги [4].

Ключевым этапом стало Соборное уложение 1649 года, которое законодательно закрепило право государя на помилование. Однако вплоть до XVIII века амнистия оставалась актом царской милости, не имея четкой правовой регламентации.

Значительный сдвиг произошел в эпоху Петра I. Амнистия утрачивает религиозный характер и становится инструментом политики. Была отменена практика отпущения заключенных к Пасхе, а акты прощения стали приурочиваться к военным победам. Примером служит Манифест 1721 года по случаю заключения Ништадтского мира, который являлся фактически актом амнистии и предусматривал как полное освобождение, так и смягчение наказания для каторжников (кроме убийц и разбойников).

В период правления Александра I устанавливается дифференциация лиц, подлежащих амнистии: лица, состоящие под следствием, подлежали полному освобождению, а осужденные — частичному. Несмотря на то, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года закрепляло лишь институт помилования, в научной литературе отмечается, что многие акты «помилования» по своей сути являлись амнистией, так как распространялись на неопределенный круг лиц и категории преступлений [7]. Яркий пример — Манифест Александра II 1856 года по случаю коронации, который облегчил участь политических и экономических преступников.

В Уголовном Уложении 1903 года понятие помилования сохранилось как прерогатива верховной власти. Акты амнистии издавались и позже, например, Манифест по случаю рождения наследника в 1904 году и Указы о помиловании в 1905 и 1913 годах. Таким образом, до 1917 года амнистия не выделялась как самостоятельный институт, а рассматривалась в рамках монаршего помилования [6].

Развитие института амнистии в советский период

Октябрьская революция 1917 года кардинально изменила политический строй, что отразилось и на институте амнистии. Самостоятельное существование этого института началось с актов Временного правительства — «мартовских амнистий» 1917 года, которые освободили всех политических заключенных.

В советском законодательстве термин «амнистия» впервые был официально употреблен в Конституции РСФСР 1918 года. Статья 49 относилась к ведению Всероссийского съезда Советов и ВЦИК. На этом этапе акты амнистии носили ярко выраженный классовый характер и служили средством привлечения на сторону новой власти осужденных рабочих и крестьян [8].

Для советского периода было характерно разделение амнистии на безусловную (освобождение без всяких условий) и условную. Примером последней служит постановление ВЦИК 1919 года, освободившее дезертиров, добровольно явившихся к определенному сроку [5]. Большинство амнистий носило безусловный характер и были приурочены к революционным праздникам. Только с 1920 по 1928 год было издано более двадцати актов амнистии, среди которых — амнистии к 1 мая 1920 года, к 4-й годов-

щине власти трудящихся, а также масштабная амнистия к 10-летию революции 1927 года.

В годы Великой Отечественной войны акты амнистии стали инструментом пополнения армии. Однако самым широким актом за всю историю СССР стала амнистия 1953 года, объявленная после смерти И. В. Сталина. Она освободила многие категории осужденных: лиц, осужденных за хозяйственные, должностные и менее серьезные воинские преступления, беременных женщин, женщин с детьми до 10 лет и несовершеннолетних. Юристы характеризуют эту амнистию как важный шаг к гуманизации карательной политики государства [8].

Конституция СССР 1977 года и Конституция РСФСР 1978 года расширили правовую базу для применения амнистии на любой стадии уголовного процесса. С введением поста Президента СССР право издания актов амнистии перешло к Президиуму Верховного Совета. Таким образом, в советский период институт амнистии оформился как политический и правовой механизм, практически в том виде, в котором он существует сегодня.

Институт амнистии в современном российском законодательстве

С распадом СССР и принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году начался новый этап развития института амнистии. Согласно пункту «ж» части 1 статьи 103 Конституции РФ, право объявления амнистии относится к исключительной компетенции Государственной Думы Федерального Собрания РФ [1]. Решение принимается в форме постановления.

Действующее законодательство, в частности Уголовный кодекс РФ (ч. 2 ст. 84), не дает легального определения амнистии, но четко определяет ее правовые последствия. Актом об амнистии лица могут быть освобождены от уголовной ответственности или наказания, назначенное наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом, а у лиц, отбывших наказание, может быть снята судимость [2].

В современной правовой доктрине амнистия и помилование рассматриваются как два самостоятельных института. В отличие от помилования (акта главы государства в отношении конкретного лица), амнистия — это государственное мероприятие, которое распространяется на неопределенный круг лиц, подпадающих под критерии, указанные в постановлении об амнистии [9].

За годы существования Российской Федерации проводились амнистии различного масштаба. Их можно классифицировать на три группы:

Амнистии в честь знаменательных дат. Самая масштабная — амнистия 26 мая 2000 года к 55-летию Победы, освободившая около 700 000 человек. Последней в этом ряду стала амнистия 2015 года к 70-летию Победы, которая коснулась ветеранов, участников боевых действий и ликвидаторов катастрофы на Чернобыльской АЭС [3].

Амнистии в целях реформирования уголовно-исполнительной системы. В первую очередь это относится к амнистиям 1990-х годов, направленным на значительное сокращение количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Политические амнистии. Например, амнистии для лиц, участвовавших в противоправных действиях на Северном Кавказе.

Обобщая исторический опыт, следует сделать вывод, что институт амнистии в России прошел путь от формы

монаршей милости до конституционно-правового института, реализуемого законодательным органом власти. Неизменным остается его главный принцип — принцип гуманизма, позволяющий государству дать «второй шанс» лицам, совершившим преступление, и способствующий снижению социальной напряженности. Вместе с тем, анализ показывает, что амнистия всегда была и остается тесно связанной с политическим курсом государства, что позволяет рассматривать ее не только как правовой, но и как важный социально-политический инструмент.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Основной закон от 12 декабря 1993 г.: в ред. от 01.07.2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 20.02.2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление ГД ФС РФ от 24.04.2015 N 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»
4. Соборное уложение 1649 года [Текст] / Издательство Юрайт, 2024. — 203 с. — (Антология мысли). — ISBN 978–5–534–17550–9.
5. Постановление ВЦИК от 5 ноября 1919 г. «Об амнистии ко 2-й годовщине Октябрьской революции» // СЗ СССР. — 1935. — № 40.
6. Гришко, А. Я. Амнистия и помилование: монография / А. Я. Гришко. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. 199 с.
7. Ефименко И. А. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Общество и право. — 2010. — № 4. — С. 43.
8. Синцова, Т. А. Амнистия и помилование в советском государственном праве / Т. А. Синцов // Правоведение. 1969. № 6. С. 118–119
9. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 410 с.

История становления и развития института примирительных процедур в России

Комбикова Ева Ренатовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена историческому развитию института примирительных процедур в российском гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: примирительные процедуры, мировое соглашение, медиация, судебное примирение, гражданский процесс, альтернативное разрешение споров.

Институт примирительных процедур имеет глубокие исторические корни и тесно связан с общей эволюцией гражданского судопроизводства в России. Идея разрешения спора путём согласия сторон возникла задолго до формирования современной судебной системы и всегда рассматривалась как предпочтительный способ урегулирования конфликтов, позволяющий сохранить общественный мир и восстановить нарушенные отношения без длительного и затратного процесса.

Ещё в дореформенный период, до принятия Судебных уставов 1864 года, в отечественной практике существо-

вали элементы примирения сторон: споры нередко разрешались через посредничество, третейское разбирательство и заключение мировых сделок. Судебная реформа 1864 года придала примирению чёткую процессуальную форму. Мировые судьи, учреждённые Судебными уставами, были прямо обязаны склонять стороны к миру и лишь при недостижении согласия разрешать дело по существу [7]. В этот период укрепляется понятие «мировая сделка» («мировое соглашение»), которое рассматривалось не просто как акт волеизъявления сторон, но и как проявление добросовестности и взаимного уважения.

Таким образом, уже на ранних этапах развития российского гражданского процесса примирение сторон признавалось самостоятельной и социально значимой задачей правосудия.

В советский период подход к примирительным процедурам существенно изменился. Суд рассматривался преимущественно как орган государственного принуждения, призванный реализовать публичный интерес, а не как посредник между частными субъектами. Несмотря на это, в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 года сохранялись положения, направленные на примирение сторон — суд имел право утверждать мировое соглашение, а также принимать отказ истца от иска и признание иска ответчиком [2]. Однако эти институты рассматривались скорее как процессуальные формы завершения дела, чем как самостоятельные способы урегулирования спора.

В советском гражданском процессе идея примирения сторон носила во многом формальный характер и подчинялась интересам государства, а не частной автономии воли. Стороны обладали ограниченной процессуальной самостоятельностью, а суд — доминирующей позицией, что препятствовало развитию подлинных примирительных процедур.

Рубежным моментом в развитии института примирения стал переход к рыночной экономике и демократическим принципам правосудия в 1990-е годы. В этот период начинается пересмотр концепции гражданского судопроизводства, возвращение к принципу диспозитивности и признание автономии воли сторон. Примирение вновь стало рассматриваться как самостоятельная цель гражданского процесса.

С принятием Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации 2002 года примирению был придан официальный процессуальный статус. Так, статья 148 ГПК РФ относит примирение сторон к числу задач подготовки дела к судебному разбирательству, осуществлению которой должен способствовать суд [1]. Значение мирного урегулирования споров было дополнительно усилено в 2019 году: Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ способствование мирному урегулированию споров было прямо закреплено в статье 2 ГПК РФ в качестве одной из задач гражданского судопроизводства [1; 4].

Особое значение в развитии института примирительных процедур имело принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который впервые в российском праве закрепил правовые основы альтернативного раз-

решения споров [3]. Этот закон позволил выделить медиацию как отдельную форму примирения, основанную на добровольности, равноправии сторон и участии независимого посредника-медиатора.

Принятие закона о медиации стало важным шагом в формировании современной концепции примирительных процедур, однако на практике институт развивается медленно, что связано с отсутствием сформированной медиативной культуры, недостатком квалифицированных специалистов и слабой информированностью граждан о преимуществах мирного урегулирования споров.

Качественно новый этап связан с принятием Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ, которым Гражданский процессуальный кодекс был дополнен главой 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» (статьи 153.1–153.11), вступившей в силу с 25 октября 2019 года [1; 4]. Впервые на уровне кодекса был закреплён перечень видов примирительных процедур — переговоры, медиация и судебное примирение (статья 153.3 ГПК РФ), а также единые принципы примирения сторон: добровольность, сотрудничество, равноправие и конфиденциальность (статья 153.1 ГПК РФ) [1].

Одновременно был введён институт судебного примирения, порядок проведения которого определяется Регламентом проведения судебного примирения, утверждённым постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 [5]. В качестве судебных примирителей выступают судьи в отставке, список которых утверждён постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 1; первоначально в него вошли 342 судьи в отставке [6]. Судебное примирение проводится бесплатно для сторон и допускается на любой стадии процесса, что делает примирительные процедуры более доступными для граждан [5].

Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях неоднократно подчёркивает необходимость активного содействия судов примирению сторон, рассматривая его как элемент эффективного правосудия [5].

Таким образом, развитие института примирительных процедур в России прошло сложный путь — от неформальных форм урегулирования в дореволюционный период до закрепления медиации и судебного примирения в современном законодательстве. Сегодня этот институт является неотъемлемой частью гражданского процесса, отражающей переход к более гуманной, диалоговой модели правосудия, ориентированной на восстановление социальной гармонии и справедливости, а также укрепление доверия к судебной власти.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46.
2. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (утратил силу).

3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31.
4. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. — 2019 г.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей».
7. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. — СПб., 1864.

Оперативно-розыскная психология: понятие и особенности

Куценко Екатерина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Современные тенденции преступности, состояние оперативной обстановки, развитие и совершенствование оперативно-розыскной деятельности. в центре которой находится человек, требуют творческой реализации достижений психологической науки, активного использования психологических знаний, умений и навыков. Сотрудники оперативных аппаратов органов внутренних дел осуществляют психологическую интерпретацию событий и явлений своей многогранной профессиональной деятельности.

В настоящее время интенсивно развивается оперативно-розыскная психология. Возникнув как прикладная дисциплина на стыке юридической и психологической наук, она призвана выявлять и объяснять специфические психологические феномены, механизмы и закономерности, проявляющиеся в оперативно-розыскной деятельности, вооружать практических работников научно обоснованными психологическими методиками и рекомендациями. Различные проблемы оперативно-розыскной психологии изучают ученые-психологи и юристы, среди которых следует выделить В. В. Аврамцева, К. Е. Аврутина, И. И. Басецкого, В. Г. Боброва, В. Т. Вербова, К. К. Горяинова, И. Г. Гричанина, А. В. Губина, В. А. Коноплева, В. А. Лукашева, А. М. Столяренко, В. И. Филиппенко, В. А. Черепанова, В. И. Черненилова, В. В. Шувалова.

Ключевые слова: оперативно-розыскная психология, психологическое обеспечение проводимых оперативно-розыскных мероприятий, психологические приемы и способы, психологические знания.

Оперативно-розыскная психология (далее — ОРП) — это отрасль юридической психологии, изучающая психологические аспекты раскрытия и расследования преступлений, а также вопросы психологического воздействия на криминальные элементы.

Развиваясь в рамках юридической психологии, теории оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), ОРП в то же время формировала собственную систему специфических знаний, изучая скрытые действия преступников, влияние психологической структуры личности на их мотивацию и поступки, установление и развитие доверительных отношений конфиденентов органов внутренних дел (ОВД) с ними для выявления преступных замыслов и планов, психологического разрешения конфликтных и проблемных ситуаций при использовании оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) по выявлению, предупреждению и раскрытию криминальных деяний [9].

Предметом ОРП являются:

1) анализ индивидуально-психологических и социально-психологических явлений, возникающих в условиях оперативно-розыскной деятельности, исследование закономерностей и механизмов психики людей, выступающих

в качестве субъектов ОРД и противостоящих им криминальных элементов и их окружения;

2) изучение психологии оперативно-розыскных коллективов, психологию преступных групп и преступных сообществ, а также психологии их скрытого конфликтного взаимодействия между собой в соответствующих объективных условиях [4].

Основные задачи ОРП:

1) исследование фактического состояний общественных отношений субъектов ОРД с гражданами и криминальной средой для объективной оценки оперативно-розыскных зависимостей в борьбе с преступностью и разработки научно обоснованных юридико-психологических рекомендаций по их совершенствованию;

2) содействие профессионально-психологическому развитию личности субъектов ОРД в соответствии с осуществлением ими правоохранительных функций;

3) разработка психологически обоснованных рекомендаций по установлению доверительных отношений с лицами, вовлеченными в оперативно-розыскной процесс, для предупреждения и раскрытия неочевидных тяжких и особо тяжких преступлений, разрешения про-

блемных и конфликтных ситуаций, возникающих при этом, и др. [4]

Интегративный и дифференционный характер предмета ОРП обусловлен системой знаний, находящихся на стыке правовых (юридических) и психологических наук, а точнее, на стыке теории ОРД и юридической психологии.

Накопление психологических знаний об оперативно-розыскной деятельности осуществлялось на протяжении трех основных этапов. Первый этап характеризуется переносом психологической информации на ОРД. Многие ученые-юристы указывали на актуальность научной разработки данного направления, обозначали некоторые приоритетные пути исследовательского поиска, рассматривали психологические особенности тактики проведения отдельных оперативных действий (А. И. Алексеев, И. И. Басецкий, В. П. Бахин, Р. К. Безруких и др.) [5].

На втором этапе исследовательские усилия ученых-юристов дополнили психологи, изучавшие некоторые психологические проблемы ОРД. Они использовали в этих целях специальный психологический инструментарий и методики. Была сделана попытка адаптировать психологические знания в русле деятельности субъектов ОРД, создать предпосылки для развития категориального аппарата (Ю. Е. Аврутин, А. В. Губин, Е. Г. Самовичев, В. А. Черепанов и др.).

Третий этап включает в себя осуществление специальных правовых и психологических исследований теоретических проблем оперативно-розыскной деятельности, а также разработку методик, практических рекомендаций и предложений по их совершенствованию (В. В. Аврамцев, Ю. Е. Аврутин, В. М. Аتماжитов, И. И. Басецкий, В. Г. Бобров, В. Т. Вербовой, С. И. Винокуров, К. К. Горяинов, А. В. Губин, В. А. и др.) [3].

ОРП по своим целям и задачам является прикладной, практически ориентированной, как и теория ОРД, отраслью научного знания. Это наука, изучающая психические явления и процессы, происходящие в условиях исполнения оперативно-розыскной функции защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, исследующая их механизмы и закономерности.

Все многообразие психологических явлений и процессов можно представить в виде двух основных групп:

- 1) индивидуально-психологические;
- 2) социально-психологические (социально-групповые) явления, составляющие предмет ОРП.

К индивидуально-психологическим явлениям и процессам относятся:

— Психологические факты — относительно простые, несложно наблюдаемые и фиксируемые психологическими методами проявления существования и функционирования человеческой психики [13]

Задача ОРП заключается в том, чтобы обучить субъектов ОРД навыкам распознавания психологических фактов, их феноменов, умению их понимания и объяснения, установления их подлинной сущности в целях отличия от скрываемых противоправных действий и по-

ступков, что составляет содержание профессиональных обязанностей этих субъектов.

— Психологические механизмы — это последовательность актов, посредством которых явления психологически преобразуются, переходят из причины к следствию и наоборот. Достаточно указать, что знание запретительных норм уголовного законодательства у субъектов ОРД формирует психологические механизмы на их соблюдение и выполнение, а у правонарушителей опосредуется в допустимые риски по их нарушению. Психологические механизмы всегда обуславливают взаимосвязь проявления психологических фактов и закономерностей поступков людей [7].

— Психологические закономерности — это объективно существующие причинно-следственные связи психических явлений, процессов и факторов, обуславливающие их проявления. Выявленные и зафиксированные психологические факты невозможно понять и объяснить, а тем более позитивно воздействовать на них, если не будут определены их закономерности. [11] Поскольку в психике людей такие закономерности носят вероятностный характер, то ОРП должна выполнять свою познавательную функцию посредством сбора эмпирического материала о психологических явлениях и процессах, которые в своей совокупности должны быть типичными, чаще всего повторяющимися.

К социально-психологическим явлениям и процессам относятся:

1) массовые психические явления, включающие групповые коллективные и общественные цели, интересы, запросы, мотивы, мнения, нормы поведения, обычаи, традиции, настроения и др.;

2) взаимоотношения, проявляющиеся в личностно-групповых, межличностных и межгрупповых явлениях и процессах;

3) личностные социально-психологические явления и процессы, происходящие в индивидуальной психике человека, но по своему содержанию они выражают и отражают устоявшиеся стереотипы групповых, общественно значимых явлений и процессов. Они во многом обусловлены специфическими социально-психологическими механизмами общения, восприятия, конформизма, усиливающими или ослабляющими действия субъектов ОРД и граждан, привлекаемых для сотрудничества с ними в целях эффективной борьбы с преступностью. Совокупность социально-психологических явлений и процессов в конкретной криминальной среде или коллективе единомышленников отражает их психологическое состояние, морально-психологический климат и обычно именуется групповой или коллективной психологией в зависимости от степени общественного развития. Социально-психологические явления и процессы являются объектом воздействия субъектов ОРД, поэтому и включаются в предмет ОРП как ее общеобязательный элемент. [1]

Предметом изучения науки ОРП являются в том числе социально-психологические или групповые ее

особенности. По сравнению с индивидуальной психологией групповая и социальная изучают сложные психические реалии, характеризующиеся интегративными свойствами, механизмами и закономерностями [6]. Эти реалии существенно обогащают и вместе с тем усложняют систему психических явлений и процессов, облегчая или затрудняя реализацию законодательно определенных задач ОРД. По этим причинам они нуждаются в психологическом изучении, обобщении и регламентации в системе оперативно-розыскных средств и методов защиты личности, общества и государства от противоправных посягательств на них.

Теория и практика ОРД, нацеленные на преодоление сопротивления отдельных лиц и преступных группировок, разрушение их преступных замыслов, самым непосредственным образом связаны с психологической наукой. Необходимость использования психологических знаний в сфере ОРД определяется следующими ее специфическими особенностями.

Во-первых, ОРД носит характер постоянного и скрытого конфликтного взаимодействия с преступной средой, лицами, замышляющими, подготавливающими или уже совершившими преступление. Вследствие этого ОРД: осуществляется конспиративно; является деятельностью рефлексивной, т. е. характеризуется изучением проверяемых лиц и лиц, проходящих по делу, а также воздействием на них; экстремальна, так как связана с определенным риском из-за физической опасности, недостатком исчерпывающей информации о преступных событиях и причастных к ним лицах, с постоянным противодействием криминальным элементам, постоянным дефицитом времени [11].

Во-вторых, ОРД характеризуется: постоянным анализом и прогнозированием результатов своей деятельности и деятельности криминальных элементов; использованием разнообразных мотивировок и ролей с целью обеспечения скрытности проводимых мероприятий, эффективности получения и использования оперативно-ценной информации о проверяемых и разрабатываемых лицах; постоянной готовностью к действиям в экстремальных ситуациях; строгим эмоционально-волевым контролем [12].

В-третьих, ОРД: строится на нормативно-правовой основе, т. е. регламентируется действующими нормами права и морали; связана с привлечением многообразных сил, средств и методов, т. е. осуществляется как деятельность комплексная и коллективная; постоянно согласуется с оперативной обстановкой и конкретными оперативно-тактическими ситуациями; отличается высоким динамизмом из-за постоянного изменения среды функционирования.

В заключение считаем необходимым сделать следующие выводы:

Во-первых, оперативно-розыскная психология, сопряженная с теорией ОРД, как утверждают специалисты этих областей знаний, есть резерв для дальнейшего совершенствования ОРД в новых условиях (процесс гло-

бализации, проводимая военная специальная операция, активизация деятельности международной преступной организации, специальных служб иностранных государств против России), когда на этом фоне разведывательно-поисковая работа выходит на первый план в интересах своевременного получения оперативно значимой информации о замышляемых и подготавливаемых особо опасных преступлениях прежде всего членами организованных преступных групп и сообществ. Интеграция их достижений в области углубленного познания проблем на стыке двух теорий, по мнению автора настоящей статьи, могла бы послужить в качестве ответной меры, соразмерной предпринимаемым ими деяниям.

Во-вторых, среди множества психологических приемов, рассматриваемых в контексте психологической техники выполнения сотрудниками оперативных подразделений полиции своих профессиональных действий, установление психологического контакта занимает особое место, понимаемое как «синхронность мыслей, намерений, доверительность отношений, содействие друг другу в поисках истины, решения вопроса, проблемы» [8]. В обобщенном виде основными правилами для этого выступают: последовательное психологическое сближение; демонстрация общности собеседников и формирование диады «Мы»; усиленное разрешение их просьб, а также «психологическое поглаживание». Чтобы названные правила срабатывали целесообразно честно, справедливо, по-деловому следует искать взаимоприемлемые пути решения возникающих вопросов.

В-третьих, в оперативно-служебной деятельности сотрудников указанных подразделений умение общаться имеет огромное значение для успешного решения повседневных задач. Общая психотехника общения располагает на сегодня множеством приемов, два из которых, на наш взгляд, являются ключевыми: прием подготовки предстоящего общения и прием создания для этого благоприятных исходных психологических условий. В частности, подготовка к общению предусматривает соблюдение выработанных правоприменительной практикой несколько правил, а именно: максимальная психологичность на основе обоснований и рассуждений своей линии поведения, отстаивая интересы службы; заблаговременная разработка сценария предстоящего общения (проиграть возможные варианты); коммуникативная его проработка (тщательное продумывание общей схемы общения).

Создание благоприятных условий базируется на таких правилах, как: создание обстановочных условий, чтобы добиться раскрепощенное, искреннее, доверительное общение; оказание благоприятного впечатления на собеседника (предпочтителен разговор с глазу на глаз, задают тон внешний вид и поведение при встрече); удачное начало разговора (не следует начинать сразу с болезненных вопросов, а лучше начать с непринужденных и не относящихся к предмету предстоящего разговора).

Таким образом, оперативно-розыскная психология — это отрасль юридической психологии, изучающая зако-

номерности оперативно-розыскной деятельности, механизмы развития и проявления психических явлений, характеризующих с точки зрения борьбы с преступностью специфические особенности субъектов и объектов

оперативно-розыскной деятельности, и основанные на знании этих закономерностей и явлений приемы и методы совершенствования оперативно-розыскной деятельности.

Литература:

1. Беркович О. Е. Юридическая психология в правоохранительной деятельности: учебное пособие. Казань, 2022 [с. 112].
2. Горностаев С. В. Оперативно-розыскная психология. М., 2025 [с. 48].
3. Калужина М. А. Психология оперативно-розыскного противодействия противоправному поведению. Краснодар, 2023 [с. 153].
4. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум. М., 2024 [с. 183].
5. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие. М., 2023 [с. 87].
6. Шаранов Ю. А. Юридическая психология и психология безопасности: учебное пособие. СПб., 2024 [с. 188].
7. Агарков В. А. Оперативно-розыскная психология как наука // Российское общество и государство на современном этапе: сб. науч. статей. Владимир, 2021 [с. 9].
8. Иванов П. И. О проблемах теории психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1 [с. 516].
9. Иванов П. И. Оперативно-розыскная психология, сопряженная с теорией ОРД // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8 [с. 115].
10. Иванов П. И. Психологическое обеспечение ОРД как системное образование // Аграрное и земельное право. 2026. № 1 [с. 441].
11. Коган О. С. Психологические особенности личности и проблемы конфликтности для работников сферы юриспруденции // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8(171) [с. 451].
12. Напалкина Ю. А. О сущности и значении психологических контактов в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Государственная служба и кадры. 2025. № 4 [с. 236].
13. Пучнин А. В. Оперативно-розыскная психология: методические рекомендации по изучению дисциплины для курсантов и слушателей юридического факультета, слушателей факультета заочного обучения. Воронеж, 2021 [с. 18].

Мировое соглашение как форма реализации принципа диспозитивности сторон

Кушакова Мария Александровна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется мировое соглашение как ключевая форма реализации принципа диспозитивности сторон в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации. Автором детально рассматривается правовая природа мирового соглашения как сложного института, сочетающего в себе признаки материальноправового договора и процессуальной сделки, а также исследуется общее значение мирового соглашения для достижения целей гражданского процесса — эффективного, экономичного и согласительного разрешения спора.

В статье поступательно и методично анализируются положения ГПК РФ и АПК РФ, регламентирующие право сторон на окончание дела мировым соглашением, порядок его утверждения и последствия для дальнейшего осуществления права на иск. Особое внимание уделяется пределам диспозитивности и превращению запрета на соглашения, противоречащие закону или нарушающие права других лиц, в механизм легитимного и санкционированного судебного контроля.

На основе критического анализа доктрины и практики обосновывается проблема расширительного толкования оснований отказа в утверждении мирового соглашения.

В заключение автором предлагается практическая рекомендация по части совершенствования ст. 39 ГПК РФ и ст. 139 АПК РФ путем конкретизации критериев «противоречия закону» и «нарушения прав других лиц» для укрепления диспозитивности при одновременном сохранении защиты императивных норм и прав конкретных третьих лиц.

Ключевые слова: *цивилистический процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, ГПК РФ, АПК РФ, мировое соглашение, принцип диспозитивности, пределы диспозитивности, процессуальная сделка, судебный контроль, права третьих лиц, императивные нормы, совершенствование законодательства.*

Мировое соглашение в гражданском и арбитражном судопроизводстве представляет собой одну из ключевых форм реализации принципа диспозитивности, поскольку основано на свободном волеизъявлении сторон, их праве распоряжаться материальными и процессуальными правами и самостоятельно определять судьбу спора в пределах, установленных законом.

При этом действующее регулирование, наделяя суд значительными полномочиями по контролю за законностью и допустимостью условий мирового соглашения, фактически формирует пределы диспозитивности сторон, что обуславливает необходимость их доктринального осмысления и точечной коррекции процессуальных норм.

Принцип диспозитивности в гражданском процессе традиционно понимается как возможность лиц, участвующих в деле, прежде всего сторон, распоряжаться своими материальными и процессуальными правами по своему усмотрению.

В качестве проявления диспозитивности закон прямо закрепляет право истца изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, отказаться от иска, право ответчика признать иск, а также право сторон окончить дело мировым соглашением (ч. 1 ст. 39 ГПК РФ [1], ч. 4 ст. 49, ст. 138, 139 АПК РФ [2]).

Именно мировое соглашение, как совместное распорядительное действие сторон, наилучшим образом демонстрирует сущность диспозитивности, которая проявляется в том, что стороны не только прекращают спор, но и конструируют новое содержание своих правоотношений в пределах дозволенного законом.

На сегодняшний день процессуальный закон определяет мировое соглашение как соглашение сторон, направленное на урегулирование спора на основе взаимных уступок и утверждаемое судом, что выступает основанием прекращения производства по делу (ст. 173, 220 ГПК РФ; ст. 139, 150 АПК РФ).

В доктрине обоснованно отмечается, что мировое соглашение является сложным институтом, сочетающим элементы материально-правового договора (новация, отступное, изменение обязательства) и процессуальной сделки, направленной на достижение цели гражданского судопроизводства — справедливое, своевременное и экономичное разрешение спора без применения государственного принуждения [3, с. 503].

Важно учитывать, что мировое соглашение в современной доктрине рассматривается как сложный институт, сочетающий признаки гражданско-правовой сделки и примирительной процедуры, поскольку одновременно служит инструментом частноправового регулирования отношений сторон и процессуальным способом завер-

шения спора на основе согласованного волеизъявления участников.

В зависимости от процессуальной формы его заключения — в рамках искового производства либо административного процесса — мировое соглашение приобретает специфические черты, однако именно в гражданском (исковом) судопроизводстве оно в наибольшей степени отвечает сущности гражданско-правовой сделки, направленной на изменение, прекращение или новацию материального правоотношения посредством взаимных уступок сторон [4, с. 106].

Утвержденное судом мировое соглашение влечет вынесение определения о прекращении производства по делу, исключая возможность предъявления тождественного иска (ст. 134, 220 ГПК РФ; ст. 150, 151 АПК РФ), тем самым придавая соглашению эффект, сопоставимый с судебным решением.

Заключая мировое соглашение, стороны по своему усмотрению распоряжаются субъективными правами и обязанностями, определяя объем взаимных уступок и новый баланс интересов.

Принцип диспозитивности проявляется здесь как в возможности окончания дела миром уже на стадии подготовки, так и в праве сторон инициировать заключение мирового соглашения на любой стадии процесса, включая апелляционную и кассационную инстанции, при соблюдении предусмотренной законом формы. Так, важно учитывать, что в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» содержатся важные положения о примирении сторон процесса [5].

При этом суд, реализуя принцип законности, обязан проверять мировое соглашение на предмет соответствия закону и отсутствия нарушения прав и законных интересов третьих лиц, что прямо закреплено в ч. 2 ст. 39 ГПК РФ и ч. 3 ст. 139 АПК РФ.

Закон, устанавливая запрет на утверждение мирового соглашения, противоречащего закону или нарушающего права других лиц, формирует пределы диспозитивности, выход за которые недопустим.

В силу ч. 4 ст. 138 АПК РФ примирение сторон допускается на любой стадии арбитражного процесса, а также на этапе исполнения судебного акта, если иное прямо не установлено кодексом или иным федеральным законом. Судебная практика подтверждает, что мировое соглашение возможно не только при рассмотрении спора по существу, но и при разрешении отдельных ходатайств и заявлений, в том числе, например, при рассмотрении заявления об отсрочке исполнения судебного акта по делу (Дело № А3224068/2020) [6].

Анализ арбитражной практики свидетельствует о том, что наиболее часто мировые соглашения заключаются по

делам, вытекающим из гражданско-правовых отношений. В то же время арбитражное процессуальное законодательство не исключает возможность примирения сторон и по спорам, возникающим из административных правоотношений.

При этом важно учитывать, что суд не принимает отказ истца от иска, признание иска и не утверждает мировое соглашение, если эти действия противоречат закону или нарушают права и охраняемые законом интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ; ч. 5 ст. 49, ч. 3 ст. 139 АПК РФ), при этом он обязан разъяснить сторонам последствия заключения мирового соглашения и удостовериться в добровольности их волеизъявления.

В научной доктрине по данному вопросу высказывается критика чрезмерно широких полномочий суда по оценке условий мирового соглашения, поскольку фактически суд получает возможность вмешиваться в частно-правовую автономию сторон и ограничивать проявление диспозитивности под предлогом обеспечения законности и защиты неопределенного круга лиц [7].

Современная судебная практика демонстрирует ситуации, когда суд, руководствуясь необходимостью защиты интересов третьих лиц и публичного порядка, отказывает в утверждении мирового соглашения, хотя его условия объективно отражают баланс интересов непосредственно участвующих в деле сторон [8].

Особенно остро проблема пределов диспозитивности проявляется в делах о банкротстве, корпоративных спорах и спорах с участием публичных образований, где мировое соглашение может объективно затрагивать интересы кредиторов, миноритарных акционеров, иных участников оборота, не являющихся сторонами процесса.

В таких случаях мировое соглашение рассматривается как «процессуальный компромисс» между участвующими в деле лицами, тогда как интересы третьих лиц должны быть обеспечены посредством специальных механизмов (уведомление, участие, возможность оспаривания), а не за счет произвольного отказа суда в утверждении соглашения.

Несмотря на детальную регламентацию порядка заключения и утверждения мирового соглашения в ГПК РФ и АПК РФ, ряд положений закона в части оценочных критериев допустимости мирового соглашения остается неопределенным.

Так, по мнению автора настоящей статьи, содержащаяся в действующем процессуальном законе формула «противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц» допускает расширительное толкование, позволяя суду исходить из абстрактных сообра-

жений о «нецелесообразности» или возможного будущего нарушения, что снижает предсказуемость судебных решений и ограничивает свободу сторон в выборе модели урегулирования спора.

В связи с чем, для усиления реализации принципа диспозитивности сторон при сохранении необходимого уровня защиты законности и прав третьих лиц целесообразно внести в ст. 39 ГПК РФ и ст. 139 АПК РФ специальную норму, конкретизирующую основания отказа суда в утверждении мирового соглашения.

В частности, предлагается:

Закрепить, что под «противоречием закону» понимается несоответствие условиям императивных норм, прямо регулирующих соответствующие отношения, либо обход таких норм;

Ограничить возможность отказа в утверждении мирового соглашения ссылкой на нарушение прав «других лиц» лишь при наличии прямо выявленных и конкретизированных лиц, чьи права подтверждаются доказательствами в материалах дела.

Для повышения эффективности примирительных механизмов необходимо устранить существующие теоретические и практические барьеры, обеспечив единообразие понятийного аппарата и расширение возможностей альтернативного урегулирования споров в арбитражном процессе [9, с. 104–105].

В заключение настоящей статьи предлагается дополнить ч. 2 ст. 39 ГПК РФ абзацем следующего содержания:

«Суд вправе отказать в утверждении мирового соглашения лишь при наличии явного несоответствия его условий императивным нормам закона либо установленных в деле данных о нарушении прав конкретных третьих лиц, не участвующих в деле».

Подобное «точечное» изменение процессуального закона, по мнению автора статьи, позволит одновременно решить несколько взаимосвязанных задач:

Укрепить автономию воли сторон и обеспечить предсказуемость судебной практики при заключении мировых соглашений;

Сохранить необходимый фильтр для соглашений, направленных на обход императивных запретов или причиняющих очевидный ущерб правам третьих лиц.

В результате принятия подобной законодательной новеллы мировое соглашение в еще большей степени будет выступать эффективной формой реализации принципа диспозитивности, стимулируя развитие альтернативных, согласительных способов разрешения споров и разгружая судебную систему без ущерба для охраны публичных и частных интересов.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

3. Филин А. А. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. № 11 (80). Том № 3. Ноябрь. 2024. С. 497–504.
4. Жукова В. О. Процессуальный и материальный подходы к правовой природе мирового соглашения // Молодой ученый. 2024. № 36 (535). С. 104–106.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс». 2026.
6. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 09.11.2021 по делу № А32–24068/2020 // [электронный ресурс]: URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.06.2026).
7. Тульская Е. А. Пределы диспозитивности сторон при заключении мирового соглашения: уроки судебной практики// [электронный ресурс]: URL: <https://www.kachkin.ru/predely-dispozitivnosti-storon-pri-zaklyuchenii-mirovogo-soglasheniya-uroki-sudebnoj-praktiki/> (дата обращения: 30.06.2026).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.03.2017 № 305-ЭС16–17204 по делу № А40–112205/2015 // СПС «КонсультантПлюс». 2026.
9. Горбунова Ю. О. Медиация в арбитражном процессе — побеждаем без войны // Инновационная экономика и право. 2017. № 3 (8). С. 103–107.

Участие переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, касающихся режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации

Макарова Мария Сергеевна, слушатель
Омская академия МВД России

В статье автор раскрывает проблемные вопросы, связанные с участием переводчика в делах об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 18.8 КоАП РФ, а также предлагает возможные решения данных проблем.

Ключевые слова: административная ответственность, дело об административном правонарушении, иностранные граждане, миграционное законодательство, переводчик

Ключевая особенность дел об административных правонарушениях в сфере миграционного законодательства, в частности связанных с нарушением режима пребывания в Российской Федерации, заключается в специфике субъекта: им является иностранный гражданин или лицо без гражданства. Если иностранный гражданин не владеет языком судопроизводства, то он может воспользоваться услугами переводчика (ст. 24.2, 25.10 КоАП РФ).

При анализе судебной практики можно выявить следующую тенденцию: большое количество обжалований по вопросам участия переводчика со стороны защиты.

Как поясняет в своем решении от 28.08.2025 № 12–224/2025 21–1601/2–25 по делу № 12–224/2025 Воронежский областной суд, «лишение лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, который не владеет или недостаточно владеет языком, права на дачу показаний, заявлений, отводов и ходатайств на родном языке или другом языке, которым владеет, а также пользоваться помощью переводчика является существенным нарушением процессуального закона» [1].

То обстоятельство, что лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, не владеет или плохо владеет языком ведения процесса по делу об административном производстве, должно быть

«мотивированно, обоснованно и основываться на исследовании всех доказательств по делу» [1]. Например, Воронежский областной суд усмотрел, что при составлении протокола об административном правонарушении в отношении гр. А, «при рассмотрении дела и вынесении должностным лицом постановления по делу об административном правонарушении переводчик не участвовал» [1].

Так, в протоколе об административном правонарушении имеются записи и проставлены подписи, однако они сделаны лицом, уполномоченным на составление протокола об административном правонарушении, соответственно, без участия лица, в отношении которого возбуждается дело: нет его собственноручной записи, только проставлена подпись.

Действительно, в таком случае возникают сомнения в том, что процессуальные права были разъяснены и понятны лицу, в отношении которого возбуждается дело. Не исключено, что привлекаемое к ответственности лицо, не понимало сути подписываемых документов и проставило подписи исключительно по указанию должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ.

Также важно понимать, происходило ли разъяснение процессуальных прав должностным лицом, которое упол-

номочено на рассмотрение дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, выяснялся ли вопрос о степени владения языком производства у лица, в отношении которого ведется дело. При этом Воронежский областной суд указывает, что владение языком должно быть достаточным.

Подобные процессуальные нарушения, как в рассмотренном примере, недопустимы еще и потому, что дела по ст. 18.8 КоАП РФ связаны с серьезным ограничением прав нарушителя. За нарушение миграционного законодательства КоАП РФ предусматривает для иностранных граждан наказание в виде штрафа и выдворения за пределы Российской Федерации. До исполнения решения о выдворении иностранный гражданин содержится в Центре временного содержания иностранных граждан или ином специализированном учреждении.

Если постановление должностного лица, которое содержит в себе указание на административную ответственность, отменяется, естественным является и освобождение иностранного гражданина из специализированного учреждения (это подразумевается ст. 35.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2]).

В рассмотренном примере иностранец подписал документы, не понимая их сути. Если бы должностное лицо изначально обеспечило участие переводчика, возможно, не было бы оснований для содержания привлекаемого лица в специализированном учреждении.

Таким образом, нарушение права на предоставление переводчика может повлечь за собой негативные последствия как для иностранных граждан, так и для правоприменителей. Поэтому важность обеспечения с первых этапов производства участия переводчика в делах об административных правонарушениях, возбужденных в отношении лиц, в недостаточной степени владеющих языком производства (русским языком), становится очевидной.

Можно выделить и другие аспекты проблемы:

- недостаточное количество квалифицированных переводчиков, что зачастую является главным фактором, способствующим нарушению рассматриваемого права;
- возможность злоупотребления правом на предоставление переводчика и правом на использование родного языка в производстве лицом, в недостаточной степени владеющим языком производства (русским языком).

Все это свидетельствует о наличии пробелов в процессуальном регулировании. Для их устранения необходимо решить следующие задачи:

- определить способы удостоверения достаточности владения языком производства (русским языком) у лица, в отношении которого возбуждается дело об административном производстве;
- разработать процессуальные способы закрепления отказа от использования права на привлечение переводчика;
- сформировать требования к переводчику как к участнику дела об административном правонарушении;

— определить процессуальное оформление участия переводчика (будет ли один или будет замена, соответствующие записи, указывающие на участие переводчика);

В территориальных органах имеется следующая практика разрешения данных проблем. Переводчик, как правило, предоставляется лицу один, или (в 80 % случаев) должностным лицом делается отметка о том, что лицо, в отношении которого возбуждается дело об административном правонарушении, владеет языком. К материалам дела об административном правонарушении приобщается анкета переводчика с его данными. Переводчик привлекается из числа лиц, с которыми уже имеется опыт взаимодействия, или в качестве переводчика приглашается лицо, на которое укажет сам привлекаемый к ответственности иностранный гражданин. Должностное лицо на свое усмотрение определяет достаточность владения языком судопроизводства (чаще всего если лицо может объясняться и понимает язык на бытовом уровне, его уже могут признать владеющим языком судопроизводства). Нередко сотрудники, уполномоченные составлять протокол, формально относятся ко многим сопутствующим процедурам: разъяснению прав, проставлению подписей, заполнению бланков протоколов. Это обусловлено низкой правовой культурой иностранных граждан — мало от кого поступают заявления или жалобы на составленные документы.

В этой связи предлагается:

Изготавливать типовые бланки протоколов об административных правонарушениях, а также переводы статей, содержащих права и обязанности участников дела об административном правонарушении, составов правонарушений в области миграционного законодательства, на основе анализа правоприменительной практики ст. 18.8 КоАП РФ с учетом гражданства лиц, привлекаемых к административной ответственности (например, граждан страны СНГ).

В случае невозможности предоставить переводчика в кратчайшие сроки (1,5–2 часа) и при согласии самого лица, совершившего правонарушение, разрешить должностному лицу, уполномоченному на составление протокола об административном правонарушении согласно ст. 28.3 КоАП РФ, а также должностным лицам, имеющим право рассматривать дела об административном правонарушении согласно ст. 23.7 КоАП РФ, использовать приложения онлайн-перевода, созданное отечественными разработчиками специально для нужд органов МВД (такого приложения на сегодняшний момент нет).

Выработать четкие и объективные критерии достаточности владения языком производства по делу об административном правонарушении, основанные на комплексном подходе. Такая оценка должна включать в себя совокупный анализ как формальных признаков (наличие сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ отечественного законодательства, так и фактических (результаты проведения беседы с конкрет-

ными вопросами, которые могут помочь сотруднику достоверно оценить владение русским языком).

Производить видеофиксацию процедуры проверки и отказа от предоставления переводчика с разъяснением того, что в дальнейшем лицо, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, не сможет воспользоваться данным правом.

Определить процедуру замены переводчика с конкретными основаниями, сроками и документальным оформлением.

Литература:

1. Решение Воронежского областного суда № 12–224/2025 21–1601/2–25 от 28.08.2025 по делу № 12–224/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KmmcSQBr6lLa/> (дата обращения: 09.07.2026).
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 10.06.2026).

Теоретико-правовой анализ общественного воздействия как средства исправления осужденных

Мекеров Алан Ильясович, студент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

Предметом исследования выступает институт общественного воздействия в системе средств исправления осужденных. Целью работы является комплексный анализ правовой природы данного института, его исторического развития и современного состояния. В статье рассматриваются проблемы правоприменительной практики и предлагаются направления совершенствования законодательства для повышения эффективности ресоциализации лиц, отбывающих наказание.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправление осужденных, ресоциализация, общественное воздействие, попечительские советы, институты гражданского общества.

Введение

Современная концепция уголовно-исполнительной политики России ориентирована на гуманизацию отбывания наказания и достижение его главной цели — исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Нормативным фундаментом для реализации этой цели выступает статья 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), закрепляющая систему средств исправления. Наряду с режимом, воспитательной работой, общественно полезным трудом и образованием, законодатель определяет в качестве самостоятельного элемента «**общественное воздействие**».

Несмотря на императивный характер данной нормы, в доктрине уголовно-исполнительного права наблюдается концептуальный пробел. Научные дискуссии преимущественно концентрируются на механизмах общественного контроля за соблюдением прав человека в местах ли-

Реализация данных рекомендаций, на наш взгляд, позволит урегулировать рассмотренную выше ситуацию, а в дальнейшем исключить основания для обжалования вынесенных постановлений об административных правонарушениях, а также обеспечить защиту прав всех участников дела. Аналогичные действия могут быть использованы в практике привлечения к административной ответственности в тех случаях, когда какой-либо из участников не в достаточной степени владеет языком производства по делам об административных правонарушениях.

шения свободы, в то время как потенциал общественного воздействия как активного инструмента ресоциализации остается недооцененным. Актуальность исследования продиктована необходимостью поиска эффективных механизмов снижения рецидивной преступности через интеграцию потенциала гражданского общества в пенитенциарную систему.

1. Правовая сущность и функциональное назначение

Общественное воздействие представляет собой целенаправленную деятельность негосударственных институтов и отдельных граждан, направленную на содействие администрации исправительных учреждений в формировании у осужденных уважительного отношения к обществу, труду и нормам общежития.

Ключевой характеристикой данного средства является его **вспомогательный (субсидиарный)** характер.

Деятельность общественности не подменяет властные полномочия администрации, а служит катализатором для достижения целей уголовного наказания. Согласно части 2 статьи 9 УИК РФ, применение средств исправления должно быть строго законным и не может быть сопряжено с причинением физических или нравственных страданий. Таким образом, общественное воздействие выступает гуманистическим вектором, дополняющим карательно-ограничительную сущность режима.

2. Эволюция форм и современное состояние института

Историческая ретроспектива демонстрирует трансформацию форм участия общества в жизни пенитенциарных учреждений. От советского опыта работы наблюдательных комиссий современная практика перешла к модели партнерства.

В настоящее время можно выделить несколько ключевых форматов взаимодействия:

Попечительские и родительские советы. Наиболее институционализированная форма, особенно в воспитательных колониях. Их функционал включает не только материальную поддержку учреждений (сбор средств на ремонт, закупку инвентаря), но и организацию культурно-массовых мероприятий, а также поддержание семейных связей осужденных.

Сотрудничество с религиозными конфессиями. Обеспечивает духовно-нравственную поддержку, способствует переосмыслению жизненных ориентиров осужденного и формированию у него внутренней установки на правопослушное поведение после освобождения.

Волонтерское движение. Привлечение гражданских активистов к реализации образовательных программ (включая дистанционное обучение), профессиональной ориентации и психологической поддержке. Это способствует поддержанию социальных компетенций осужденного.

3. Проблемные аспекты реализации

Эффективность института общественного воздействия на практике нивелируется рядом системных препятствий:

Недостаточная нормативная детализация. Положения УИК РФ носят рамочный характер. Отсутствие единого федерального стандарта деятельности попечительских советов приводит к разрозненности подходов в разных регионах и учреждениях.

Литература:

1. Мадаев, Х. Т. Институты гражданского общества и исправление осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы / Х. Т. Мадаев // Юристы-Правоведы. — 2012. — № 1(50). — С. 122–125.
2. Москвин, С. В. Нормативное обеспечение исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы / С. В. Москвин // Вестник Вятского государственного университета. — 2011. — № 2–5. — С. 181–183.

Риск формализма. Деятельность советов часто сводится к формальному подписанию протоколов без проведения реальных мероприятий. Это дискредитирует саму идею общественного участия и вызывает недоверие со стороны самих осужденных.

Административные барьеры. Администрация некоторых учреждений ФСИН России может воспринимать представителей общественности как фактор, усложняющий режимные требования и создающий дополнительные риски безопасности.

Отсутствие системной поддержки. Инициативы волонтеров и НКО часто страдают от нехватки ресурсов и организационной поддержки со стороны государства.

4. Направления совершенствования

Для преодоления выявленных проблем и раскрытия потенциала общественного воздействия предлагается следующий комплекс мер:

Унификация законодательства. Разработать и принять профильный нормативный акт (например, федеральный закон или постановление Правительства РФ), регламентирующий единый порядок формирования и работы попечительских советов при всех типах исправительных учреждений.

Внедрение механизмов ГЧП. Создать систему государственной поддержки (гранты, субсидии) для некоммерческих организаций, реализующих проекты по ресоциализации осужденных.

Развитие цифровых каналов коммуникации. Обеспечить легальные и контролируемые способы взаимодействия осужденных с внешним миром через онлайн-платформы для общения с семьей и участия в образовательных вебинарах.

Институционализация обмена опытом. Активно изучать и адаптировать успешные зарубежные модели интеграции гражданского общества в пенитенциарную сферу.

Заключение

Общественное воздействие является неотъемлемым элементом современной парадигмы исполнения наказаний. Его развитие — это не просто выполнение требований закона, а стратегическая инвестиция в безопасность общества через снижение уровня рецидива. Переход от декларативного признания роли общественности к созданию действенных правовых механизмов ее участия позволит оптимизировать работу уголовно-исполнительной системы и будет способствовать достижению целей гуманизации правосудия.

3. Попова, Е. Э. Общественное воздействие как средство исправления осуждённых: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. канд. юрид. наук / Попова Е. Э. — Владивосток, 2023.
4. Зубков, А. И. Уголовно-исполнительное право: учебник / А. И. Зубков. — М.: Издательская группа НОРМА, 2000. — 224 с.
5. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. П. Г. Мищенкова. — М.: Экспертное бюро-М, 1997. — 800 с.
6. Официальный сайт ФСИН России. Раздел «Взаимодействие с институтами гражданского общества» [Электронный ресурс]. — URL: fsin.rf.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 2025 г.). Статья 9.

Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности

Никитина Ольга Александровна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье исследуются особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Анализируется понятие источника повышенной опасности, закрепленное в ст. 1079 ГК РФ, а также правовые позиции Верховного Суда РФ и доктринальные подходы. Особое внимание уделяется дискуссионному вопросу о квалификации животных в качестве источника повышенной опасности. На основе анализа противоречивой судебной практики автором предлагаются критерии для отнесения животных к источникам повышенной опасности.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, деликтная ответственность, животные как источник повышенной опасности, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда.

Понятие источника повышенной опасности является одним из центральных в деликтном праве. Его сущность сводится к тому, что определенные виды человеческой деятельности объективно не поддаются полному контролю со стороны человека, а потому создают повышенный риск причинения вреда окружающим. К числу таких видов деятельности закон и практика относят эксплуатацию транспортных средств, механизмов, использование электроэнергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых и ядовитых веществ, а также строительные и иные подобные работы. В медицинской сфере к источникам повышенной опасности нередко причисляют рентгеновское и лазерное оборудование, а также сильнодействующие, наркотические и ядовитые лекарственные препараты, применение которых сопряжено с высокими рисками для пациентов и персонала. Как справедливо подчеркивал еще в советский период О. С. Иоффе, особенность ответственности за вред от источников повышенной опасности заключается в том, что она строится не на вине, а на самом факте владения таким объектом, что объективно смещает центр тяжести с поведения владельца на свойства самой вещи [6].

Нормативное закрепление данного понятия содержится в статье 1079 Гражданского кодекса РФ [1]. При этом законодатель не дает закрытого перечня объектов, которые могут быть признаны источниками повышенной опасности. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 26 января 2010 г. № 1 специально обратил вни-

мание судов на то, что приведенный в законе перечень не является исчерпывающим, и в каждом конкретном деле вопрос о квалификации того или иного объекта или деятельности должен решаться судом с учетом всех фактических обстоятельств [2].

В доктрине также отсутствует единообразный подход к определению критериев отнесения объектов к источникам повышенной опасности. Как справедливо отмечает Д. В. Богатов, на практике решающее значение имеет не столько формальное соответствие объекта перечню из ст. 1079 ГК РФ, сколько его реальная способность создавать повышенную опасность в конкретных условиях. Именно поэтому судебные решения по данной категории дел, по его мнению, носят сугубо индивидуальный характер и принимаются на основе комплексной оценки доказательств, включая заключения экспертов [4].

Особую остроту в теории и практике деликтной ответственности приобретает вопрос о квалификации животных в качестве источника повышенной опасности. Единообразного решения этой проблемы не существует ни в научной литературе, ни в правоприменительной деятельности судов, что создает значительные сложности для потерпевших и владельцев животных.

Традиционно в цивилистике выделяют два основных признака, позволяющих отнести объект к источникам повышенной опасности: невозможность осуществления полного и постоянного контроля над ним со стороны человека, а также его способность причинять вред при от-

существии виновных действий самого потерпевшего. Такой подход восходит к классической доктрине, в частности к трудам М. М. Агаркова, который связывал повышенную опасность именно с невозможностью полного контроля над объектом и его объективной вредоносностью [3]. Животные, будучи живыми существами с собственной волей и поведенческими реакциями, объективно не поддаются абсолютному контролю. Многие из них обладают врожденными или приобретенными свойствами, представляющими угрозу для человека: например, собаки бойцовских пород имеют мощный укус, крупный рогатый скот может нанести травмы рогами, а ядовитые змеи и пауки, ставшие популярными в качестве домашних питомцев, несут прямую химическую опасность. Эти обстоятельства, на первый взгляд, позволяют включить животных в орбиту действия ст. 1079 ГК РФ. Однако такая позиция небесспорна, поскольку закон и подзаконные акты не предлагают четких критериев для разграничения опасных и неопасных животных, что порождает правовую неопределенность. Современные исследователи также обращают внимание на отсутствие единых подходов: например, И. И. Бабинцев, О. А. Берзинь и Е. Н. Шлягина отмечают, что животные обладают смешанным правовым режимом, что затрудняет их однозначную квалификацию [5], а В. Н. Синельникова и О. А. Хатунцев прямо указывают на необходимость дифференцированного подхода в зависимости от вида и степени одомашнивания [7].

Отсутствие единых подходов наглядно иллюстрируется противоречивой судебной практикой. В одном из показательных дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ (определение от 24 августа 2021 г. № 58-КГ21–8-К9) пришла к выводу, что корова, вышедшая на проезжую часть и столкнувшаяся с автомобилем, не может рассматриваться как источник повышенной опасности по отношению к транспортному средству, отменив тем самым решения нижестоящих инстанций, которые усматривали обоюдную вину водителя и владельца животного. В иной ситуации Тотемский районный суд Вологодской области в решении от 3 августа 2017 г. по делу № 2485/2017, напротив, прямо признал собаку, причинившую легкий вред здоровью истца, источником повышенной опасности. При этом аналогичное дело, рассмотренное Бежаницким районным судом Псковской области (решение от 30 октября 2017 г. по делу № 2127/2017), разрешилось иначе: суд установил виновность собственника собаки, фактически не рассматривая само животное в качестве источника повышенной опасности. Такая разнородность судебных актов свидетельствует о том, что вопрос о применении ст. 1079 ГК РФ к животным решается судами субъективно, без единой методологической основы.

Представляется, что признание животных источниками повышенной опасности в ряде случаев является обоснованным, однако для устранения правовой неопределенности необходима выработка объективных критериев, позволяющих дифференцировать животных по степени их потенциальной угрозы. В качестве таких критериев

могут выступать видовые и породные характеристики, масса и физическая сила животного, наличие агрессивного поведения в прошлом, условия его содержания (например, свободный выгул или нахождение на привязи), а также способность нанести вред, не связанный с прямым умыслом владельца. Внедрение подобных ориентиров в судебную практику позволило бы повысить предсказуемость правоприменительных решений и обеспечить более справедливое распределение ответственности между владельцами животных и потерпевшими.

Ключевая особенность ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, заключается в том, что она возлагается на так называемого законного владельца. В соответствии с п. 2 ст. 1079 ГК РФ к таковым относятся не только собственники, но и лица, владеющие источником на праве хозяйственного ведения, оперативного управления, а также на иных законных основаниях — например, по договору аренды, проката, на основании доверенности на управление транспортным средством или в силу административного акта о передаче источника во владение. При этом важно подчеркнуть, что лица, осуществляющие управление источником повышенной опасности в рамках трудовых отношений (работники, водители, операторы), не признаются его владельцами, поскольку они действуют по заданию работодателя и под его контролем. В таких случаях ответственным перед потерпевшим выступает работодатель как лицо, извлекающее полезные свойства из эксплуатации источника и обязанное нести связанные с этим риски.

Самая существенная особенность рассматриваемого вида ответственности — ее безвиновный характер. Владелец источника повышенной опасности привлекается к ответственности независимо от наличия его вины, что кардинально отличает данный институт от общей деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ), где вина причинителя вреда является общим условием, хотя и презюмируется. Как верно отмечал М. М. Агарков, именно эта особенность ставит владельца источника в положение, где он отвечает за случай, независимо от своей осмотристельности [3]. Основание такой повышенной ответственности лежит в самом факте владения объектом, создающим потенциальную угрозу для окружающих. Именно поэтому законодатель освобождает потерпевшего от необходимости доказывать вину владельца, ограничивая круг обстоятельств, подлежащих установлению, тремя элементами: противоправность поведения владельца (или самого факта эксплуатации источника), наличие вреда и причинно-следственная связь между эксплуатацией источника и наступившими последствиями.

Вместе с тем на практике, особенно при рассмотрении дел о дорожно-транспортных происшествиях, суды нередко вынуждены исследовать вопрос о вине участников, даже несмотря на формальную безвиновную ответственность владельца источника. Это связано с тем, что при столкновении двух транспортных средств оба являются источниками повышенной опасности, и размер возме-

ущения вреда определяется с учетом степени вины каждого из владельцев (а в некоторых случаях — и вины потерпевшего, если он не является владельцем источника). Таким образом, принцип объективной ответственности не исключает применения правил о смешанной вине, что позволяет суду индивидуализировать размер присуждаемой компенсации и обеспечить баланс интересов сторон.

Несмотря на безвиновный характер ответственности владельца источника повышенной опасности, законодатель предусматривает обстоятельства, при которых она исключается либо ограничивается. В силу прямого указания п. 1 ст. 1079 ГК РФ владелец освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Под непреодолимой силой понимаются чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства (стихийные бедствия, военные действия, эпидемии и т. п.), которые объективно лишают владельца возможности контролировать источник опасности. Умысел потерпевшего, в свою очередь, предполагает его осознанное намерение причинить себе вред или использовать источник для самоубийства, что полностью снимает ответственность с владельца.

При этом действия третьих лиц, как правило, не рассматриваются в качестве обстоятельства, освобождающего владельца от ответственности. Они могут быть учтены лишь в том случае, если приобретают характер непреодолимой силы (например, преднамеренное разрушение плотины группой лиц, приведшее к затоплению

и причинению вреда), однако в судебной практике такие ситуации встречаются крайне редко. В остальных случаях владелец источника, даже при вмешательстве третьих лиц, продолжает нести риск, связанный с опасными свойствами объекта, и отвечает перед потерпевшим, сохраняя за собой право регрессного требования к виновному третьему лицу.

Подводя итог, следует признать, что институт ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, выполняет важнейшую компенсаторную и превентивную функцию в системе гражданско-правовой защиты. Он основан на объективном вменении, что существенно упрощает положение потерпевшего и стимулирует владельцев опасных объектов к максимальной осмортельности. Вместе с тем, как показано выше, ряд теоретических и практических аспектов остаются дискуссионными. В первую очередь это касается квалификации животных в качестве источника повышенной опасности — проблема, по которой до сих пор отсутствует единообразие судебной практики. Разработанные в настоящей статье критерии (учет видовых и породных особенностей, агрессивного поведения в прошлом, условий содержания и т. д.) могут послужить отправной точкой для формирования более предсказуемых и справедливых подходов при разрешении соответствующих споров, а также для возможного законодательного уточнения признаков источника повышенной опасности применительно к живым существам, что перекликается с предложениями, высказанными в современной литературе [5; 7].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 401; 2025. № 26. ст. 3508.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»
3. Агарков М. М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы социалистического права. — 1939. — № 1. — С. 68.
4. Богатов Д. В. О проблеме понятия источника повышенной опасности // Право и образование, 2007.-№ 10.-С. 160–167.
5. Бабинцев И. И., Берзинь О. А., Шлягина Е. Н. Об особенностях определения правового режима животных // Российский юридический журнал. — 2020. — № 2. — С. 158–167.
6. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. — Т. 1. — 574 с.
7. Синельникова В. Н., Хатунцев О. А. Животные как объекты гражданских прав: актуальные вопросы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivotnye-kak-objekty-grazhdanskih-prav-aktualnye-voprosy> (дата обращения: 08.07.2026)

Проблемы применения тотального залога в российском гражданском праве

Очиров Баир Юрьевич, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье автор анализирует природу института тотального залога и перспективы его развития в российском праве.

Ключевые слова: тотальный залог, залог товаров в обороте, *floating charge*.

Введение

Современная судебная практика обнажила одну из главных проблем залогового права: малейший дефект или двусмысленность в описании предмета приводили к тому, что договор залога признавался незаключенным. Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» дал толчок масштабному реформированию российского гражданского законодательства. Реформа в значительной степени затронула и законодательство о залоге: Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» не только включил нормы о залоге непосредственно в ГК РФ, но также привнес новеллы в российское залоговое право. Одной из таких новелл стал абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ, вводящий возможность разом заложить всё имущество или его часть и при этом не устанавливающий жестких требований к индивидуализации предмета залога. Этот институт и получил неофициальное название «тотальный залог». Казалось бы, подобное нововведение должно было значительно упростить использование института в гражданских правоотношениях, увеличить доверие к залому как способу обеспечения обязательств и тем самым способствовать стабильному развитию гражданского оборота. Однако на практике тотальный залог не только не стал решением насущных проблем, но и сам оказался довольно проблемным институтом, внося в залоговое право лишь смуту и неопределенность.

Целями данной работы являются рассмотрение института тотального залога, его сущности и механизма регулирования, а также выявление текущих проблем применения и перспектив развития.

Тотальный залог как новелла российского залогового законодательства

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ, «в договоре залога, залогодателем по которому является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, предмет залога может быть описан любым способом, позволяющим идентифицировать имущество в качестве предмета залога на момент обращения взыскания, в том числе путем ука-

зания на залог всего имущества залогодателя или определенной его части либо на залог имущества определенных рода или вида» [1, ст. 339]. Таким образом, можно сказать, что данная норма, по сути, свела на нет одну из главных характерных особенностей залога — требование к индивидуализации предмета залога. Несмотря на кажущееся удобство применения, тотальный залог в достаточной мере не разработан и полон теоретических противоречий, что фактически парализует этот новый институт.

Как отмечал А. Л. Маковский, внесенные поправки «отражали лишь собственные (и уже поэтому узкие) интересы банковского сообщества, они еще и подготовлены были на недостаточно высоком профессиональном уровне без точного понимания сути залога, являющегося одним из самых сложных институтов гражданского права» [2, с. 19]. Действительно, если более детально рассмотреть весь процесс принятия разрабатывавшихся в начале 2010-х годов нововведений Гражданского кодекса Российской Федерации, то можно заметить немало странностей. Изначально все нововведения содержались в едином проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], который был внесен в Государственную думу 3 апреля 2012 года. В таком виде данный проект довольно скоро был принят в первом чтении. Однако во время подготовки ко второму чтению построенный по единой концепции и внутренне согласованный законопроект внезапно был разбит на девять частей, каждая из которых дорабатывалась уже по отдельности. При таких обстоятельствах не могло идти и речи о сохранении единой логики и внутренней согласованности норм. Более того, такой подход способствовал проникновению в проекты новых абсолютно ненужных норм, не имеющих теоретической основы и призванных лишь удовлетворять частные интересы определенного лоббистской группы. Именно это и случилось с нормами о залоге. После того, как вышеупомянутый единый проект был разделен, нормы о залоге переместились в уже известный нам Федеральный закон № 367 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». Однако в процессе подготовки ко второму чтению в законопроект появились новые нормы, изначально отсутствующие в оригинальном проекте.

Очень точно описал сложившуюся ситуацию А. Л. Маковский: «Упомянутые поправки в большом числе случаев откровенно направлены на закрепление в залоговых правоотношениях, регулируемых ГК РФ, преимущественного положения залогодержателей, каковыми в первую очередь являются банки-кредиторы — такой двуликий Янус, одним лицом, улыбающимся, обращенный к тем, кого он всячески старается завлечь в число получателей кредитов, а другим, строгим и остающимся до времени в тени, — к уже состоявшимся должникам» [2, с. 20]. Так, например, договор управления залогом (ст. 356 ГК РФ), в сущности, был введен исключительно для обслуживания так называемого синдицированного кредита. В интересах банковского сообщества также была введена возможность заключения соглашения об обращении взыскания в простой письменной форме (если договор залога был заключен в этой форме), в изначальном же проекте устанавливалась исключительно нотариальная форма такого соглашения вне зависимости от формы договора залога. Исследуемый в данной работе абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ также явился результатом влияния банковского сообщества: в изначальном «большом» проекте данная норма вообще отсутствовала и лишь внезапно появилась на стадии внесения поправок, что, впрочем, объясняет ее внутреннюю противоречивость и отсутствие грамотного правового регулирования. Обусловленная подобными узкими интересами, а не объективной потребностью оборота, норма не может обойтись без злоупотреблений и не породить теоретических противоречий. Так, например, снижение требования к индивидуализации предмета залога приведет к тому, что крупные кредиторы, например банки, смогут фактически «брать в заложники» должника, распространяя бремя залога на всё его имущество. В то же время другой возможностью для злоупотребления может воспользоваться уже недобросовестный должник: «заложив всё имущество „своему“ залогодержателю, он может раз и навсегда исключить для других кредиторов возможность обратиться взыскание на что-либо из этого имущества» [2, с. 22]. Противоречия же связаны с основными принципами залога и с действующей системой залогового права в целом, о чем подробно будет сказано далее.

Тотальный залог в системе российского залогового права

Большинство авторов, когда-либо исследовавших тотальный залог, сходятся в том, что ахиллесовой пятой и первоочередной проблемой данной нормы является вопрос о правовой сущности тотального залога: это новый вид залога или лишь общее положение, устанавливающее возможность снижения индивидуализации предмета залога? Без ответа на этот вопрос сколько-нибудь целостное исследование не представляется возможным. Как мне кажется, при ответе на данный вопрос нужно исходить прежде всего из мотивов законодателя и не стремиться выдать желаемое за действительное. Исследуемая норма

в ГК РФ содержится в главе «Общие положения о залоге», а не в главе «Отдельные виды залога». Исходя из этого, можно сказать, что в законодательстве тотальный залог является лишь положением, устанавливающим возможность снижения индивидуализации предмета залога, но никак не отдельным видом, как, например, залог товаров в обороте. Между тем некоторые авторы указывают на нелогичность включения данной нормы в ст. 339 ГК РФ об условиях и форме договора залога, отмечая, что куда более уместно было бы ее нахождение в ст. 336 о предмете залога [4, с. 5]. Однако стоит заметить, что данная новелла не ввела в законодательство саму возможность заложить всё имущество: эта возможность была и ранее. Говоря о тотальном залоге как о новелле в праве, мы в первую очередь имеем в виду возможность снизить требование к индивидуализации предмета залога и избавиться от необходимости отдельно перечислять каждую единицу имущества. Таким образом, речь идет не об отдельном предмете залога, а лишь о способе описания предмета для целей признания договора залога заключенным, поэтому нахождение исследуемой нормы в статье «Условия и форма договора» более чем оправданно. Безусловно, данный подход, признающий тотальный залог лишь положением, устанавливающим возможность снижения индивидуализации предмета залога, не лишен недостатков и противоречий в силу неточностей юридической техники, однако он куда более логичен с точки зрения цели и предназначения самой нормы.

Однако описанный выше вопрос о правовой сущности является не единственной проблемой института. Данная норма вообще отличается крайней неразработанностью и больше похожа на манифест, не подлежащий применению на практике, что, впрочем, подтверждается фактическим отсутствием судебной практики.

Тотальный залог и принцип специалитета

С позиции классического залогового права, неотъемлемой и характерной чертой залога является соответствие данного института обеспечению принципу специалитета: предметом залога может быть лишь индивидуально определенная вещь. С этой точки зрения, казалось бы, с учетом указанного в законе определения тотального залога его вряд ли можно признать залогом в классическом понимании: едва ли указание на залог всего имущества залогодателя можно считать достаточной индивидуализацией предмета залога, как того требует принцип специалитета. Этот принцип в целом является важнейшим признаком всех вещных прав: определенность объекта права позволяет, с одной стороны, сформировать связь между индивидуально определенным объектом и лицом-носителем права, а с другой — противопоставить такое право всем третьим лицам. Если говорить о залоге, данный принцип в первую очередь необходим, чтобы обеспечить возможность обратиться взыскание на предмет залога, а для этого залогодержатель должен иметь способ «в каждый

данный момент точно определить и указать, на какое именно имущество распространяется его... право залога» [5, с. 642]. Однако несоответствие принципу специалитета не означает абсолютную невозможность иными способами обеспечить залогодержателю возможность обратиться взыскание.

Итак, если принцип специалитета в отношении залога необходим, чтобы кредитор точно знал, на что именно из всего имущества должника он может обратиться взыскание, то возникает вопрос: делает ли указание на всё имущество должника невозможным определить предмет взыскания? Если нет необходимости определять, является ли то или иное имущество объектом взыскания, можно ли сказать, что взыскать невозможно, а залог не возник? Думаю, однозначно утвердительный ответ на этот вопрос едва ли можно считать верным. Если функция, которой и служит принцип специалитета, выполняется, то и о какой-либо порочности института говорить не стоит. В самой норме о тотальном залоге говорится, что «предмет залога может быть определен любым способом, позволяющим его идентифицировать на момент обращения взыскания». Таким образом, чтобы залог возник, предлагается выбрать иной способ установить предмет залога взамен принципа специалитета. В частности, если мы указываем в качестве залога всё имущество залогодателя, то, исходя из смысла нормы, в момент обращения взыскания предметом залога будет всё имеющееся у залогодателя имущество; таким образом, нет необходимости в разделении всего имущества на то, что подлежит взысканию и то, что не подлежит. Безусловно, такой подход также имеет свои изъяны, однако хоть как-то объясняет волю законодателя.

Сущность глобального (плавающего) обеспечения на примере модели floating charge

Эталоном института глобального обеспечения является floating charge, английская модель плавающего залога (обременения). Промышленная революция, развитие капитализма и активный рост компаний во второй половине XIX века требовали постоянного роста объема заемных средств. Однако многие кредиторы отказывались брать на себя риск и выдавать такие значительные ссуды без должного обеспечения. В то же время компании не имели такого количества свободных активов для передачи их кредитору в обеспечение. Как замечает Н. В. Теплов, «в те времена самым ценным активом компании считались не земля и здания на ней, а оборудование, товарные запасы и дебиторская задолженность» [6, с. 2]. В свою очередь, такое имущество постоянно используется в производственной деятельности, обновляется, заменяется и реализуется. Таким образом, предоставление кредиторам обеспечения над всеми делами и доходами компании (entire undertaking and sums arising there from) запрещало пользоваться и распоряжаться обремененными активами без согласия залогодержателя, что фактически лишало должника возможности вести бизнес. Чтобы избежать такого

катастрофического эффекта для экономики, судебная власть была вынуждена иначе трактовать такое обеспечение: компания может продолжать свободно пользоваться и распоряжаться обремененными активами, если это осуществляется в рамках обычной хозяйственной деятельности. Кредитор же имеет право вмешаться в деятельность должника исключительно при наступлении определенных событий. Наиболее полное определение глобального обеспечения дал в 1904 году судья Ромер в деле ассоциации Re Yorkshire Woolcombers' Association: «Точно считаю, что, если обеспечение имеет эти три характеристики, это и есть плавающее обеспечение:

- если обеспечение распространяется на определенный вид активов компании: имеющихся или тех, которые возникнут в будущем;
- если это активы, объем которых в процессе ведения обычной хозяйственной деятельности компании может изменяться;
- если вы придете к выводу, что конструкция обеспечения работает таким образом, что компания в процессе ведения обычной хозяйственной деятельности может пользоваться активами, о которых идет речь, до того момента, пока само лицо, заинтересованное в реализации обеспечения, или его представители не предпримут шаги в отношении реализации обеспечительной меры» [7].

Однако всё же важнейшими признаками, характеризующими глобальное обеспечение, являются следующие:

- в качестве обеспечения без каких-либо дополнительных действий (например, в виде внесения изменений в запись об обременении) может быть использовано как настоящее, так и будущее имущество;
- залогодатель вправе распоряжаться обремененным имуществом без согласия залогодержателя [8].

Глобальное обеспечение неразрывно связано с институтом кристаллизации (crystallization). Кристаллизация наступает либо при ликвидации, либо при назначении управляющего, либо при прекращении бизнеса и характеризуется тем, что обеспечение перестает быть плавающим и преобразуется в фиксированное. С этого момента залогодатель более не может распоряжаться обремененными активами, а залогодержатель вправе обратиться взыскание на всё имущество, находящееся в этот момент в собственности залогодателя и подходящее под описание предмета залога. При этом считается, что floating charge создает обеспечительное право уже с момента заключения соглашения. Иными словами, активы, которые были приобретены после заключения соглашения, считаются обремененными плавающим залогом с момента заключения этого соглашения, а не с момента возникновения у залогодателя права собственности на эти активы [4, с. 18].

В то же время такое обеспечение имеет и ряд существенных недостатков. В английском праве плавающее обеспечение (floating charge) «слабее» фиксированного (fixed charge), возникшего до момента кристаллизации: в процедуре банкротства сначала удовлетворяется кре-

дитор с фиксированным обеспечением, а уже потом — кредитор с текущим.

Изначально плавающее обеспечение давало его держателю приоритет над всеми «необеспеченными» кредиторами: держатель плавающего обеспечения, получая удовлетворение своих требований за счет всех активов компании раньше обычных кредиторов, фактически оставлял последних ни с чем. Однако со временем такой режим был изменен. Чтобы восстановить баланс, приоритет над требованиями держателя плавающего обеспечения предоставили некоторым привилегированным кредиторам. Изначально к таким относили только работников компании, но позже такой список был значительно расширен.

Таким образом, с точки зрения предоставления приоритета плавающее обеспечение утратило былое значение. Более того, плавающее обеспечение подлежит обязательной регистрации в публичном реестре, иначе его держатель и вовсе теряет преимущество перед всеми другими кредиторами и третьими лицами. Несмотря на такое заметное «ослабление» приоритета, плавающее обеспечение всё также пользовалось спросом. Помимо приоритета, институт плавающего обеспечения дает его держателю определенный контроль над бизнесом должника. Так, держатель такого обеспечения вправе определять сроки и способы продажи активов, а также в случаях, определенных в соглашении, или при ликвидации может назначать управляющего, который, по сути, будет нацелен на максимальное удовлетворение требований держателя глобального обеспечения. Более того, принятие ключевых решений также находится под контролем держателя такого обеспечения: в зависимости от того, что принесет ему наибольшую выгоду, он вправе решать, продавать ли фирму как действующее предприятие либо инициировать процедуру ликвидации [6, с. 10]. Кроме того, если это будет целесообразно, держатель плавающего обеспечения вправе заменить менеджмент компании, чтобы восстановить нормальное положение дел в фирме и таким образом получить наибольшее удовлетворение. На сегодняшний день основная ценность плавающего обеспечения заключается именно в возможности контроля. По этой причине даже держатели фиксированного обеспечения стараются также взять и плавающее обеспечение.

Из вышесказанного становится понятно, что глобальное обеспечение не сводится к возможности кредитора взять в обеспечение всё имущество должника — как настоящее, так и будущее. Глобальное обеспечение — это сложный институт, имеющий свои специфические черты. С этой точки зрения, то, о чем написано в абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ (по крайней мере, в том виде, в котором это сейчас существует в нормах Гражданского кодекса РФ), едва ли можно признать глобальным обеспечением и аналогом *floating charge*. Введенный в 2015 году институт, получивший у нас неофициальное название «тотальный залог», в текущем виде представляет собой скорее новый способ описания предмета залога, нежели новый вид обес-

печения. Это косвенно подтверждается и абз. 1 данного пункта, который позволяет аналогичным образом описать обеспечиваемое залогом обязательство. Более того, такая трактовка объясняет выбор местоположения нормы в ГК РФ: если бы норма вводила новый институт, то логично было бы расположить ее в главе «Отдельные виды залога», а не в главе «Общие положения о залоге» статьи «Условия и форма договора залога», где она сейчас находится.

Соотношение тотального залога и залога товаров в обороте

В момент введения абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ, помимо прочего, встал вопрос о соотношении данного нововведения с иным уже известным российскому праву залоговым институтом — залогом товаров в обороте. До 1 января 2015 года именно залог товаров в обороте признавался многими учеными российским аналогом *floating charge*.

Залог товаров в обороте — отдельный вид залога, предусматривающий возможность описать предмет залога «посредством указания родовых признаков соответствующих товаров и мест их нахождения в определенных зданиях, помещениях или на земельных участках» [1, ст. 357]. Более того, норма предполагает оставление предмета залога у залогодателя и предоставление ему права «изменять состав и натуральную форму заложенного имущества (товарных запасов, сырья, материалов, полуфабрикатов, готовой продукции и т. п.) при условии, что его общая стоимость не становится меньше указанной в договоре залога». По сути, в таком залоге предмет не обременен правом следования [9, с. 24]: отчужденные залогодателем товары «перестают быть предметом залога с момента их перехода в собственность, хозяйственное ведение или оперативное управление приобретателя». При этом «приобретенные залогодателем товары, которые указаны в договоре залога товаров в обороте, становятся предметом залога с момента возникновения у залогодателя права собственности на них, а также хозяйственного ведения или оперативного управления».

Кроме того, данный институт предполагает предоставление залогодержателю некоторых контрольных полномочий: согласно п. 4 ст. 357 ГК РФ, при нарушении залогодателем условий залога товаров в обороте залогодержатель вправе приостановить операции с заложенными товарами до устранения нарушения путем наложения на них своих знаков и печатей. Помимо этого, для различения указанных заложенных товаров и иных вещей может быть нотариально удостоверен факт их нахождения в определенном месте в определенное время. В результате у нас возникло противоречие: если раньше залог товаров в обороте как отдельный вид залога устанавливал более льготное правило по сравнению с классическим залогом, то теперь, согласно абз. 2 п. 1 ст. 339 ГК РФ, залог товаров в обороте, напротив, предусматривает куда более жесткие требования к индивидуализации предмета залога.

Разграничение значительно усложнилось с принятием в июне 2023 года постановления Пленума Верховного суда РФ № 23 (ППВС № 23), в котором говорится следующее: «В договоре залога, залогодателем по которому является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, предмет залога может быть определен любым способом, позволяющим его идентифицировать на момент обращения взыскания, в том числе путем указания на залог всего имущества залогодателя или определенной части его имущества либо на залог имущества определенного рода или вида (абзац второй пункта 2 статьи 339 ГК РФ). Например, предмет залога может быть согласован посредством включения в договор условия о передаче в залог всех транспортных средств определенной грузоподъемности, принадлежащих залогодателю. В этом случае перечень конкретных транспортных средств, находящихся в залоге, устанавливается на момент обращения взыскания. При этом до начала процедуры обращения взыскания правомочия залогодателя по пользованию и распоряжению вещами, подпадающими под такое описание предмета залога, определяются в соответствии с правилами, предусмотренными для залога товаров в обороте (статья 357 ГК РФ)» [10].

Казалось бы, если к тотальному залогу применяются правила о залоге товаров в обороте, то теперь понятия залога товаров в обороте и тотального залога смешиваются. В таком случае пропадает сама необходимость в абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ. Так для чего же в нашем законодательстве появился так называемый тотальный залог, если есть тождественный ему по сути институт залога товаров в обороте?

Дело в том, что, несмотря на ссылку на ст. 357 ГК РФ, в части пользования и распоряжения предметом залога до момента обращения взыскания тотальный залог имеет ряд существенных отличий. Мы уже говорили о том, что в тотальном залоге предмет может быть описан любым способом, позволяющим идентифицировать его на момент обращения взыскания, в том числе путем указания на залог всего имущества залогодателя или определенной части его имущества либо на залог имущества определенного рода или вида. В то же время залог товаров в обороте позволяет описать предмет залога лишь посредством указания родовых признаков соответствующих товаров и мест их нахождения в определенных зданиях, помещениях или на земельных участках. Отсюда становится ясным, вероятно ключевое отличие тотального залога от залога товаров в обороте. Проблема залога товаров в обороте состоит в том, что предметом залога, согласно ст. 357 ГК РФ, могут быть лишь «товары». При этом товары понимаются в широком смысле как в целом оборотные средства, для которых характерно изменение состава и натуральной формы в процессе предпринимательской деятельности: непосредственно товарные запасы, сырье, материалы, полуфабрикаты и т. д.

В то же время тотальный залог не имеет подобных ограничений. Предметом тотального залога может быть

любое имущество — единственным требованием является лишь возможность идентифицировать предмет в момент обращения взыскания. Так, согласно ППВС № 23, предметом тотального залога могут быть принадлежащие залогодателю на момент обращения взыскания транспортные средства определенной грузоподъемности, которые подпадают под категорию товара только в случае, если являются для данного залогодателя оборотными средствами. Таким образом, предметом тотального залога могут быть, помимо оборотных средств, и основные средства должника.

Проблемы и перспективы применения тотального залога

Введение тотального залога не имеет практического смысла для целей обеспечения хозяйственной деятельности: залога товаров в обороте вполне достаточно. В то же время тотальный залог позволяет залогодержателю относительно простым способом упрочить собственное положение относительно иных кредиторов, распространив бремя залога, например на всё имущество залогодателя или на его часть. Однако для должника такое подобное положение крайне невыгодно: ему проще отдать определенную вещь, нежели рисковать абсолютно всем своим имуществом. Исходя из этого, можно сделать вывод, что добиться такого масштабного обеспечения способен далеко не каждый кредитор. Таким образом, мы возвращаемся к высказыванию А. Л. Маковского о причинах введения данной нормы: она отражает лишь узкие интересы банковского сообщества. Именно банки являются тем самым «могущественным кредитором», обладающим достаточно сильной договорной позицией, чтобы вынудить должника отдать всё, что у него только есть, и именно банки сделали всё, чтобы тотальный залог появился в ГК РФ.

Итак, с момента вступления нормы в силу прошло ни много ни мало десять лет, однако тотальный залог за это время не только не занял важное место в арсенале банков, но и вовсе оказался невостребованным: правоприменительная практика по данной норме совершенно отсутствует. Почему же банки, которые приложили столько усилий, чтобы ввести норму в проект, в итоге сами же полностью от нее отказались? Что же именно банки хотели получить от тотального залога и почему же их ожидания в конце концов не оправдались?

Получить верный ответ по прошествии стольких лет не представляется возможным. Можно лишь предположить, что авторы вдохновлялись институтами глобального обеспечения зарубежных правопорядков, в частности английским *floating charge*. Именно банки в зарубежных правопорядках являются главными пользователями глобального обеспечения. Несмотря на все ранее перечисленные недостатки этого института, в частности более слабого положения относительно твердого залога, в зарубежных странах банки всё же заинтересованы в суще-

ствовании глобального, или плавающего, обеспечения. Хотя такой залог по силе всё же и уступает твердому, он дает абсолютное преимущество над иными кредиторами, не гарантировавшими себе залоговое обеспечение. Заключение одновременно твердого залога на определенные индивидуализированные вещи и плавающего на всё имущество позволит банкам наиболее полно удовлетворить свои интересы, при этом лишая «необеспеченных» кредиторов и без того мизерных шансов удовлетворить свои требования за счет имущества должника. Однако одурманенное этой идеей отечественное банковское сообщество совершенно забыло о необходимости грамотного правового регулирования, без которого институт права попросту не может функционировать. В таком случае тотальный залог попросту обречен так и остаться не более чем просто манифестом, не подлежащим применению. Чтобы реанимировать тотальный залог, нужно решить сразу несколько основных вопросов:

Распространяется ли обременение на будущие вещи?

Могут ли быть предметом тотального залога недвижимость и иные вещи, залог которых требует государственной регистрации в реестре?

В какой момент возникает залог?

Как будут соотноситься между собой твердый и тотальный залогов в отечественном правовом порядке?

Действует ли в отношении обремененных тотальным залогом вещей право следования?

До какой степени можно упрощать процедуру индивидуализации предмета залога?

Ранее упомянутое постановление Пленума ВС РФ № 23 было призвано вдохнуть жизнь в почти забытый институт тотального залога путем распространения на него норм о залоге товаров в обороте: «до начала процедуры обращения взыскания правомочия залогодателя по пользованию и распоряжению вещами, подпадающими под такое описание предмета залога, определяются в соответствии с правилами, предусмотренными для залога товаров в обороте (статья 357 ГК РФ)». Путем ссылки на ст. 357 ГК РФ законодатель дает ответ на некоторые проблемные вопросы. Таким образом, в тотальном залоге залогодатель вправе изменять состав и натуральную форму предмета залога, отчуждать его, причем в момент перехода в собственность, хозяйственное ведение или оперативное управление приобретателя такое имущество перестает быть предметом залога. При этом, вероятно, в отношении тотального залога также действует условие о поддержании общей стоимости имущества не ниже указанной в договоре залога.

В предыдущем разделе я уже упоминал, что институт тотального залога не образует нового вида залога, а является лишь способом описания предмета классического залога, позволяющим снизить требование к индивидуализации и избавиться от необходимости отдельно перечислять каждую заложенную должником единицу имущества. Исходя из этого, всё, что согласно ППВС № 23 не входит в сферу действия ст. 357 ГК РФ, должно регули-

роваться нормами классического залога. В то же время в главе «Общие положения о залоге» не содержатся какие-либо исключения из требований ст. 339.1 ГК РФ о государственной регистрации залога в установленных законом случаях. В то же время тотальный залог, сущность которого предполагает отсутствие каких-либо дополнительных действий при установлении залога, противоречит требованию государственной регистрации. Таким образом, можно предположить, что недвижимость и иное имущество, залог которых подлежит обязательной государственной регистрации, не могут быть предметом тотального залога [11, с. 43].

Ключевым для нормального функционирования тотального залога является вопрос о моменте возникновения залога и вытекающий из этого вопрос определения старшинства при установлении предмета залога по нормам тотального и классического залогов. В этом вопросе нет иного выхода, кроме как в силу сходной правовой природы опираться на регулирование, относящееся к залому товаров в обороте, где отсутствует специальное регулирование момента возникновения залога на уже находящееся у залогодателя имущество. В таком случае залог возникнет в момент заключения договора. Что же касается товаров, приобретенных уже после заключения договора, то они, согласно п. 2 ст. 357 ГК РФ, становятся предметом залога с момента возникновения у залогодателя права собственности на них, хозяйственного ведения или оперативного управления. Право залогодателя свободно распоряжаться предметом залога дает ему возможность передать предмет, обремененный залогом товаров в обороте, также в последующий твердый залог. Казалось бы, логично предположить, что в таком случае залог товаров в обороте будет предшествующим, а твердый — последующим. Однако судебная практика вывела иной подход: «В силу особенностей залога товаров в обороте, основанных на отсутствии индивидуализации товаров, являющихся предметом обеспечения, данный вид залога может рассматриваться с позиций классического залогового права (как права обратиться взыскание на конкретную, определенную вещь) только после того, как произведена необходимая индивидуализация заложенных товаров и фактически остановлен их оборот» [11].

Таким образом, для целей определения старшинства залогов залоговое право в залоге товаров в обороте возникает лишь в момент кристаллизации и, как следствие, трансформации такого залога в твердый [12]. Следовательно, в таком случае твердый залог, заключенный уже после заключения договора о залоге товара в обороте, но до момента кристаллизации, будет считаться предшествующим, так как возник в момент заключения договора, тогда как требование кредитора по залому товаров в обороте — последующим в силу того, что трансформация в твердый залог произошла позже, в момент кристаллизации. Подобный подход сближает тотальный залог с плавающим (floating charge), который по старшинству также

уступает заключенному позднее фиксированному обеспеченному (fixed charge).

В научном сообществе наиболее дискуссионным является вопрос о способе описания предмета тотального залога: до какой степени можно упрощать процедуру индивидуализации предмета залога? Одни считают, что предмет залога может быть описан любым способом, который стороны считают приемлемым и достаточным; другие — что должно быть ограничение по роду, виду или месту нахождения предмета залога; а кто-то и вовсе критикует саму возможность снижения индивидуализации. В то же время сам абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ не содержит каких-либо ограничений относительно способов описания предмета залога — единственным условием является возможность идентифицировать на момент обращения взыскания.

В свою очередь, ППВС № 23 также не дает однозначного ответа, а лишь дает пример возможного описания: «Предмет залога может быть согласован посредством включения в договор условия о передаче в залог всех транспортных средств определенной грузоподъемности, принадлежащих залогодателю. В этом случае перечень конкретных транспортных средств, находящихся в залоге, устанавливается на момент обращения взыскания» [10]. По итогу ППВС № 23 не дает ответа на данный вопрос, используя, по сути, все те же категории рода и вида для описания предмета залога.

В результате на сегодняшний день перспективы применения тотального залога остаются всё так же туманны. Попытка при помощи судебной практики исправить ситуацию не принесла должного результата: институт по-прежнему не пригоден для применения. И дело не столько в наличии большого количества пробелов в регулировании (большую часть из них в теории возможно устранить при помощи судебной практики), сколько в сохранении атмосферы неопределенности и в огромных, часто неоправданных рисках применения, что, в свою очередь, подрывает доверие к данному институту. Всё же нужно признать, что тотальный залог — мертворожденный институт, и вернуть его к жизни обычными полумерами (в частности, применением к нему механизма другого, схожего института) не представляется возможным. По моему мнению, есть только два возможных варианта выхода из сложившейся ситуации: или преобразовать тотальный залог в отдельный вид залога со специальным и очень детальным регулированием, или же вовсе упразднить тотальный залог и удалить соответствующую норму из ГК

РФ. При этом первый вариант крайне непрост и потребует от законодателя приложить значительные усилия по разработке обособленного регулирования и устранению многочисленных противоречий. Вместе с тем остается всё еще неясно, есть ли на данный момент реальная потребность в таком залоге. Как мне кажется, десятилетняя практика безуспешного применения тотального залога в российском законодательстве наглядно показывает, что для оборота вполне достаточно уже существующих инструментов обеспечения. В контексте российской правовой действительности, когда даже малейшая неточность в описании предмета залога ведет к признанию его не возникшим, введение такого залога кажется как минимум нелогичным. Иначе говоря, в период масштабных реформ законодатель, действуя под натиском банковского сообщества, совершил ошибку: ввел институт чужеродного правопорядка, который не только не отражает объективные потребности общества, но и в целом не соответствует сложившейся отечественной правовой системе.

Заключение

Тотальный залог был ошибкой законодателя. В неизбежном хаосе столь масштабного реформирования гражданского законодательства банковскому сообществу, вдохновленному зарубежной идеей заполучить всё имущество должника, удалось «протолкнуть» абсолютно чуждый нашему правопорядку институт. Однако в силу отсутствия объективной потребности и точного понимания самой сути желаемого института для новой нормы так и не удалось разработать хоть сколько-нибудь работающего механизма. Неудивительно, что данная новелла, чье появление обусловлено лишь пустыми амбициями банковского сообщества, так и не нашла своего места в инструментарии кредиторов. Отчаянная попытка исправить ситуацию путем распространения на тотальный залог регулирования иного, схожего института оказалась тщетной: тотальный залог всё также остается мертвым институтом. Дальнейшие попытки реанимировать его не имеют ни малейшего смысла: даже при должном регулировании тотальный залог противоречит самому отечественному пониманию сущности залога. Таким образом, единственным и наиболее предпочтительным вариантом остается полное исключение данной нормы из ГК РФ. Лишь столь радикальный исход позволит наконец исправить ошибку, совершенную законодателем более десяти лет назад.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 09.07.2026).
2. Маковский, А. Л. Собственный опыт — дорогая школа / А. Л. Маковский // Актуальные проблемы частного права : сборник статей к юбилею П. В. Крашенинникова. — Москва : Статут, 2014. — 272 с.
3. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/58064654/> (дата обращения 09.07.2026).

4. Теплов, Н. В. Залог всего имущества, или К чему приводит лоббизм узких интересов / Н. В. Теплов. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 5. — С. 130–159.
5. Соловьев, Н. Залог товаров в обороте / Н. Соловьев. // Ежедельник советской юстиции. — 1926. — № 21. — С. 640–643.
6. Re Yorkshire Woolcombers Association Ltd [1903] 2 Ch 284, 295. — URL: <https://lawprof.co/commercial-law/charges-cases/re-yorkshire-woolcombers-1903-2-ch-284/> (дата обращения 09.07.2026).
7. Gullifer, L. The reforms of the Enterprise Act 2002 and the floating charge as a security device / L. Gullifer. // Can. Bus. L.J. — 2008. — № 46. — С. 399.
8. Зикун, И. И. Концепция глобального обеспечения в гражданском праве зарубежных стран / И. И. Зикун // Вестник гражданского права. — 2015. — № 1. — С. 237–280.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451067/ (дата обращения 09.07.2026).
10. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451067/35b4454d1897554d78d803d80be2dfab73dd2062/ (дата обращения 09.07.2026).
11. Определение ВС РФ от 16.03.2023 № 305-ЭС20-6458 // Гарант. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406490507/> (дата обращения 09.07.2026).
12. Постановление АС Уральского округа от 17.08.2016 по делу № А60-42821/2013 // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/38789084/> (дата обращения 09.07.2026).

Правовое регулирование оборота персональных данных после смерти их субъекта в ФРГ

Паукова Дарина Маликовна, студент;

Сямиуллина Рушания Халимовна, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Нормативно-правовое регулирование вопросов, касающихся судьбы персональной информации физических лиц после наступления смерти, в германском порядке признается одним из самых детализированных и доктринально проработанных в континентальной Европе. В то время как в значительном числе юрисдикций соответствующая проблематика продолжает находиться в стадии теоретического осмысления, германская система права сформировала непротиворечивую судебную практику, фундированную базовыми конструкциями наследственного законодательства. Как обоснованно констатируется в литературе [6; 7], институт «цифрового наследства» обретает все большую актуальность в рамках дискурса о развитии национальных и общеевропейских подходов к наследованию.

Центральная характеристика германской модели состоит в систематическом распространении принципа универсального сингулярного правопреемства на объекты цифрового характера. При принципиальном отличии от российской конструкции, базирующейся на институте получения согласия правопреемников на обработку сведений об умершем, в ФРГ основное внимание уделяется переходу самого абонентского договора с провайдером к наследникам в силу предписаний § 1922 Германского гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*, BGB)

[1]. Основополагающее воздействие на формирование этой позиции оказали прецеденты Федерального верховного суда (*Bundesgerichtshof*) 2018 и 2020 гг. [4; 5], которые окончательно закрепили подход, в соответствии с которым «цифровое наследство» приравнивается по своему режиму к традиционному, материальному или документарному имуществу.

Настоящая работа представляет собой системный анализ германской модели регламентации посмертных персональных данных, охватывающий рассмотрение судебной практики, теоретических воззрений и практических вопросов получения доступа к виртуальным активам.

Генеральное правило германского наследственного права, закрепленное в § 1922 BGB [1], предписывает, что смерть физического лица влечет за собой универсальное правопреемство, в рамках которого вся принадлежавшая умершему имущественная масса переходит к одному или нескольким наследникам. Длительное время оставался открытым вопрос о возможности субсумции под данное правило абонентских договоров с цифровыми платформами и учетных записей пользователей.

Окончательное разрешение этой коллизии произошло в рамках судебного разбирательства по иску наследников о предоставлении доступа к учетной записи умершего пользователя в социальной сети. Наследники, столкнув-

шиеся с необходимостью получения сведений, содержащихся в профиле, обратились к провайдеру цифровых услуг с соответствующим требованием. Однако платформа перевела профиль в «режим памяти» (Gedenkzustand), ограничив доступ к нему даже при условии наличия у наследников парольной информации.

В фундаментальном постановлении от 12 июля 2018 г. (III ZR 183/17) [4] Федеральный верховный суд констатировал, что договор пользователя с социальной сетью переходит к наследникам по правилам универсального правопреемства, и наследники обретают правомочие на доступ к учетной записи и содержащейся в ней коммуникации.

Мотивировка суда представляет существенный интерес. Юрисдикционный орган указал на следующие обстоятельства: (1) характер договорных отношений не исключает их перехода в порядке наследования; (2) высокая степень личного характера контента не является обстоятельством, препятствующим наследованию, поскольку аналогичные объекты (личные дневники и переписка) также входят в наследственную массу; (3) проведение различий между цифровым контентом, размещенным на локальных носителях (жесткий диск, USB-накопитель), и информацией, хранящейся на серверном оборудовании провайдера, признано непоследовательным [6; 7; 8].

Принципиальное значение имеет вывод суда о соотношении наследственных притязаний и посмертной охраны личной сферы. Суд прямо указал, что посмертное право на защиту личности (postmortales Persönlichkeitsrecht) умершего не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации прав наследников на доступ к профилю [4].

Второй существенный этап разбирательства касался вопроса о надлежащем способе предоставления доступа. Во исполнение первоначального решения провайдер передал наследнику носитель информации с файлом, содержащим выгруженные данные в неструктурированном виде, без обеспечивающих навигацию средств.

В постановлении от 27 августа 2020 г. (III ZB 30/20) [5] Федеральный верховный суд конкретизировал, что предоставление подобного файла не может расцениваться как надлежащее исполнение обязательства. Наследникам должен быть обеспечен доступ к учетной записи в том функциональном формате, в котором она использовалась умершим, — с возможностью навигации по аккаунту и просмотра контента аналогично тому, как это осуществлял сам пользователь. Как отмечается в комментариях [6; 7], предоставление доступа к содержанию переписки не является достаточным; необходим доступ к самой учетной записи как единому объекту.

Ключевой проблемный аспект германской модели состоит в ее корреляции с Общим регламентом по защите данных (GDPR) [2]. В соответствии с реситалем 27 Регламента, его положения не распространяются на персональные данные умерших физических лиц. Как подчеркнул Федеральный верховный суд в постановлении

2018 г. [4], «защита данных умершего не затрагивается, поскольку Регламент защищает только живых лиц» [6; 7].

Указанная позиция нашла подтверждение и в последующей судебной практике. В решении Высшего административного суда Кобленца от 28 ноября 2025 г. (10 A 11059/23.OVG) было установлено, что право на подачу жалобы в связи с нарушением требований защиты данных по ст. 77 GDPR прекращается со смертью субъекта данных. Данное процессуальное правомочие не переходит к наследникам.

Самостоятельный вопрос, затронутый в судебных актах, касался обеспечения прав третьих лиц — контрагентов по коммуникации умершего. Цифровая платформа аргументировала отказ в доступе необходимостью сохранения доверия пользователей к конфиденциальности их сообщений.

Федеральный верховный суд отклонил этот довод, указав: пользователь социальной сети в равной степени осведомлен о возможном круге лиц, которые могут ознакомиться с содержанием сообщения, как и отправитель традиционного письма. Отправитель должен осознавать потенциальную возможность доступа третьих лиц к содержанию сообщения как при жизни владельца аккаунта, так и после его смерти. Обработка персональных данных партнеров по коммуникации признана допустимой на основании ст. 6(1)(f) GDPR [2] ввиду необходимости реализации законных интересов наследников.

Из германской судебной практики вытекает, что наследники обладают правом требовать доступа к учетным записям умершего в социальных сетях, сервисах электронной почты и иных онлайн-платформах. Однако на практике реализация данного правомочия может столкнуться с затруднениями ввиду отсутствия парольной информации либо наличия в пользовательских соглашениях положений о блокировке аккаунта после смерти.

В литературе обращается внимание на то, что наследники могут истребовать доступа, однако провайдеры не обязаны предпринимать активных действий по его инициированию [6; 7; 8]. Рекомендуется предоставление свидетельства о смерти и документов, удостоверяющих наличие наследственных оснований.

Германские исследователи последовательно рекомендуют заблаговременное урегулирование судьбы цифровых активов. К числу доступных инструментов относятся: завещательное распоряжение (Testament), доверенность (Vollmacht), в том числе на случай смерти, а также специальные механизмы, предлагаемые самими платформами (например, назначение «контактного лица по наследству» либо директива об удалении аккаунта) [6; 7].

Как подчеркивается в комментариях [6; 7], признание учетных записей частью наследственной массы обуславливает необходимость более внимательного отношения пользователей к определению судьбы того контента, который они не желали бы передавать правопреемникам либо иным лицам.

Сопоставление с российской моделью, регулируемой ст. 9(7) Федерального закона «О персональных данных»

[3], позволяет выявить принципиальное различие подходов. В Российской Федерации акцент сделан на получении согласия наследников на обработку данных, при этом само право на данные не переходит к правопреемникам по правилам универсального правопреемства; наследники обретают лишь правомочие давать согласие на их обработку. В Германии, напротив, наследники вступают в пользовательское соглашение в качестве полноправных сторон, получая доступ к аккаунту, а не только полномочие распоряжаться информацией [6; 7; 8].

Германский подход к регламентации использования персональных данных после смерти их субъекта характеризуется следующими сущностными чертами:

Последовательное применение принципа универсального правопреемства. Абонентские договоры с цифровыми платформами переходят к наследникам на основании § 1922 BGB [1], что обеспечивает им возможность доступа к учетным записям и коммуникационному контенту.

Отказ от распространения GDPR на посмертную защиту данных. Поскольку Регламент [2] распространяет свое действие только на живых лиц, наследники не могут апеллировать к нормам о защите данных; их правомочия

проистекают из договорных отношений, перешедших к ним в порядке наследования.

Преодоление «режима памяти» платформ. Суд признал несоответствующими закону условия использования сервисов, предусматривающие автоматический перевод аккаунта в «режим памяти» без учета прав наследников [4].

Требования к форме предоставления доступа. Наследникам должен быть обеспечен функциональный доступ к аккаунту (в режиме чтения), а не просто предоставление выгрузки данных в неструктурированном формате [5].

Приоритет наследственного права над посмертной охраной личности. Суд прямо указал, что посмертное право на защиту личной сферы не может служить препятствием для перехода цифровых активов по наследству [4].

Изложенный подход демонстрирует высокий уровень гарантий прав наследников и последовательную реализацию принципа правовой определенности в сфере цифрового наследия. Наряду с этим актуализируется необходимость заблаговременного распоряжения судьбой цифровых активов, поскольку, как свидетельствует практика, платформы не всегда добровольно обеспечивают доступ, даже будучи юридически обязанными к этому [6; 7].

Литература:

1. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 1922 — Universalsukzession. — Текст: электронный // Gesetze im Internet (Bundesministerium der Justiz): [сайт]. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1922.html (дата обращения: 07.07.2026).
2. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) — Recital 27. — Текст: электронный // EUR-Lex (Official Journal of the European Union): [сайт]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:2016:119:FULL> (дата обращения: 07.07.2026).
3. Bundesgerichtshof Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» / Bundesgerichtshof. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 07.07.2026).
4. Bundesgerichtshof Digitales Erbe — Zugang zum Nutzerkonto bei einem sozialen Netzwerk (Urteil vom 12. Juli 2018 — III ZR 183/17) / Bundesgerichtshof. — Текст: электронный // dejure.org — Rechtsprechung: [сайт]. — URL: https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BGH&Datum=12.07.2018&Aktenzeichen=III_ZR_183/17 (дата обращения: 08.07.2026).
5. Bundesgerichtshof Digitales Erbe — Anspruch auf Zugang zum Konto im Gedenkzustand (Beschluss vom 27. August 2020 — III ZB 30/20) / Bundesgerichtshof. — Текст: электронный // dejure.org — Rechtsprechung: [сайт]. — URL: https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BGH&Datum=31.12.2020&Aktenzeichen=III_ZB_30/20 (дата обращения: 08.07.2026).
6. Гринь, Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е. С. Гринь. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 2. — С. 128–134.
7. Абросимова Е. А., Власенко Э. В. Наследование аккаунтов в социальных сетях в Германии и Швеции / Е. А. Абросимова, Э. В. Власенко. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — № Т. 13. Вып. 2. — С. 452–468.
8. Харисова И. Р., Шлыгина Е. А. Наследование аккаунтов социальных сетей / И. Р. Харисова, Е. А. Шлыгина — Текст: непосредственный // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. — 2021. — № 24. — С. 68–74.

Существенные условия договора подряда и последствия их несогласования сторонами

Фомичева Светлана Анатольевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В рамках настоящей статьи автором поступательно исследуются сущность и состав существенных условий договора подряда, а также правовые последствия их несогласования сторонами.

На основе анализа положений главы 37 и статьи 432 ГК РФ раскрываются требования к определенности предмета, сроков и цены работ, показывается различие подходов к признанию тех или иных условий безусловно существенными для общего и специальных видов подряда.

Особое внимание в статье также уделяется судебной практике по части квалификации договоров как незаключенных при недостаточной конкретизации объекта и результата работ, а также механизм восполнения пробелов через диспозитивные нормы и оценку реального поведения сторон договора подряда.

Во второй части статьи на основе детального анализа отечественной цивилистической доктрины выявляются две конкурирующие тенденции: строгий формально-юридический подход к перечню существенных условий и более гибкая концепция сохранения договора при наличии определимого предмета и фактического исполнения.

На основе сопоставления доктрины и правоприменительной практики автор формулирует предложение по совершенствованию законодательства и разъяснений высшей судебной инстанции, направленное на более четкое разграничение безусловно существенных условий общих положений о договоре подряда и специальных его разновидностей, а также на закрепление презумпции сохранения договора при объективной определимости предмета и подтвержденном фактическом исполнении.

Ключевые слова: гражданское право, договор подряда, существенные условия, предмет договора, сроки выполнения работ, цена договора, незаключенный договор, принцип свободы договора.

Введение

Договор подряда традиционно занимает важное место в системе гражданско-правовых обязательств, поскольку опосредует отношения по выполнению работ и передаче их результата заказчику.

Легальное определение этого договора закреплено в статье 702 ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 702 ГК РФ: «По договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его» [1].

Специфика подрядного обязательства состоит в том, что правовое значение имеет не только сам процесс выполнения работы, но и достижение конкретного о вещественного результата, способного удовлетворить интерес заказчика.

Наиболее острые практические проблемы возникают на стадии заключения договора, когда стороны не уделяют должного внимания согласованию его существенных условий.

В подобных ситуациях возникает комплексный вопрос: «Считать ли договор заключенным, возможно ли восполнение пробелов за счет диспозитивных норм и каковы правовые последствия фактического исполнения соглашения, которое впоследствии квалифицируется судами как незаключенное?».

Названная выше проблематика имеет не только прикладное, но и выраженное доктринальное значение, поскольку позволяет выявить соотношение принципа сво-

боды договора, требований к определенности обязательства и устойчивости гражданского оборота как таковых.

Понятие и состав существенных условий

Согласно пункту 1 статьи 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [2].

Применительно к договору подряда это означает, что вопрос о его заключенности решается через установление минимально необходимой степени определенности содержания работ, результата и иных параметров обязательства.

Бесспорным существенным условием договора подряда является его предмет. Как следует из гражданско-правовой доктрины и судебной практики, предмет охватывает не только указание на выполнение работы как действие подрядчика, но и определение результата, который должен быть достигнут и передан заказчику.

Если из договора невозможно установить, какие именно работы должны быть выполнены, на каком объекте, в каком объеме и с каким результатом, договор не может считаться заключенным, поскольку отсутствует сама основа обязательственной связи сторон.

Сложнее обстоит вопрос со сроками выполнения работ. Так, в научной доктрине и судебной практике срок иногда рассматривается как существенное условие договора подряда, а отсутствие согласования начального и ко-

нечного сроков способно повлечь вывод о незаключенности договора [3].

Вместе с тем в доктрине существует и иная позиция, согласно которой срок не всегда следует считать безусловно существенным, поскольку в ряде случаев его отсутствие может восполняться общими правилами об исполнении обязательств в разумный срок.

Судебная практика также подтверждает необходимость поиска более «гибкого подхода». Так, если стороны согласовали порядок определения срока и между ними отсутствует неопределенность относительно момента исполнения, условие о сроке признается согласованным (пример «гибкого подхода в судебной практике: пункт 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными») [4].

При этом неоднозначным остается и вопрос о цене. По общему правилу статья 709 ГК РФ требует указания цены работы или способа ее определения, но при отсутствии такого указания применяется правило пункта 3 статьи 424 ГК РФ о цене, обычно взимаемой при сравнимых обстоятельствах.

Следовательно, в общем договоре подряда цена не всегда выступает как безусловно существенное условие, хотя в отдельных разновидностях подряда, прежде всего строительного, она приобретает повышенное значение в связи со сметой, технической документацией и объемом работ.

Далее предлагается перейти к непосредственному исследованию наиболее значимых и выверенных доктринальных работ по части определения существенных условий договора подряда.

Существенный вклад в разработку рассматриваемой проблемы внесли М. И. Брагинский и В. В. Витрянский. Согласно подходу названных учёных-цивилистов, предмет договора подряда надлежит рассматривать как центральный (базисный) элемент, без согласования которого договор не может породить обязательство.

Одновременно М. И. Брагинский и В. В. Витрянский подчеркивают, что предмет в подряде включает как саму деятельность по выполнению работы, так и ее овеществленный результат, а потому для того, чтобы договор считался заключенным, требуется достаточная индивидуализация будущего результата [5].

Е. А. Суханов исходит из того, что главным и единственным безусловно существенным условием общего договора подряда является предмет, тогда как цена и срок, хотя и обладают важным значением для исполнения обязательства, не всегда предопределяют сам факт заключения договора.

В частности, Е. А. Суханов указывает, что отсутствие условия о сроке может быть восполнено правилами о разумном сроке исполнения обязательства, а отсутствие согласованной цены — положениями статьи 424 ГК РФ. Данная позиция ориентирована на сохранение устойчивости оборота и недопущение чрезмерно формального подхода к квалификации подрядных отношений [6].

О. С. Иоффе, развивая общую теорию обязательств и договоров, подчеркивал, что существенными являются такие условия, которые необходимы для возникновения договора как юридического факта и позволяют определить его социально-правовую направленность.

Применительно к подрядным отношениям эта идея означает, что ключевое значение имеет возможность выявить согласованную волю сторон относительно конкретного результата работы, а не формальное наличие максимального числа детализирующих условий. Подход О. С. Иоффе сохраняет методологическое значение и в современных спорах о разграничении незаключенности договора и дефектов его исполнения [7].

В современной доктрине, развиваемой, в частности, А. Г. Карапетовым, подчеркивается, что чрезмерно широкая практика признания договоров незаключенными и недействительными по формальным основаниям подрывает стабильность гражданского оборота и противоречит принципу свободы договора [8].

С позиций презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм предлагается ограничить возможности квалификации договоров как незаключенных лишь теми случаями, когда отсутствие согласования существенных условий действительно делает невозможным установление согласованной воли сторон и содержания их обязательства, а не используется как инструмент уклонения от исполнения после получения экономического результата.

Не менее значимыми являются также и доктринальные изыскания видного дореволюционного учёного — К. П. Победоносцева, для которого определенность содержания обязательства выступала необходимым условием его юридической силы [9].

Хотя его труды относятся к дореволюционному периоду, сама идея о том, что обязательство должно позволять установить, что именно обязан сделать должник, остается актуальной и для договора подряда. В современной интерпретации это выражается в необходимости четкой фиксации объема работ, объекта, технических характеристик и результата исполнения.

Таким образом, в доктрине можно выделить две основные тенденции:

Строгий подход к определению существенных условий договора с акцентом на необходимость детального согласования содержания работ;

Гибкий подход, нацеленный на «сохранение» действия договора посредством создания и активного применения механизмов восполнения отдельных пробелов, если согласованная воля сторон и предмет обязательства могут быть установлены из текста договора, приложений и поведения участников оборота.

Последствия несогласования существенных условий

Классическим последствием несогласования существенных условий является признание договора незаключенным.

Незаключенный договор не порождает того договорного обязательства, на которое рассчитывали стороны, поскольку отсутствует необходимое и достаточное соглашение по его существенным элементам. При этом важно понимать, что незаключенность следует отличать от недействительности сделки: в первом случае договор как юридический факт не возник, а во втором — возник, но страдает пороком, влекущим его оспоримость или ничтожность.

Наиболее типичным основанием признания договора подряда незаключенным выступает несогласованность предмета.

Судебная практика показывает, что отсутствие указания на конкретный объект работ, их объем или содержание не позволяет установить обязательство подрядчика и, следовательно, исключает вывод о заключенности договора [10].

Вместе с тем современная практика не ограничивается исключительно формальным анализом текста договора, буквальным толкованием его спорных положений.

Если подрядчик фактически выполнил работы, заказчик их принял без возражений, подписал акты КС-2 и КС-3 либо иным образом подтвердил отсутствие разногласий по объему и содержанию исполнения, суд может прийти к выводу о согласованности предмета и признать договор заключенным.

Такой подход отражает общую тенденцию российского гражданского права к защите реального оборота и пресечению недобросовестных ссылок на формальные дефекты договорной документации.

Если же договор все-таки квалифицирован как незаключенный, спор не прекращается автоматически. Здесь важно учитывать, что в тех случаях, когда одна сторона фактически выполнила работы, а другая получила и использовала их результат, возможно взыскание стоимости такого исполнения по правилам о неосновательном обогащении либо как стоимости фактически принятых работ.

Следовательно, незаключенность договора не устраняет полностью имущественные последствия поведения сторон, но значительно усложняет механизм защиты права, поскольку требует дополнительного доказывания объема, качества, полезности и стоимости результата работ.

Рекомендации для правоприменителя

В целях предотвращения споров о заключенности договора подряда сторонам необходимо уделять повышенное внимание юридической технике его оформления.

Прежде всего требуется четко определять предмет: указывать объект работ, их вид, объем, технические характеристики, этапы и конечный результат, а при необходимости включать в состав договора техническое задание, смету, проектную документацию и иные приложения. Чем сложнее характер работ, тем выше значение приложений как средства конкретизации предмета обязательства.

Не менее важно согласовывать механизм определения сроков выполнения работ. Даже если срок не рассматривать как безусловно существенное условие во всех случаях, его неопределенность создает серьезные риски для квалификации обязательства и применения мер ответственности за просрочку.

Практика показывает, что допустимо определение срока не только календарной датой, но и согласованным порядком его исчисления, если это не порождает неопределенности между сторонами.

Особое доказательственное значение имеют документы, фиксирующие фактическое исполнение договора: переписка, акты приемки, сметы, протоколы согласования разногласий, проектная документация, счета и платежные документы.

Именно они нередко позволяют суду установить действительную волю сторон и преодолеть недостатки основного текста договора. В этом проявляется общий вектор развития правоприменения: приоритет отдается не формальной неполноте текста, а выявлению того, существовало ли реальное согласованное обязательство и получен ли экономический результат исполнения.

Заключение

Таким образом, проблема существенных условий договора подряда находится на пересечении законодательного регулирования, судебной практики и гражданско-правовой доктрины.

Наиболее устойчивым является вывод о том, что безусловно существенное значение имеет предмет договора, который должен позволять определить характер, объем и результат работ, тогда как вопросы о цене и сроке допускают более гибкое решение в зависимости от вида подряда и конкретных обстоятельств дела.

Доктринальные позиции ведущих отечественных ученых наглядно демонстрируют, что современное понимание существенных условий развивается от формального перечисления обязательных реквизитов к оценке того, позволяет ли договор установить согласованную волю сторон и содержание их обязательства.

Несогласование существенных условий по-прежнему влечет риск признания договора незаключенным, однако фактическое исполнение, принятие результата работ и иные доказательства поведения сторон способны существенно повлиять на правовую квалификацию спора и способы защиты нарушенного права.

В целях совершенствования современной доктрины и законодательства представляется целесообразным либо на уровне разъяснений высшей судебной инстанции, либо путем уточнения положений главы 37 ГК РФ более четко разграничить безусловно существенные условия общего договора подряда и специальные условия отдельных его разновидностей, а также закрепить презумпцию сохранения договора при наличии объективно определимого предмета и подтвержденного фактического исполнения.

Такой подход способствовал бы снижению правовой неопределенности, обеспечению устойчивости гражданского оборота и ограничению злоупотреблений,

связанных с формальными ссылками на незаключенность соглашения после получения полезного результата работ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СЗ РФ. 05.12.1994 г. № 32. Ст. 3301.
3. Энциклопедия судебной практики. Подряд. Договор подряда (ст. 702 ГК РФ) / под ред. В. В. Витрянского [электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/57589609/> (дата обращения: 28.06.2026).
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М.: Статут. 2011. 1055 с.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут. 2023.
7. Обязательственное право / Иоффе О. С. М.: Юрид. лит. 1975. 880 с.
8. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут. 2012. 452 с.
9. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут. 2002.
10. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № 52-КГ14-1 // СПС «Гарант».

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (статья 186.1 УПК РФ): тактические особенности и типичные ошибки следователей

Хаджимусова Дарина Арсеновна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Настоящая работа посвящена всестороннему изучению комплексной правовой и криминалистической природы следственного действия, предусмотренного статьей 186.1 УПК РФ. Базируясь на анализе актуальной следственно-судебной практики и трудах видных ученых в области уголовного процесса, автор систематизирует тактические нюансы инициирования, проведения и оценки результатов истребования биллинговых данных. В статье структурированы наиболее распространенные недочеты, допускаемые сотрудниками органов предварительного расследования, а также сформулированы практические рекомендации по их недопущению. Особое внимание уделено вопросам модернизации уголовно-процессуального закона и алгоритмизации работы правоохранительных структур.

Ключевые слова: получение информации о соединениях между абонентами и или абонентскими устройствами, статья 186.1 УПК РФ, криминалистическая тактика, следственное действие, биллинговая информация, типичные ошибки следователя, абонент, абонентское устройство.

Стремительное развитие цифровых технологий и глубокое проникновение мобильной связи во все сферы жизнедеятельности общества привели к тому, что портативные средства коммуникации стали важнейшим элементом социального взаимодействия. Как неоднократно подчеркивалось в профильной литературе, повседневность современного гражданина неразрывно связана с использованием сотовых телефонов и выходом в Интернет. В подобном контексте для нужд расследования уголовных

дел критическую значимость приобретает не только смысловое наполнение переговоров, но и сам факт технического контакта между конкретными устройствами. Этим обусловлен повышенный интерес правоохранительных органов к получению биллинговых сведений. По справедливому замечанию В. А. Мещерякова, «именно сведения операторов мобильной и стационарной связи относительно фактов и длительности переговоров, а также географической локализации абонентов в момент вызовов

превращаются в наиболее затребованную базу для построения доказательств» [3, с. 240].

Вместе с тем, кажущаяся простота процедуры, которая на практике зачастую сводится к банальному направлению запроса и ожиданию справки [1, с. 101], таит в себе множество подводных камней. И доктрина, и правоприменение регулярно сталкиваются с неразрешенными тактико-процессуальными дилеммами. Это провоцирует систематические ошибки со стороны следователей и дознавателей, способные полностью обесценить собранные материалы. Цель данного исследования заключается в систематизации тактических аспектов анализируемого следственного действия и разборе типичных следственных упущений. Это позволит наметить пути их преодоления, сохраняя при этом строгий баланс между задачами уголовного судопроизводства и конституционным правом граждан на тайну связи (ст. 23 Конституции РФ).

Для выстраивания грамотной тактики необходимо первоначально определиться с правовой природой рассматриваемого института. До введения в 2010 году статьи 186.1 в УПК РФ (Федеральный закон № 143-ФЗ) правоохранители добывали подобные сведения путем направления обычных запросов или проведения выемки в порядке ст. 183 УПК РФ [1, с. 101]. Закрепление отдельной нормы придало этой процедуре самостоятельный статус, однако научные дискуссии о ее истинной сущности не утихают до сих пор.

Ввиду ярко выраженной технической специфики данного действия, мнения ученых разделились. Радикальную позицию занимает Б. Т. Безлепкин, «никакого нового следственного действия здесь не появляется: следователь не выполняет процессуальных операций по обнаружению, «извлечению» и фиксации доказательств, а лишь получает документальные доказательства по требованию органа расследования; истребование надлежаще оформленной доказательственной информации у компетентной организации и личное производство регламентированного УПК следственного действия ученый расценивает как принципиально несхожие способы доказывания, ошибочно совмещенные законодателем в статье 186.1 УПК РФ» [4, с. 221]. Близкую точку зрения разделяет С. А. Шейфер, подчеркивающий, что закон лишь формализовал распространенную практику запроса детализации, не наделив ее познавательными признаками, присущими следственным действиям [4, с. 221–222].

Иной подход предлагает В. Ю. Стельмах. Он относит данную процедуру к технико-специальным следственным действиям, состоящим из двух независимых этапов: процессуальной активности следователя и технико-аналитической работы оператора связи [4, с. 221]. Развивая эту мысль с опорой на труды А. С. Князькова, О. Ю. Антонов доказывает, что изучение полученных биллинговых выгрузок по своей сути является полноценным следственным осмотром, что прямо коррелирует с ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ [4, с. 222]. Таким образом, процедура носит ярко выраженный комплексный характер: она включает в себя организационно-обеспечительные меры по истребованию данных и последующий аналитический осмотр

поступившего массива информации. Мы полностью разделяем концепцию комплексной природы, так как именно она диктует необходимость разработки специфических тактических рекомендаций для каждого из этапов.

Важнейшим условием законности выступает терминологическая точность. Опираясь на положения Федерального закона «О связи» (№ 126-ФЗ), абонентом признается лицо, заключившее договор с оператором. Однако фактически устройством может пользоваться совершенно другой человек. В связи с этим М. В. Старичков предлагает использовать более корректный термин «пользователь услугами связи» [1, с. 101–102]. Кроме того, технически фиксируются контакты не между людьми, а между конкретными SIM-картами (номерах) и оконечным оборудованием (устройствами), что также требует предельной точности в формулировках процессуальных документов [1, с. 102].

На этапе подготовки следователь должен оценить реальную необходимость в получении биллинга. Решение принимается на основе следственного опыта и имеющихся версий [1, с. 102]. Вескими основаниями обычно выступают: специфика преступления (дистанционные мошенничества, киберпреступления), факт хищения телефона, а также необходимость проверки алиби или выявления круга соучастников. При этом, как отмечает Е. В. Лакеева, данное действие носит субсидиарный характер: к нему следует прибегать, когда иными путями получить информацию невозможно [2, с. 582].

Определившись с необходимостью, правоприменитель обязан четко сформулировать параметры запроса. Стандартный набор включает дату, время, продолжительность звонков, номера собеседников, тип соединения, геолокацию (идентификаторы базовых станций) и объемы интернет-трафика [1, с. 102, 104]. Важным правовым ориентиром здесь служит Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19, которое прямо разрешает судам санкционировать получение сведений об IMEI-кодах и координатах приемопередающих станций [2, с. 583].

Именно на этапе формулирования задания кроется одна из главных ошибок является некорректное определение объема запрашиваемых данных. Зачастую потребности следствия выходят за рамки исчерпывающего перечня, обозначенного Верховным Судом. Для решения этой проблемы Е. В. Лакеева предлагает скорректировать п. 24.1 ст. 5 УПК РФ, разрешив истребовать любую информацию об абоненте, хранящуюся у провайдера [2, с. 585]. Поддерживая данную инициативу, следует оговориться, что расширение полномочий не должно превращаться в бесконтрольный сбор данных, нарушающий критерии относимости доказательств.

Другой грубой ошибкой является попытка получить тексты SMS-сообщений в рамках ст. 186.1 УПК РФ. М. В. Старичков обоснованно указывает, что содержание переписки относится к почтово-телеграфным отправлениям, доступ к которым регламентирован ст. 185 УПК РФ [1, с. 102]. Игнорирование этого разграничения неминуемо влечет признание доказательств недопустимыми.

В сложных следственных ситуациях целесообразно проводить предварительный осмотр местности с использованием специализированного ПО (например, Netmonitor) для оценки радиоэлектронной обстановки. Это позволяет выявить все базовые станции в конкретном квадрате, их азимуты и время задержки сигнала [4, с. 223]. М. А. Гудкова при этом считает целесообразным проводить данное действие в те же часы суток, что и проверяемое событие, ведь распределение нагрузки на базовые станции и площадь их покрытия на протяжении суток заметно колеблются [4, с. 223]. Игнорирование такого предварительного осмотра ведет к неполноте собираемых данных [3, с. 242].

Особую сложность представляет проблема запросов в отношении «неопределенного круга лиц» (так называемый дамп базовых станций по месту преступления). Противники такого подхода апеллируют к массовому нарушению конституционных прав граждан. Сторонники же указывают на отсутствие в УПК РФ прямого запрета и высокую эффективность метода при раскрытии тяжких преступлений [1, с. 104]. На наш взгляд, компромиссным решением является предоставление суду результатов предварительных радиоизмерений и запрос разрешения не на конкретные вышки, а на определенный географический район совершения деяния. Это минимизирует риск несанкционированного доступа к трафику посторонних лиц [3, с. 242].

Отдельно стоит упомянуть проблему территориальной подсудности. Вопреки ч. 2 ст. 165 УПК РФ, предписыва-

ющей обращаться в суд по месту производства следствия, на практике ходатайства часто направляются по месту нахождения оператора связи или месту совершения деяния [1, с. 103]. Также следователи нередко забывают делать в постановлении отметку о необходимости проведения закрытого судебного заседания.

Резюмируя вышеизложенное, можно выделить следующий комплекс типичных ошибок: восприятие процедуры как простой технической формальности; смешение правовых режимов ст. 185 и 186.1 УПК РФ; ошибки в определении оператора (без учета услуги перенесения номеров MNP); неверный выбор хронологических рамок; слабая мотивировка ходатайств; пренебрежение радиоразведкой местности; формальный осмотр полученных таблиц без применения средств визуализации и аналитики; а также переоценка результатов биллинга без их подкрепления иными доказательствами, связывающими телефон с конкретным подозреваемым.

Минимизация указанных упущений возможна путем тщательного планирования, обязательного привлечения IT-специалистов на этапе подготовки запросов и внедрения систем автоматизированного анализа больших данных. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить качество предварительного следствия, обеспечив надежное формирование доказательственной базы при строгом соблюдении конституционных прав граждан.

Литература:

1. Старичков М. В. Тактико-криминалистические аспекты получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4.
2. Лакеева Е. В. Процессуальные и организационные аспекты подготовки к получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Право и управление. 2026. № 4.
3. Антонов О. Ю. Принципы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1.
4. Антонов О. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в России: сущность, этапы и пути совершенствования тактического обеспечения // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459.
5. Антонов О. Ю. Принципы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1.
6. Гилязов Р. Р. Особенности получения криминалистически значимой информации в ходе проведения осмотра средств сотовой подвижной связи // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6.

Право граждан на участие в делах государства: общетеоретический анализ форм осуществления народовластия

Шестакова Юлия Сергеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются конституционные формы осуществления народовластия в Российской Федерации. На основе Конституции РФ и научных подходов рассматриваются непосредственная и представительная демократия. В рамках первой выделены императивные (референдум, выборы) и консультативные (публичные слушания, петиции,

опросы) институты. Вторая анализируется через механизм делегирования власти Федеральному Собранию и иным выборным органам. Рассматривается баланс этих форм, которые составляют основу политической системы России.

Статья 1 Конституции РФ определяет Россию как демократическое государство. Это значит, что граждане участвуют в управлении страной, но при этом итоговые решения принимаются большинством с учетом интересов меньшинства.

Одним из важнейших принципов демократического государства является участие граждан в осуществлении государственной власти. В современной юридической науке выделяют две основные формы осуществления народовластия: непосредственная (прямая) демократия и представительная демократия.

Непосредственную демократию С. А. Авакьян описывает как набор конституционных механизмов, позволяющих народу самостоятельно выражать свою волю на государственном и муниципальном уровнях [1, с. 363–364]. При этом он выделяет две группы институтов непосредственной демократии: 1) императивные, где выражение воли народа носит окончательный и обязательный характер (референдум, выборы, отзыв депутата и др.); 2) консультативные, где официальное окончательное решение принимает компетентный орган государства или орган местного самоуправления (публичные слушания, народные (общественные) обсуждения проектов нормативных правовых актов и иных общественно значимых вопросов, народные правотворческие инициативы, коллективные обращения граждан (петиции), наказания избирателей, опросы населения, законодательные предложения и др.) [2, с. 27–37].

К ее основным признакам относятся: возможность выражения волеизъявления через референдумы, плебисциты, народные обсуждения, участие в собраниях и инициативах. И. Ф. Алхазуровна и Х. З. Абуязитовна утверждают, что ключевой признак непосредственной демократии заключается в сопоставлении воли народа с органом власти, который граждане формируют, а также в регулятивной функции в системе социального управления, основанной на принципах представительного правления и народного суверенитета. Народ, обладая полной властью, выстраивает систему управления так, чтобы всегда иметь механизмы для ее изменения.

Конституционно заданными процедурами осуществления власти народом непосредственно являются «референдум и свободные выборы» (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ) [3]. ФЗ-67, 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — ФЗ-67, 2002 г.) [4] устанавливает, что демократические, свободные и регулярные выборы в структуры государственной власти, структуры местного самоуправления, в том числе референдум считаются главным непосредственным выражением принадлежащей народу власти. Государство обеспечивает свободное тайное волеизъявление граждан РФ на выборах

и референдуме, охрана демократических принципов и правил избирательного права и возможности участвовать в референдуме.

Согласно конституционно-правовой науке, представительная демократия — это механизм, посредством которого народ реализует свою власть, делегируя ее избранным органам. Эти органы, выступая от имени граждан, получают исключительное право на законодательную деятельность. В Российской Федерации эта система воплощается в Федеральном Собрании, законодательных органах регионов, органах местного самоуправления и институтах выборных должностных лиц. Российская Конституция закрепляет за представительными органами право принимать решения по важнейшим вопросам жизни страны: утверждение бюджета, введение особых режимов и урегулирование территориальных споров. Обеспечение представительной демократии в России достигается через выборность Государственной Думы, конституционно закрепленное формирование Совета Федерации, а также через деятельность законодательных и представительных органов на уровне субъектов Федерации и местного самоуправления. [5] Отличительными чертами здесь становятся периодичность выборов, очерченный круг полномочий избранных лиц и их ответственность перед теми, кто за них голосовал. Представительная демократия обеспечивает стабильное управление и принятие профессиональных решений, а также позволяет учитывать потребности различных групп населения. Но данная форма одновременно требует от граждан развитой политической культуры и внимания к действиям власти.

Сегодня российская модель демократии характеризуется сочетанием прямой и представительной демократии. Граждане Российской Федерации имеют конституционные права на участие в государственном управлении посредством выборов, референдумов, народных инициатив, общественных дебатов и местных предложений. Такое сбалансированное соотношение прямого выражения воли и доверия к избранным представителям задумано так, чтобы поддерживать и активность населения, и дееспособность самого государственного аппарата.

Подводя итог, можно сделать вывод, что конституционный принцип народного суверенитета, провозглашающий многонациональный народ единственным источником власти, находит свое практическое воплощение именно через институт участия в управлении делами государства. Данное конституционное право является организованным правовым механизмом, который действует на всех уровнях власти. Его суть в том, что оно наделяет граждан силой влиять на то, как готовятся, принимаются и воплощаются в жизнь решения, исходящие от государства, что превращает людей из пассивных объектов управления в активных субъектов политического процесса.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 363–364.
2. Тюнина И. И., Тюнин Е. А. Развитие консультативных институтов непосредственной демократии в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2010. — № 1(34) — с.27–37.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: (с изм. от 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2023. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/ (дата обращения: 30.04.2026).
4. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2023. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 30.04.2026).
5. Идрисова Ф. А., Ханкарова З. А. Народовластие как выражение суверенной воли многонационального народа Российской Федерации: понятие и формы // Текст научной статьи по специальности «Политологические науки». — 2018.

Избыток нормативно-правовых актов: к вопросу о балансе в правовом государстве

Шестакова Юлия Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается проблема отождествления формального объема законодательства с правовым характером государства. Анализируется обыденное заблуждение, согласно которому обилие законодательных актов при отсутствии механизмов сдерживания власти и гарантии прав личности автоматически свидетельствует о верховенстве права в государстве. Особое внимание уделяется критериям верховенства права, включающим выборность власти, разделение властей, судебную независимость и защиту прав личности, а также анализируется понятие «правовой нигилизм» как следствие многозакония и противоречивости нормативно-правовых актов.

В современном мире государства с тоталитарным и авторитарным режимом часто издают колоссальное количество нормативно-правовых актов, которые регулируют все сферы жизни общества до мельчайших деталей, в том числе и жизнь граждан. Несмотря на это, правовым такое государство никто не назовет. В настоящее время существует заблуждение в обыденном сознании людей о том, что если государственный орган, уполномоченный создавать законы, публикует сотни законов, подзаконных актов, то такое государство можно считать правовым. Но такое мнение является большой ошибкой, так как обильный нормативно правовой материал может не только гарантировать свободу действий, но и наоборот, служить ширмой для произвола. Так где же баланс между недостатком и чрезмерностью нормативно-правовых актов и всегда ли попытка урегулировать «все общественные отношения» характеризуют именно правовое государство?

Для начала стоит сказать, что издание нормативно-правовых актов — это исключительно прерогатива государства. Именно через НПА власть реализует свою регулятивную функцию, устанавливая общеобязательные правила поведения. Однако здесь кроется фундаментальная проблема: стремление урегулировать абсолютно все сферы жизни общества оборачивается нежелательным

вторжением государства в частные интересы. Право должно обеспечивать баланс, а тотальный контроль его разрушает.

Ключевая задача правового регулирования –поддержание равновесия между публичными и частными интересами. Существуют сферы, в которые государство вторгаться не должно, поскольку они относятся к области личной свободы человека. Один из ярких примеров –свобода вероисповедания, гарантированная Конституцией. Несмотря на это, в ряде российских субъектов ввели запрет на ношение хиджабов в школах. Подобные меры, созданные в рамках требований к светскому характеру образования, затрагивают глубинные религиозные чувства граждан.

Одним из главных конституционных принципов функционирования государственного аппарата и его структурных элементов является законность. Особенно велико значение данного принципа для органов исполнительной власти, поскольку они по своей природе предназначены для осуществления деятельности по исполнению законов [1, с. 25–37]. В теории государства и права существует классификация законности по полноте соблюдения режима: формальная и реальная законность. Формальная законность предполагает строгое соответствие правоприменительной деятельности нормам права [2, с. 115–119].

Исходя из этого любое государство, которое имеет аппарат принуждения, способное заставить граждан следовать установленным предписаниям, можно назвать правовым. Однако в правовом государстве закон должен не только исполняться, но и быть правовым (реальным). Ученые, представители либеральной концепции понимания, считают, что «закон, соответствующий содержанию и смыслу принципа правового равенства и свободы – это и есть правовой закон» [3, с. 54–56].

Именно здесь кроется вся суть: имея невероятно большое количество законов, исполняющихся силой государственного принуждения, государство может оставаться авторитарным или тоталитарным.

Второй, не менее важной составляющей правового государства, является связанность самого государства с изданными им нормами. Требование верховенства закона адресуется не только гражданам, обществу, но и самому государству. Государство, его органы и должностные лица в своей деятельности должны быть связаны правовым законом, самоограничены правом. Многие ведущие политики и правоведы Западной Европы сходились во мнении, что правовым можно считать государство, где законодатель также подзаконен, как и гражданин, то есть правовая государственность имеет место лишь в том случае, когда государственная власть сама подчиняется предписанному ею порядку [4, с. 164–167].

Можно представить ситуацию: уполномоченные государством органы создают множество нормативно правовых актов: законы, подзаконные акты, указы и т.д. Но если высшее должностное лицо имеет право в любой момент отменить или изменить любой нижестоящий акт по своему усмотрению, то иерархия норм перестает быть юридической. В таком случае закон утрачивает функцию ограничителя и становится инструментом, который используется для решения внутренних задач государства. В итоге, имея большое количество нормативно правовых актов, ни один из них не обладает достаточной силой, чтобы урегулировать действия чиновников. Это еще раз подтверждает то, что формальное многообразие нормативно правовых актов не означает наличие правового государства.

Для того чтобы определить процветает в государстве многозаконие или реальное верховенство права теория государства и права выделяет критерии, отличающие правовой закон от неправового.

Необходимо выделить пять основных принципов верховенства права:

Литература:

1. Замотаева Е. К. Обеспечение законности нормативных правовых актов органов исполнительной власти // Журнал российского права. — 2010. — № 9. — с.25–37.
2. Адыгезалова Г. Э. Законность и обоснованность правоприменительных актов (актов-документов): проблемы теории и практики // Общество и право. — 2019. — № 4(70). — с.115–119.
3. Хахалева Е. В. К вопросу о законности правового акта управления. // Общество: политика, экономика, право. — 2010. — № 2. — с. 54–56.
4. Баранов А. В. Теория государства и права: учебное пособие / А. В. Баранов.—Томск: Эль Контент, 2012. — с.164–167.

Правительство народа; законодательные органы и руководящие представители исполнительной власти должны избираться на всеобщих выборах по системе, гарантирующей постоянную подотчетность, а также их честность и открытость.

Разделение властей и принципы взаимосвязи между законодательной, исполнительной и судебной властью.

Представительная демократия, процедурные и существенные ограничения в отношении правительственных действий, направленных против частных лиц (защита личной свободы и личного достоинства).

Ограниченное правительство и федерализм.

Судебное разбирательство независимой системой судебных органов как центральный механизм проведения конституционных законов в жизнь.

Верховенство права означает не просто формальную законность, которая обеспечивает регулярность и последовательность при достижении и приведении в исполнение демократического порядка, но и справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности и гарантированную учреждениями, обеспечивающими рамки ее наиполнейшего выражения [5, с. 200–209].

Среди граждан государства, в котором процветает многозаконие, возникает такой феномен, как «правовой нигилизм». Правовой нигилизм — это психосоциальный и культурный феномен, представляющий собой отрицательное отношение к праву и к правовым формам организации общественных отношений [6, с. 29–33]. Чем больше государство издает неисполнимых и противоречивых законов, тем выше уровень правового нигилизма в обществе. В таких условиях граждане сталкиваются с тем, что суровые законы компенсируются необязательностью их исполнения, и поэтому привыкают жить не по закону, а «по понятиям». Таким образом, расширение объема законодательства зачастую приводит к снижению авторитета права.

Подводя итог из всего вышесказанного, можно сказать следующее: до тех пор пока законы публикуются для удобства управления и полного регулирования сфер жизни общества, а не для обеспечения свободы, даже самое большое законодательство остается лишь уставом деятельности государственного механизма, но никак не конституцией правового государства, так как в правовом государстве первичен не сам закон, а определенная идея, которую этот закон должен защищать.

5. Морозов Д. А. О верховенстве права и правового закона // Аспирантский вестник. — 2011. — № 1. — с.200–209.
6. Момышева Ф. С., Феткулов А. Х., Сейтхожин Б. У., Хакимов Р. Р. Правовой нигилизм: понятие и пути преодоления / Ф. С. Момышева, А. Х. Феткулов, Б. У. Сейтхожин, Р. Р. Хакимов // Территория науки. 2015. № 5–2. С. 29–33.

Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в общественных местах

Шовгуров Валерий Русланович, студент

Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье даётся криминологическая характеристика основных видов преступлений, совершаемых в общественных местах. Анализируются понятие и признаки общественного места, структура преступности в данной сфере, особенности личности преступника. Рассматриваются проблемы квалификации хулиганства, вандализма, имущественных преступлений и посягательств на объекты культурного наследия. Обосновывается необходимость комплексного подхода к предупреждению преступности в общественных местах.

Ключевые слова: общественное место, преступность, хулиганство, вандализм, кража, грабёж, объекты культурного наследия, профилактика преступлений.

Введение

Анализ уголовной практики свидетельствует о том, что в настоящее время преступность приобретает более открытый и очевидный характер, а количество совершаемых преступлений неуклонно растёт. Как отмечают В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов, реальностью современности стала интенсификация преступности, качественные изменения которой дрейфуют в сторону большей изощрённости и более высокой степени общественной опасности [1, с. 116]. В немалой степени это характерно и для преступлений, совершаемых в общественных местах.

Специфика данных преступлений заключается в следующем. Во-первых, они несут повышенную общественную опасность как своими масштабами, так и последствиями. Во-вторых, они способствуют формированию у граждан чувства тревоги, страха и опасения стать жертвой преступления (захват заложников в Беслане 1 сентября 2004 г., массовые выступления в Западном Бирюлёве 12–13 октября 2013 г. и др.).

1. Понятие общественного места

При определении круга общественных мест необходимо детерминировать их специфику и обозначить критерии отличия от иных мест. Г. Болор-Эрдэнэ в качестве таких критериев называет целевое назначение и степень доступности места для различных лиц. Автор указывает, что целевое назначение общественных мест заключается в их использовании людьми в общественно значимых целях: нахождения, прохождения, проезда, общения, питания, обучения, проживания и т. д. Исследователь приходит к выводу, что несомненное многообразие общественных мест делает практически невозможным

составление их полного и исчерпывающего перечня [2, с. 20–21].

В действующем российском законодательстве понятие «общественное место» используется в административном законодательстве. В ст. 20.1 КоАП РФ в дефиниции «мелкого хулиганства» указано, что это «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах» ... [3]. М. Ю. Козлов, комментируя данную статью, уточняет, что местом совершения мелкого хулиганства может быть не только общественное место, но любая сфера общественной жизни: учреждение, предприятие, транспорт и иное место, где находятся люди [4, с. 56]. Статья 20.21 КоАП РФ регулирует появление в общественных местах в состоянии опьянения. В комментариях к данной статье М. Ю. Козлов указывает, что перечень общественных мест (стадион, сквер, парк, транспорт) значительно расширен за счёт дворов, подъездов, лестничных клеток, лифтов, пляжей, зрелищных предприятий [4, с. 62].

Таким образом, согласно ст. 20.20 и ст. 20.21 КоАП РФ, общественным местом является любой объект реального или потенциального нахождения граждан. Перечень общественных мест включает дворы, подъезды, лестницы, лифты жилых домов, детские площадки, зоны рекреационного назначения (городской лес, сквер, парк, пруд, пляж), стадионы, все виды общественного транспорта, культурные сооружения.

2. Место совершения преступления как криминологический признак

Рассмотрев, что следует считать общественным местом, необходимо обозначить, какие противоправные деяния можно отнести к преступлениям, совершаемым

в общественных местах. Как пишет К. Л. Акоев, в широком смысле под местом совершения преступления понимается часть пространства, находящаяся под юрисдикцией государства. Автор подчёркивает, что место совершения преступления существенно влияет на квалификацию посягательства и на возможность наступления уголовной ответственности [5, с. 34]. В узком понимании «место совершения преступления» — это «пространственная характеристика конкретного преступления, непосредственно указанная или подразумеваемая в диспозиции уголовно-правовой нормы и влияющая на квалификацию и индивидуализацию ответственности» [2, с. 20–24].

Согласно Г. Болору-Эрдэнэ, местом совершения преступления называется часть социального пространства, где физическое лицо совершило общественно опасное деяние путём противоправного воздействия на субъектов общественного отношения, взаимосвязь между ними, предметы материального мира, социальные и идеологические ценности [2, с. 20–24].

3. Основные виды преступлений, совершаемых в общественных местах

Как показывает уголовная практика, среди основных видов преступлений, совершаемых в общественных местах, выделяются кража, грабёж, причинение вреда здоровью, повреждение и уничтожение памятников истории и культуры, вандализм и хулиганство, массовые беспорядки, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды и оскорбление представителей власти.

3.1. Преступления против собственности

В структуре общей преступности абсолютное большинство приходится на преступления против собственности. Среди имущественных преступлений особую распространённость имеют кражи. По данным статистики, в России за январь–декабрь 2020 г. совершено 751,2 тыс. краж. Кражи, сопряжённые с незаконным проникновением в жилища, — 44,4 тыс., карманные кражи — 25,6 тыс. [6].

Ст. 158 УК РФ под кражей понимает тайное хищение имущества. М. Кайбжанов указывает на неполноту данной дефиниции и предлагает следующее определение — это «совершённое с корыстной целью противоправное безвозмездное тайное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного, причинившее материальный ущерб собственнику» [7, с. 40].

Проведение массовых мероприятий сопряжено с риском стать жертвой кражи или грабежа. В местах проведения мероприятий участники берут с собой крупные суммы денег, дорогую фото- и видеотехнику. Многие находятся в состоянии алкогольного опьянения. Несвоевременное выявление преступлений, волокита в расследовании и низкий процент раскрываемости приводят к дальнейшему росту посягательств. И. С. Лазарева и В. Е. Степенко отмечают, что исключение из УК РФ ква-

лифицирующих признаков неоднократности привело к безнаказанности преступников [8, с. 2050].

3.2. Оскорбление представителя власти

Оскорбление представителей власти, находящихся при исполнении обязанностей, характерно для шествий, митингов и демонстраций. Наказание — штраф до 40 тыс. руб., обязательные работы до 360 часов либо исправительные работы до 1 года (ст. 319 УК РФ).

3.3. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры

Ещё одним видом преступлений является уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. Культурные ценности играют первостепенную роль в воспитании подрастающего поколения, формировании патриотических чувств [9, с. 7–9]. Согласно Федеральному закону от 25.06.2002 № 73-ФЗ, к объектам культурного наследия относятся недвижимость, произведения живописи, скульптуры, объекты науки и техники, иные предметы материальной культуры, представляющие ценность для истории и культуры [10].

Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников предусмотрена ст. 243 УК РФ. Максимальный срок лишения свободы — 3 года (преступление небольшой тяжести), для особо ценных объектов — до 6 лет (средней тяжести). Также предусмотрена ответственность за неосторожное причинение вреда (ст. 243.1 УК РФ). А. Е. Шалагин справедливо отмечает, что для квалификации не требуется наступления вредных последствий, т. к. действия нацелены на причинение вреда объектам культуры [11, с. 97].

Существуют трудности при разграничении таких преступлений с вандализмом (ст. 214 УК РФ), умышленным уничтожением имущества (ст. 167 УК РФ), надругательством над телами умерших (ст. 244 УК РФ) [11, с. 97].

3.4. Вандализм

Уголовный кодекс РФ интерпретирует вандализм как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах» (ч. 1 ст. 214 УК РФ). С. В. Розенко под вандализмом понимает «антисоциальный акт физического насилия, непосредственно направленный на общественно-значимые результаты и достижения жизнедеятельности отдельного человека, человеческих общностей и человечества в целом» [12, с. 192].

Особенность вандализма — демонстрация виновным неуважения к окружающим путём снижения эстетических свойств зданий в общественных местах. А. Налчаджян пишет, что у вандалов отсутствует чувство красоты и гармонии, они морально и эстетически недоразвиты [13, с. 212–213]. Формы вандализма: нанесение надписей на

заборах и фасадах, порча оборудования транспорта, уничтожение памятников.

Наказание по ч. 1 ст. 214 УК РФ — штраф до 40 тыс. руб., обязательные работы до 360 часов, исправительные работы до 1 года или арест до 3 месяцев. По ч. 2 (группой лиц, по мотивам ненависти) — ограничение свободы до 3 лет либо лишение свободы на тот же срок.

Ответственность за вандализм наступает с 14 лет. По данным Института социологии РАН, каждый десятый учащийся 7–9 классов совершал акты вандализма, среди 10–11 классов — 43 %. 78 % подростков действуют вместе с сообщниками [14]. По объектам: порча имущества — 85,7 %, осквернение памятников — 10 %, культовых зданий — 4,3 % [15, с. 117].

3.5. Хулиганство

Хулиганство — грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. С. В. Векленко и И. Г. Рагозина определяют «явное неуважение к обществу» как «открытое, демонстративно-пренебрежительное игнорирование лицом общепринятых норм поведения» [16, с. 15, 21]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 45 от 15.11.2007 разъяснил, что хулиганский мотив выражается в желании противопоставить себя окружающим [17].

Хулиганский мотив характеризуется: открытым вызовом окружающим, стремлением противопоставить свои интересы социуму, пренебрежительным отношением к обществу, стремлением показать вседозволенность [16, с. 24–25]. Лица, совершающие хулиганство во время массовых мероприятий, руководствуются мотивами самоутверждения, получения острых эмоций, мести за проигрыш любимой команды.

Анализ практики показывает, что дела по ст. 213 УК РФ нередко прекращаются либо переквалифицируются. Болельщик, нанёсший травму вратарю, был осуждён по ч. 1 ст. 111 УК РФ, а не за хулиганство [18]. Массовая драка в «Лужниках» в 2016 г. с участием 800 фанатов не получила судебной оценки как хулиганство.

Заключение

Объектом преступлений, совершаемых во время массовых мероприятий, выступает не только общественная безопасность и общественный порядок, но также личное имущество, жизнь и здоровье участников, честь и достоинство представителей власти. Предупреждение преступлений в общественных местах требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, усиление профилактической работы с молодёжью и повышение эффективности деятельности правоохранительных органов.

Литература:

1. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. — М.: Юрист, 2013. — С. 800.
2. Болор-Эрдэнэ Г. Комплексное предупреждение преступлений, совершаемых в общественных местах в городах Монголии: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. — Омск, 2018. — С. 24.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. — 2001. — 31 декабря.
4. Козлов М. Ю. Комментарии к Кодексу РФ об административных правонарушениях. — М.: Юрист, 2002. — С. 540.
5. Акоев К. Л. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение. — Ставрополь: Сервисшкола, 2000. — С. 180.
6. Данные Главного управления правовой статистики и информационных технологий «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2020 г». // <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf>.
7. Кайбжанов М. Ж. Предупреждение краж в Республике Казахстан: дисс.... канд. юрид. наук. — М., 2017. — 180 с.
8. Лазарева И. С., Степенко В. Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты кражи имущества // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». — 2013. — Т. 4. — № 4. — С. 2048–2054.
9. Клебанов Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана / под науч. ред. А. В. Наумова. — М.: Норма, 2012. — С. 160.
10. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Шалагин А. Е. Уголовно-правовая защита памятников истории и культуры в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2012. — № 4 (10). — С. 96–101.
12. Розенко С. В. Вандализм как преступление экстремистской направленности // Правоведение. — 2009. — № 6. — С. 190–196.
13. Налчаджян А. Агрессивность человека. — СПб.: Питер, 2007. — С. 736.
14. Добрынина Е. Поколение «А». Уровень агрессивности в среде молодёжи достиг крайне опасной черты, считают социологи // Российская газета. — № 5797 (124).
15. Бохан А. П. Уголовно-правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 9. — С. 115–118.

16. Векленко С. В., Рагозина И. Г. Уголовная ответственность за хулиганство. — Омск: Омская юридическая академия, 2007. — С. 80.
17. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Российская газета. — 2007. — 21 ноября.
18. Вынесен приговор болельщику, избившему клюшкой вратаря во время матча [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com> (Дата обращения: 12.11.2018).

Трансформация налоговой деликтоспособности несовершеннолетних в условиях цифровой экономики: от дропперства к криптовалютным «темкам»

Юдина Елизавета Витальевна, студент
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье исследуется проблема трансформации налоговой деликтоспособности несовершеннолетних под влиянием цифровизации финансов. Анализируется переход от пассивной модели «налогового иждивенца» к активной, но юридически необеспеченной модели «цифрового предпринимателя». Рассматриваются феномены дропперства и криптовалютных «темок» как новые формы делинквентного поведения. Выявляются пробелы в законодательстве и предлагаются механизмы адаптации института налоговой ответственности к современным вызовам.

Ключевые слова: налоговая деликтоспособность, несовершеннолетние налогоплательщики, цифровая экономика, дропперство, криптовалюты, налоговые правонарушения, цифровые платформы, ответственность законных представителей.

Цифровизация финансового сектора и появление новых форм дохода (криптовалюты, фриланс на биржах, P2P-арбитраж) кардинально меняют традиционные подходы к налоговой деликтоспособности. ФНС России и другие ведомства фиксируют экспоненциальный рост вовлечения лиц от 14 до 17 лет в противоправные финансовые схемы. Так, по данным на 2025 год, количество несовершеннолетних самозанятых достигло 608 тысяч, а индивидуальных предпринимателей младше 25 лет — более 270 тысяч. Эти цифры наглядно демонстрируют смену самой модели входа молодежи в экономическую жизнь.

Классическая доктрина налогового права рассматривает несовершеннолетнего либо как пассивного субъекта, то есть владельца имущества, от имени которого налоги платят родители, либо как «дроппера» — фигуру в мошеннических схемах. Однако современные реалии (заработок на P2P-арбитраже, майнинг, «крипботемки») формируют новый тип делинквентного поведения, где подросток выступает не просто «носителем карты», а осознанным или квази-осознанным участником цифровых налоговых правонарушений.

Криптовалюты, токены и электронные деньги создают у подростков иллюзию «нереальности» дохода. Получив вознаграждение в криптовалюте, они часто не осознают, что с точки зрения Налогового кодекса РФ (ст. 41 НК РФ) это — экономическая выгода, подлежащая декларированию и налогообложению. Доступность финансовых инструментов и возможность относительной анонимности, так как кошельки без привязки к личности, формируют зону «налоговой слепоты», где доходы длительное время остаются вне поля зрения ФНС.

Цель исследования — выявить закономерности трансформации налоговой деликтоспособности несовершеннолетних в условиях цифровой экономики и предложить правовые механизмы адаптации института ответственности к новым вызовам, от схем «дропперства» до самостоятельного крипто-предпринимательства.

Налоговая деликтоспособность — это способность лица нести ответственность за совершение налоговых правонарушений. В отличие от налоговой правоспособности, которая в Российской Федерации возникает с рождения, дееспособность связана с достижением конкретного возраста и психическим состоянием.

Согласно п. 2 ст. 107 НК РФ [1], несовершеннолетний может быть привлечен к налоговой ответственности (например, за неуплату налога или непредставление декларации) только по достижении 16 лет. Если лицо в возрасте от 16 до 18 лет не обладает полной дееспособностью, налоговые штрафы взыскиваются с его законных представителей (родителей, опекунов). Приобретение полной дееспособности через эмансипацию или вступление в брак переводит обязанность по уплате штрафов непосредственно на самого несовершеннолетнего.

Ключевая проблема — «расщепление» деликтоспособности: подросток может самостоятельно приобретать доход (ст. 26–27 ГК РФ) [2], но не может самостоятельно нести за него полную налоговую ответственность. Как отмечается в разъяснениях, даже если ребенку нет 18 лет, он официально считается налогоплательщиком, если владеет недвижимостью или получает доход. Однако механизм привлечения к ответственности за налоговые на-

рушения в сфере цифровых доходов остается неопределенным.

Традиционные составы налоговых правонарушений несовершеннолетних были связаны в основном с неуплатой имущественных налогов (на недвижимость или землю, перешедшую по наследству).

Дроппер — это человек, который обналичивает деньги, украденные мошенниками с банковских счетов третьих лиц. Дропперами становятся лица, нуждающиеся в деньгах, желающие быстрого и «легкого» заработка — прежде всего дети и подростки.

Злоумышленники используют психологические приемы, вовлекая несовершеннолетних в дропперство через обещания легкого заработка в социальных сетях и мессенджерах. При этом дроппер часто действует без прямой налоговой цели, нарушая скорее банковское, чем налоговое законодательство. Однако сама по себе передача карты или счета третьим лицам уже создает предпосылки для уклонения от уплаты налогов и легализации преступных доходов.

Переход от пассивного соучастия («дропперство» за небольшую плату) к активному поиску дохода (P2P-арбитраж, майнинг, трейдинг). Организаторы преступных схем предлагают подросткам в возрасте от 14 до 17 лет за вознаграждение не только открыть банковский счет и оформить карту, но и открыть криптокошелек.

Проблемы идентификации дохода в этой сфере: получение вознаграждения в цифровой валюте и отсутствие кассовых чеков; сложность оценки рыночной стоимости криптовалюты на момент получения дохода; отсутствие у несовершеннолетних легальной возможности зарегистрироваться в качестве самозанятого или ИП (до 16 лет — только с разрешения опекунов и решения суда о дееспособности).

Как отмечается в правовых консультациях, лица младше 18 лет не имеют права самостоятельно заключать налоговые договоры, в том числе подключать приложение «Мой налог». Единственная особенность — до совершеннолетия все документы по исчислению, уплате и декларированию налогов должен подавать родитель (законный представитель).

Несовершеннолетние как пользователи цифровых платформ (бирж, обменников) сталкиваются с рядом рисков. Первый из них: ответственность за ошибки алгоритмов платформ. Вторым же является: манипуляции со статусом (например, попытки регистрации как самозанятого для снижения ставки налога, хотя деятельность подпадает под иной режим).

Ключевая проблема — доказывание умысла. Подросток может искренне полагать, что доход в Telegram и подобных социальных сетях или на криптобирже является «виртуальным» и не облагается налогом. Это правовой нигилизм, усиленный иллюзией анонимности из-за видео. Банк России фиксирует случаи, когда несовершеннолетних клиентов банков (от 14 до 18 лет) втягивают в операции по отмыванию доходов, незаконное предпринимательство и дропперство.

С 1 августа 2025 года вступили в силу изменения в Гражданский кодекс, запрещающие банкам открывать счета несовершеннолетним без согласия законных представителей. С 5 июля 2025 года в ст. 187 УК РФ [7] внесены изменения для регулирования дропперов, передающих свои банковские карты третьим лицам.

Однако остаются нерешенными вопросы. Обязан ли родитель отвечать по налоговым обязательствам ребенка, возникшим от крипто-трейдинга, если ребенок эмансипирован или имеет самостоятельный доход? Как взыскивать недоимку, если у подростка нет имущества и дохода в рублях, а только криптовалюта?

Административная и гражданская ответственность родителей (ст. 5.35 КоАП РФ, ст. 1102 ГК РФ) [6, 3] за ущерб, нанесенный действиями ребенка-дроппера, уже применяется на практике, но механизм ее распространения на налоговые правонарушения в цифровой сфере остается неопределенным.

Предлагается. Во-первых, дополнить НК РФ специальными нормами, устанавливающими особенности налоговой деликтоспособности для владельцев цифровых активов. Во-вторых, законодательно закрепить порядок взаимодействия законных представителей и налоговых органов при появлении у несовершеннолетних цифровых доходов. В-третьих, уточнить критерии, позволяющие разграничить пассивное участие в дропперстве и активное крипто-предпринимательство.

Для этого необходимо: использовать инструменты ФНС для мониторинга счетов и активности несовершеннолетних; создать «детский» профиль в системе ФНС с расширенными функциями родительского контроля; внедрить образовательные модули в школах о налоговых последствиях деятельности в интернете. Как показывает практика Министерства образования Пермского края, профилактические мероприятия, уроки кибербезопасности и разъяснительная работа с родителями дают положительный эффект.

Также предлагается дополнить ст. 111 НК РФ [1] (обстоятельства, исключающие вину) с учетом «цифрового заблуждения»: если несовершеннолетний может доказать, что он добросовестно заблуждался относительно налогового характера полученного дохода, это должно смягчать ответственность или исключать ее.

Констатируется трансформация налоговой деликтоспособности: от пассивной («налоговый иждивенец») к активной, но юридически необеспеченной модели («цифровой предприниматель»). Правовой статус несовершеннолетнего налогоплательщика в цифровой экономике парадоксален: он дееспособен зарабатывать криптовалюту, но неделиктоспособен отвечать за налоговые нарушения по итогам этой деятельности.

Масштабы явления впечатляют: по данным на 2025 год, в Прикамье ущерб от кибермошенничества составил почти 2,9 млрд рублей, а число преступлений, связанных с дропперством, выросло с 89 до 275 за год. Около 20 % дропперов в России — несовершеннолетние. Эти цифры требуют безотлагательного правового реагирования.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824. — URL: <https://base.garant.ru/10900200/> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
4. Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2025. — 24 июня. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240003> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
5. Федеральный закон от 24.06.2025 № 178-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2025. — 24 июня. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240005> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1. — URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
8. Письмо Министерства финансов РФ от 20.11.2020 № 03-05-06-01/101468 «Об уплате налогов несовершеннолетними» // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/74815653/> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
9. Обзор судебной практики по делам о взыскании НДС с законных представителей несовершеннолетних (анализ решений судов общей юрисдикции) // Бухонлайн. — 2025. — URL: <https://www.buhonline.ru> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
10. Управление Федеральной налоговой службы по Приморскому краю — информационное сообщение от 13.11.2025 о росте вовлечения несовершеннолетних в дропперство // ЦентрМСБ. — 2025. — URL: <https://www.centermsb.ru> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
11. Заседание Экспертной группы по противодействию незаконным финансовым операциям в Приволжском федеральном округе (протокол от 25.06.2025) // Кильмезская администрация. — URL: <https://kilmezadm.ru> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
12. Росфинмониторинг — данные о росте числа несовершеннолетних, вовлечённых в подозрительные финансовые операции в Пермском крае (2025 г.) // Аспашкола. — URL: <https://www.fedsfm.ru/mediaaboutus/9580> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
13. Информация Банка России о доле несовершеннолетних среди дропперов (2025 г.) // Босфера. — URL: <https://bosfera.ru> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
14. ФНС России — рекомендации «Как не стать дроппером» // Клерк.ру. — 2025. — URL: <https://www.klerk.ru> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
15. Прокуратура Воронежской области — разъяснение Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ (27.06.2025): [сайт] / Прокуратура Воронежской области. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_36/activity/legal-education/explain/e5874307/ (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
16. Прокуратура Ханты-Мансийского автономного округа — официальный сайт. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_86 (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
17. Дёмин А. В. Налоговое право России: учеб. пособие / А. В. Дёмин. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2006. — 280 с.
18. Дёмин А. В. Общая теория налогово-правовых норм: монография / А. В. Дёмин. — М.: Инфра-М, 2012. — 320 с.
19. Винницкий Д. В. Субъекты налогового права / Д. В. Винницкий. — М.: Норма, 2000. — 192 с.
20. Винницкий Д. В. Налоговое право: учебник / Д. В. Винницкий. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2019. — 360 с.

Компенсация за задержку выплаты заработной платы: проблемы правового регулирования

Яковенко София Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются проблемы правового регулирования компенсации за задержку выплаты заработной платы, предусмотренной статьёй 236 Трудового кодекса Российской Федерации. Рассматриваются вопросы правовой природы компенсации, анализируются проблемы правоприменения и современная судебная практика. Особое внимание уделено пробелам действующего законодательства, влияющим на эффективность защиты трудовых прав работников. По результатам исследования сформулированы предложения, направленные на совершенствование правового регулирования института материальной ответственности работодателя за нарушение сроков выплаты заработной платы.

Ключевые слова: заработная плата, задержка выплаты заработной платы, компенсация за задержку выплаты заработной платы, материальная ответственность работодателя, трудовые права работника, статья 236 ТК РФ, судебная практика, трудовое законодательство.

Введение

Своевременная и полная выплата заработной платы относится к числу основных государственных гарантий в сфере труда и выступает необходимым условием реализации конституционного права граждан на вознаграждение за труд [2]. Нарушение работодателем установленных сроков выплаты заработной платы затрагивает не только имущественные интересы работника, но и снижает эффективность предусмотренных трудовым законодательством гарантий защиты его прав.

Одним из механизмов восстановления нарушенного имущественного положения работника является выплата денежной компенсации, предусмотренной статьёй 236 Трудового кодекса Российской Федерации [7]. Особенность данной нормы заключается в возложении на работодателя обязанности выплатить компенсацию независимо от наличия его вины, что придаёт рассматриваемому институту самостоятельное значение в системе материальной ответственности работодателя. Вместе с тем практика применения статьи 236 ТК РФ свидетельствует о сохранении ряда вопросов, не получивших однозначного законодательного разрешения. Наиболее дискуссионными остаются правовая природа указанной компенсации, порядок определения периода просрочки и базы для её расчёта, особенности начисления компенсации в отношении отдельных видов выплат, а также достаточность установленного законом минимального размера компенсации для эффективной защиты трудовых прав работников.

Научный интерес к рассматриваемой проблематике обусловлен развитием судебной практики применения статьи 236 ТК РФ, что определяет необходимость совершенствования действующего правового регулирования.

Цель исследования заключается в анализе проблем правового регулирования компенсации за задержку выплаты заработной платы и формулировании предложений по совершенствованию статьи 236 ТК РФ.

1. Компенсация за задержку выплаты заработной платы как способ защиты трудовых прав работника

Правовой механизм, закреплённый в статье 236 ТК РФ, занимает особое место среди средств защиты трудовых прав работника. Его специфика обусловлена тем, что денежная компенсация подлежит выплате при самом факте нарушения работодателем установленного срока выплаты причитающихся работнику денежных сумм и не зависит от возникновения у работника реальных убытков либо иных неблагоприятных имущественных последствий. Тем самым законодатель сформировал специальный способ имущественной защиты работника.

Несмотря на длительный период существования статьи 236 ТК РФ, в юридической науке отсутствует единый подход к определению правовой природы предусмотренной ею компенсации. Одни исследователи рассматривают её как самостоятельную меру материальной ответственности работодателя [1, с. 152], другие рассматривают её как специальную гарантию реализации права работника на своевременное получение заработной платы [1, с. 150–151].

Указанные подходы не являются взаимоисключающими. Компенсация, предусмотренная статьёй 236 ТК РФ, обладает двойственной правовой природой. С одной стороны, её выплата является неблагоприятным имущественным последствием для работодателя, нарушившего требования трудового законодательства, что позволяет рассматривать её в качестве меры материальной ответственности. С другой стороны, основной целью её установления выступает обеспечение повышенной защиты работника как более слабой стороны трудового правоотношения посредством частичной компенсации негативных последствий несвоевременной выплаты денежных средств [1, с. 156].

2. Проблемы правоприменения статьи 236 ТК РФ

Наиболее значимой проблемой длительное время оставался вопрос о возможности взыскания компенсации

в случаях, когда работодатель не только не выплатил работнику причитающиеся денежные суммы, но и своевременно их не начислил. До недавнего времени суды нередко исходили из буквального толкования статьи 236 ТК РФ, полагая, что обязанность по выплате компенсации возникает исключительно в отношении начисленных, но не выплаченных сумм. Подобный подход ставил объём гарантий работника в зависимость от действий работодателя и фактически исключал применение статьи 236 ТК РФ.

Правовая неопределённость была устранена Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2023 г. № 16-П [4], которым соответствующее положение статьи 236 ТК РФ было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно не обеспечивало начисление компенсации на выплаты, не начисленные работодателем своевременно, но впоследствии признанные подлежащими выплате вступившим в законную силу судебным решением. Во исполнение данной правовой позиции в 2024 году в статью 236 ТК РФ [7] были внесены соответствующие изменения.

Вместе с тем совершенствование законодательства не устранило всех проблем правоприменения. Одной из них остаётся определение круга выплат, подпадающих под действие статьи 236 ТК РФ. Несмотря на использование законодателем категории «другие выплаты, причитающиеся работнику», на практике продолжают возникать споры относительно возможности начисления компенсации на отдельные стимулирующие выплаты, компенсации, а также денежные суммы, взысканные в судебном порядке. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют о последовательном расширении гарантий работника. Так, в 2024 году Суд признал допустимым начисление компенсации на суммы среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда, взысканные в связи с незаконным увольнением [5], а в 2025 году распространил аналогичный подход и на случаи задержки исполнения судебного решения о выплате компенсации морального вреда, причинённого несчастным случаем на производстве [6]. Тем самым была подтверждена тенденция к расширительному толкованию статьи 236 ТК РФ в целях обеспечения эффективной защиты трудовых прав.

Дискуссионным остаётся и вопрос достаточности минимального размера компенсации. В настоящее время её размер определяется исходя из одной сто пятидесятой действующей ключевой ставки Банка России за каждый день просрочки, однако на практике такая компенсация далеко не всегда соразмерна фактическим имущественным потерям работника. При длительной задержке выплаты заработной платы работник лишается возможности своевременно исполнять собственные финансовые обязательства, тогда как размер законной компенсации зачастую не отражает реальных последствий нарушения его прав. Возможность установления повышенного размера

компенсации коллективным договором, соглашением или трудовым договором не получила широкого распространения, вследствие чего в большинстве случаев применяется минимальная законодательная гарантия [3, с. 38–39].

Сохраняющиеся проблемы определения круга выплат, на которые распространяется действие статьи 236 ТК РФ, а также достаточности установленного законом минимального размера компенсации свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования её законодательной конструкции.

3. Совершенствование правового регулирования компенсации за задержку выплаты заработной платы

Целесообразно законодательно конкретизировать круг выплат, на которые распространяется обязанность работодателя по выплате компенсации. Используемая в статье 236 ТК РФ формулировка «другие выплаты, причитающиеся работнику» позволяет учитывать многообразие трудовых правоотношений, однако одновременно создаёт предпосылки для различного толкования её содержания. Представляется обоснованным дополнить статью 236 ТК РФ положением, предусматривающим, что компенсация начисляется на все денежные выплаты, возникающие из трудовых отношений, право на получение которых предусмотрено законодательством, трудовым договором, коллективным договором, соглашением либо подтверждено вступившим в законную силу судебным актом. Такое уточнение позволит сократить количество судебных споров и обеспечит единообразное применение рассматриваемой нормы.

Ещё одним направлением совершенствования законодательства является пересмотр подхода к определению минимального размера компенсации. Действующая редакция статьи 236 ТК РФ гарантирует работнику получение компенсации за каждый день просрочки, однако её минимальный размер не всегда соответствует последствиям длительной задержки выплаты заработной платы. Заслуживает обсуждения законодательное закрепление дифференцированного размера компенсации в зависимости от продолжительности нарушения работодателем установленного срока выплаты денежных средств. Такой механизм усилил бы превентивную функцию статьи 236 ТК РФ.

Кроме того, представляется необходимым нормативно определить единые правила исчисления периода просрочки и порядка расчёта компенсации применительно к отдельным видам выплат. Несмотря на то что по ряду вопросов соответствующие правовые позиции уже сформулированы Конституционным Судом Российской Федерации, сохранение их преимущественно на уровне судебного толкования не обеспечивает необходимой стабильности правового регулирования. Закрепление указанных положений непосредственно в статье 236 ТК РФ позволит снизить зависимость правоприменения от су-

дебной практики и повысит уровень правовой определённости.

Предлагаемые направления совершенствования согласуются и с зарубежными подходами к регулированию ответственности работодателя за нарушение сроков выплаты заработной платы. В законодательстве ряда европейских государств основной акцент сделан не только на компенсации последствий нарушения, но и на создании экономически ощутимых стимулов для добросовестного исполнения работодателем своих обязанностей. Аналогичные механизмы используются, в частности, в праве Германии и Республики Беларусь, где имущественная ответственность работодателя ориентирована не только на компенсацию последствий нарушения, но и на стимулирование своевременной выплаты заработной платы [1, с. 192–195]. Использование данного подхода при дальнейшем развитии российского законодательства представляется оправданным.

Таким образом, дальнейшее развитие института компенсации за задержку выплаты заработной платы должно быть направлено на повышение правовой определённости статьи 236 ТК РФ, устранение сохраняющихся пробелов её законодательной конструкции и усиление гарантий защиты работников. Реализация указанных предложений позволит сократить количество споров, связанных с применением рассматриваемой нормы, а также повысить эф-

фективность механизма материальной ответственности работодателя.

Заключение

Компенсация за задержку выплаты заработной платы представляет собой самостоятельный механизм защиты трудовых прав работника, сочетающий признаки материальной ответственности работодателя и правовой гарантии своевременного получения работником причитающихся ему денежных выплат. Несмотря на последовательное развитие законодательства и формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, отдельные вопросы применения статьи 236 ТК РФ сохраняют дискуссионный характер и продолжают разрешаться преимущественно в судебной практике.

К числу основных проблем относятся определение круга выплат, достаточность минимального размера компенсации и отсутствие единообразного подхода к её исчислению [3, с. 40].

Совершенствование статьи 236 ТК РФ должно быть направлено на конкретизацию её отдельных положений и устранение сохраняющихся пробелов правового регулирования, что позволит повысить эффективность защиты трудовых прав работников.

Литература:

1. Гусов К. Н., Полетаев Ю. Н. Материальная ответственность сторон трудового договора: науч.-практ. пособие. — Москва: Проспект, 2021. — 224 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря; Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
3. Петров А. Я. Материальная ответственность работодателя за задержку заработной платы: проблемы правоприменения // Законодательство и экономика. — 2023. — № 8. — С. 33–40.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2023 № 16-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Иванова» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 16. — Ст. 3010.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2024 № 36-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Л. Бартенева, И. А. Веретенникова и других» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 30. — Ст. 4822.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2025 № 7-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. П. Ковальчука» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 12. — Ст. 1987.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.

ИСТОРИЯ

Влияние К. П. Победоносцева на формирование внутриполитического курса Александра III посредством личной переписки с императором

Фомичёв Дмитрий Александрович, учитель

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 40» г. Белгорода имени Героя Советского Союза Вальдемара Сергеевича Шаландина

Константин Петрович Победоносцев является одной из самых обсуждаемых фигур первых лет правления Александра III. Его личность часто подвергается критике, особенно со стороны либерального лагеря российской политической системы, за установление консервативного характера реформ после 1881 года. Но какую роль он сыграл в формировании эпохи «контрреформации»?

Для определения степени влияния Победоносцева на внутриполитический курс императора Александра III необходимо очертить ряд идеи, которые стали для Константина Петровича логически закономерными. Кратко их возможно изложить в простой формуле «православие, самодержавие, народность», сформулированная Сергеем Семеновичем Уваровым в первой половине XIX века. Однако, стоит отметить, что он понимает подобную формулу шире, чем С. С. Уварова. Для него это «крепкая связь любви и веры, соединяющей всю Россию и весь добрый народ русский с Государем и с Царским Домом» [1, с. 14].

В «теории официальной народности» он видел мощное оружие борьбы против демократии как «одного из самых живых политических начал... построенного на ложном представлении о совершенстве человеческой природы... способности всех и каждого уразуметь и осуществить» [2, с. 132] подлинное народовластие, при котором всем будет хорошо. Победоносцев представлял эту формулу как основу реальной государственной политики. Его мысли, вошедшие в политическое мировоззрение императоров Александра III и Николая II, составили основу нового варианта государственной идеологии России.

Идеи о сильной связи власти и народа, скрепленная единой верой впервые появляются после ряда разочарований, вызванных последствиями резких преобразований российского общества, в 1870-е годы. Эффективности правительственной политики была крайне низкой, в народе возникают сомнения в способности властей решить стоящие перед страной проблемы не только внутренние, но и внешние, что, может, привести к революционным выступлениям: «Повсюду в народе зреет такая

мысль: лучшие уже революция русская и безобразная смута, нежели конституция» [3, с. 54].

Это опасение о единственном верном пути для России будущий обер-прокурор представляет в письмах Александру Александровичу: «Вам известно, в каком возбуждении находится в эту минуту русское общество, особливо в Москве, по поводу политических событий. Возбуждение это не только не уменьшается, но с каждым днем растет. Оно усиливается тем более, что в правительстве не заметно движения. Многим уже представляется, что правительство погрузилось в какую-то апатию, в сознание внешней и внутренней своей слабости» [3, с. 74]. В письме, написанном императору в 1876 году, ясно прослеживается идеи Победоносцева о сильной власти, которая должна быть уверена в своих действиях и быть чуткой по отношению к желаниям народа, ведь именно народ есть единственная опора власти: «У нас, в России, нет другой движущей силы, кроме единства народа с правительством в нравственном сознании» [4, с. 66].

Между тем Победоносцев усматривал в государстве не только политическое, но и духовное образование. Причем именно духовное содержание он считал определяющим сущность государства. К такой мысли его приводило наблюдение за тем, как функционируют государственные органы в современной для него России, как проходит подготовка и реализация государственных реформ. Он видел, что плодотворный результат из всех этих движений получался лишь тогда, когда они направлялись умными и энергичными людьми.

Эту закономерность Победоносцев старался раскрыть своему венценосному ученику. В письме к цесаревичу Александру Александровичу от 12 октября 1876 года он писал о реформах Александра II: «Все уверяли друг друга и старались уверить высшую власть, что все пойдет отлично, лишь бы принято было такое-то правило, издано такое-то положение, — и все под этим предлогом избавляли себя от заботы смотреть, надзирать и править. Так, мало-по-малу, разучались ставить и выбирать людей для дела, и дело попало всюду в руки людей ленивых, неспо-

собных: лишь бы они казались настроенными в духе тех или других любимых начал, уставов и положений. Из всего этого вышло множество пустых слов и рассуждений, но очень мало толку» [5, Т. 1. — с. 229–231]. Критикуя правительство, Победоносцев указывал, что главный его недостаток коренится не в плохом устройстве государственных учреждений, но в отсутствии в правительстве духа, способного придать его деятельности осмысленность и последовательность. Внушая эту истину цесаревичу, он писал ему 8 апреля 1878 года: *«Правительства нет, как оно должно быть, с твердой волей, с явным понятием о том, чего оно хочет, с решимостью защищать основные начала управления, с готовностью действовать всюду, где нужно. Люди дряблые, с расколотой надвое мыслью, с раздвоенной волей, с жалким представлением о том, что все идет само собой, ленивые, равнодушные ко всему, кроме своего спокойствия и интереса. Средин нет. Или такое правительство должно проснуться и встать, или оно погибнет. А что погибнет вместе с ним, о том и подумайте страшно»* [6, с. 133]

Главную свою надежду в улучшении жизни в России Константин Петрович возлагал не на систему государственных институтов и органов, а на людей, их наполняющих. И первым из таких людей, способных возвысить Россию, поставить ее уровень самых развитых в экономическом и культурном отношении государств, он считал своего ученика — императора Александра III [7, с. 127]. Отстаивая самым решительным образом неограниченность его верховной власти представительными государственными учреждениями, Победоносцев заботился о том, чтобы сохранить ему всю полноту власти и соответственно максимальную степень воздействия на ход государственных дел. Он старался исключить любую возможность ограничения свободы государственной деятельности российского императора на благо русского народа [8, с. 133–134]

Особо остро полемика о будущем самодержавия, его свободе и устройстве государства разразилась после событий 1 марта 1881 года. 8 марта в Зимнем дворце К. П. Победоносцев в своем монологе осудил все преобразования 60-х годов, доказывая, что они поставили страну на край гибели [9, с. 457]. Константин Петрович регулярно говорил императору в личной переписке: *«Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, — о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня, как день»* [5, с. 59–60].

Во время сложного для императора этапа Победоносцев в письме к царю от 23 апреля К. П. настаивает на том, что «для успокоения умов» необходимо «обратиться к народу с заявлением твердым и не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей» [6, с. 67], тем самым окончательно утверждает мысль о сильной центральной власти для России.

29 апреля манифест был опубликован. Царь провозглашает, что встает на дело правления *«с верой в силу и истину самодержавной власти»*, которую будет *«утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поплзновений»* [14, с. 223].

Манифест, возвестивший незыблемость самодержавия, послужил сигналом к смене правительства и перегруппировке сил в «верхах». Константин Петрович в письме к императору от 4 мая ясно диктовал мысль о том, что необходима условная «чистка» в аппарате управления и назначения тех людей, которые соответствуют образу истинному государственному деятелю: *«Время тяжкое. Я не успокоюсь, пока здесь еще остаются и граф Лорис-Меликов, и Абаза, и великий князь Константин Николаевич. Дай бог, чтобы все они ушли и разъехались как можно скорее. Толки в обществе улягутся, как скоро сделано. будет решительное действие, не допускающее возврата. Но сегодня уже распространился слух в городе, что все вновь переделалось, что Л.-Меликов и Абаза остаются на своих местах. Надобно спешить, чтобы положить конец этой смуте»* [14, с. 561]. Этим же днем М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, А. А. Абаза подали прошение об отставке. Несколько ранее был смещен с должности министра просвещения А. А. Сабуров. Великий князь Константин Николаевич, считавшийся главой либеральной оппозиции в высших сферах, был удален с поста главы Морского ведомства [13, с. 17].

Именно он содействовал назначению, а затем и скорой отставке министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, решившегося в противовес взглядам Победоносцева отстаивать славянофильскую идею созыва Земского собора. В письме к императору Константин Петрович высказывает озабоченность о возможной попытке вновь возродить либеральный проект: *«Позволю себе выразить пред вашим императорским величеством еще некоторые мысли по известному проекту гр. Игнатьева. ... После этого ни один серьезный человек в составе министерства не решился бы остаться и продолжать свою деятельность, ибо всякая разумная деятельность оказалось бы при этом невозможною»* [5, с. 75].

Он же добился согласия императора на назначение в 1882 г. министром внутренних дел бывшего обер-прокурора Синода графа Д. А. Толстого, которого считал своим политическим единомышленником, умевшим противостоять любым «либеральным поплзновениям». В письме от 28 мая указанного ранее года Победоносцев, не жалея эпитетов, рекомендует графа Д. А. Толстого на пост министра: *«Граф Толстой — человек с основательным образованием и знаком близко с многими капитальными вопросами, о коих оба прежние графа имели лишь легкое понятие. Это дает надежду, чего по существенным предметам он станет твердо»* [5, с. 133].

Не без поддержки обер-прокурора в марте 1882 г. был назначен министром народного просвещения И. Д. Делянов. И вновь в письме к императору от 28 января 1882 года Победоносцев в рекомендательной манере предлага-

гает назначить нового министра: *«Во всем этом имею в виду главным образом – оберегать ваше величество от всяческих толков и перетолкований воли вашей, коих и без того много. Смею думать, что в настоящем положении дела нет основательной причины, которая для всех была бы очевидна, к увольнению бар. Николаи. ... Кроме Делянова, назвать некого, и вы изволите припомнить, что еще прошлую весною я называл прежде всех других имя Делянова»* [5, с. 143].

Участвуя в «чистке» административного аппарата, Победоносцев настаивал на сохранении классических принципов религии и церковной структуры. Основу духовного единства народа и сохранения обычаев Победоносцев видел в распространении православной веры и усилении роли церкви в жизни народа. Победоносцев отмечал, что в деле укрепления самодержавия церковь призвана сыграть огромную, если не решающую роль. В православии, указывал он *«корень всей жизни народа, главные ключи всякого добра и правды на земле»* [14, с. 202].

Главную задачу государственной власти Победоносцев видел в проведении в жизнь и поддержании религиозного принципа, суть которого заключается в организации деятельности государственной власти на основании десяти заповедей и тех законов, что возникают на основании этих фундаментальных правил. Государство должно существует для реализации этого принципа. Оно держит определенную планку нравов, заданную изначально народным духом, следит за равномерным распределением благ и поступательно ведет народ к упорядоченному состоянию жизни путем законодательства, просвещения (прежде всего религиозного). В одном из писем Александру III Победоносцев говорил: *«Душа нашего народа — великое сокровище и великая сила», в то же время «быт народа ужасен, темен и в нем господствуют одни материальные интересы и кабак»* [9, с. 518]. Спасение народа он видел в просвещении, которое, впрочем, должно быть правильным, чтобы не возмущать и не повреждать народный дух. Участие государства в религиозных делах неизбежно.

Согласно данной идеи, прогрессивную концепцию секулярного государства, выдвинутую идеологами либерального крыла, Победоносцев считал вымыслом и утопией, так как безверие есть прямое отрицание государства. В то же время он признает, что есть области, недоступные государству, это вопросы бытия и веры.

Будучи обер-прокурором Синода, К. П. Победоносцев начинает систематически выступать в печати по вопросам образования, которое переживало глубокий духовный кризис. В начальной школе Победоносцев видел, прежде всего, хранилище российских традиций, религиозных устоев, нравственных норм и только потом — собственно место обучения. Идеалом народной школы для него была такая, где учащиеся приобретали минимум элементарных знаний, но зато глубоко впитывали уважение к Богу, любовь к Отечеству и почитание своих родителей. В церковно-приходских школах образование строилось именно по

такой схеме [13, с. 20]. В своем письме к императору от 28 марта 1883 года Константин Петрович с великой надеждой внушает императору идею о создании системы школ, способных укрепить не только сословную структуру, но и верю в царя-батюшку: *«В настоящую минуту при св. синоде разрабатывается вопрос об устройстве церковно-приходских школ, — вопрос первостепенной важности для государства. Народ у нас пропадает, раскол и секты держатся от невежества: люди вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о боге, о церкви, о заповедях. Этому невежеству не поможет ученье, криво устроенное, не приспособленное к жизни, — оно может еще более развратить простого человека, отрывая его от жизни и действительности»* [14, с. 233].

Победоносцев предполагал создание при храмах широкой сети начальных училищ, подчиненных духовному ведомству и руководимых священниками. Главное внимание в таких школах должно было уделяться изучению Закона Божия, церковно-славянского языка, церковного пения. В отличие от школ светских, стремящихся дать воспитанникам, прежде всего определенный объем знаний, церковные школы должны были обращать внимание не столько на образование, сколько на воспитание. В своих письмах Александру III Победоносцев писал следующее: *«Для блага народного необходимо, чтобы повсюду около приходской церкви была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своею и заботиться о ней посредством приходского попечительства»* [5, с. 256].

Особенно в поддержании духовной стабильности общества Победоносцев видел в борьбе государства против различных сект, объясняя их природу их появления и опасность в письме к императору от 12 декабря 1889 года: *«Народ шевелится всюду и всюду ищет инстинктивно выхода из своей темноты и из бед своих. Россия велика и обширна; далеко не везде; есть законные пастыри, которые могли бы и умели бы овладеть этим движением, руководить его, научить и просветить. Тут являются сектанты — деятели опасные. Они привлекают народ, между прочим, во имя трезвости, но в то же время отводят его от церкви и вместе с тем от национальности и, составляя секту, развивают в ней дух гордости, но настоящего просвещения не дают народу»* [5, с. 260].

Методы борьбы с иновением были отнюдь не щадящие, как и полагается сильной центральной власти. Начиная от простой пропаганды правильной веры, было выпущено значительное количество «антираскольничьих» и «антисектантских» книг и брошюр различной степени серьезности: начиная от популярных брошюр с беседами, обличениями и увещаниями и заканчивая солидными богословскими исследованиями, заканчивая изгнанием, выселением сектантов за пределы Российской империи

главных идеологов сектантской мысли, как, например, В. А. Пашкова, о чем и писал обер-прокурор императору: *«Вашему величеству известно, что по обсуждению дела в особом совещании, несколько лет тому назад, состоялось высочайшее повеление – выслать Пашкова и бар. Корфа из России, объявив им, что в случае самовольного их возвращения или продолжения пропаганды имения их будут взяты в опеку»* [5, с. 274].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что роль К. П. Победоносцева в формировании внутривнутриполитического курса первых лет правления Александра III не сводится к функции рядового советника или исполнителя. Полученное им фундаментальное юридическое образование, рано сложившаяся репутация блестящего правоведа и глубоко верующего человека обеспечили ему уникальное положение духовного наставника и политического воспитателя будущего императора. Заложенное в детстве православное мирозерцание, осмысленное через призму уваровской формулы «православие, самодержавие, народность», превратилось в стройную консервативную доктрину, которую Победоносцев последовательно транслировал своему венценосному ученику в многолетней переписке. Именно эти письма стали главным каналом его влияния, в них он не просто крити-

ковал «расколотое» правительство и бюрократическую апатию, но формулировал практическую программу действий: отказ от любых представительных учреждений, утверждение незыблемости самодержавной власти как сакральной и нравственной силы, «чистка» либеральных кадров и воссоздание «правительства с твердой волей».

Решающее воздействие Победоносцева проявилось в ключевые моменты 1881 года: его аргументы на совещании 8 марта и составленный им Манифест 29 апреля похоронили конституционный проект Лорис-Меликова и провозгласили новый охранительный курс. Последовавшие кадровые перестановки (отставка либералов и возвышение графа Д. А. Толстого, И. Д. Делянова) осуществлялись при его прямом участии и рекомендательном давлении. Наконец, вторая, не менее важная сторона его деятельности — системное укрепление роли Православной Церкви как духовного стержня самодержавного государства — нашла выражение в создании широкой сети церковно-приходских школ и активизации миссионерской и просветительской работы духовенства. К. П. Победоносцев выступил одновременно идеологом, архитектором и кадровым диспетчером «контрреформации», претворив свои консервативные убеждения в политическую реальность целого царствования.

Литература:

1. Асонов, Н.В. «Теория официальной народности» в политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX века / Н. В. Асонов // Социально — гуманитарные знания. — 2011. — № 2. — С. 13–19.
2. Победоносцев, К. П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. — Москва: Развитие духовности, культуры и науки, 2004. — 765 с.
3. Тесля, А. А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К. П. Победоносцева 1870–1890-х годов / А. А. Тесля // Социологическое обозрение. — 2017. — № 6. — С. 151–172.
4. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / Отв. ред. Е. А. Суханов — Москва: Статут, 2002. — 800 с.
5. Победоносцев, К. П. Письма Победоносцева к Александру III / с предисловием М. Н. Покровского; Центр-архив. — Москва: Новая Москва, 1926. — Т. 1. — 1926. — 464 с.; Т. 2. — 1926. — 384 с.
6. Томсинов, В. А. Учение К. П. Победоносцева о самодержавии / В. А. Томсинов // Консервативная правовая мысль России. — 2012. — С.130–155.
7. Исхакова, Н. Е. Формирование мировоззренческих позиций К. П. Победоносцева: автореферат дис.... кандидата исторических наук / Наталия Евгеньевна Исхакова — Казань, 1999. — 221 с.
8. Гросул, В. Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул — Москва: Прогресс — Традиция, 2000. — 440 с.
9. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки / с предисл. М. Н. Покровского. — Петроград: Гос. изд-во, 1923. — Т.1, полутом 2. — С. 445–1147 с.
10. Толмачев, Е. П. Александр III и его время / Е. П. Толмачев — Москва: Терра — Книжный клуб, 2007. — 716 с.
11. Полунов, А. Ю. М. Н. Катков и К. П. Победоносцев: «друзья-враги» в окружении Александра III / А. Ю. Полунов // Русско — Византийский вестник. — 2019. — № 1(2). — С. 156–163.
12. Павлова, О. С. Константин Петрович Победоносцев о роли православия в жизни российского государства и общества / О. С. Павлова // Вестник Башкирского государственного университета. — 2021. — № 2. — С. 200–204.
13. Куратов, А. С. К. П. Победоносцев и его взгляды на взаимоотношения церкви, общества и государства / А. С. Куратов // Вестник Омского университета. — 2015. — № 3 (7). — С. 16– 23.
14. Победоносцев, К. П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. — Москва: Развитие духовности, культуры и науки, 2004. — 765 с.

Роль исторических знаний в формировании общественного сознания: анализ концепции наставнической функции истории

Читанава Аиа Сергеевна, учитель истории и обществознания
МОБУ СОШ № 28 г. Сочи (Краснодарский край)

В статье рассматривается фундаментальный тезис античной историографии *Historia est magistra vitae* («История — наставница жизни»). Прослеживается генезис данного концепта от трудов Фукидида до трактата Цицерона. Анализируется трансформация понимания того, чему именно учит история в различные эпохи: от поиска универсальных законов человеческой природы в Античности и Средневековье до критики самого принципа дидактичности в Новое время. Особое внимание уделяется специфике реализации этой функции в российской исторической традиции, а также современным вызовам, связанным с кризисом исторических нарративов.

1. Введение

Фраза *Historia est magistra vitae*, приписываемая Марку Туллию Цицерону в его сочинении «Об ораторе», является одной из наиболее устойчивых метафор европейской культуры. На протяжении тысячелетий она определяла не только цель написания исторических трудов, но и саму легитимацию истории как академической дисциплины. История рассматривалась не просто как хроника минувших дней, а как сокровищница прецедентов, моральных уроков и политических стратегий. Однако содержание этого «урока» кардинально менялось. Если для римлянина I века до н. э. история учила доблести (*virtus*) и искусству управления государством, то для просветителя XVIII века она стала каталогом человеческих заблуждений. Цель данной статьи — проанализировать философское и методологическое наполнение концепции истории-наставницы, выявить ее инвариантное ядро и определить ее актуальность в условиях современного информационного общества.

2. Генезис концепта: от прагматики к морали

Первым мыслителем, сформулировавшим практическую ценность прошлого, был Фукидид. Его «История Пелопоннесской войны» создавалась как *ὑπόμνημα* — пособие для будущего. Фукидид полагал, что человеческая природа неизменна, а потому события, вызванные определенными причинами (страх, интерес, честь), будут повторяться. Изучая ошибки афинской демократии при осаде Сиракуз или жестокость гражданских войн на Керкире, политик может предвидеть последствия собственных решений. Урок Фукидида суров и лишен морализаторства: это урок политического реализма.

Римская традиция во многом унаследовала этот подход, но наполнила его этическим содержанием. Для Тита Ливия история Рима была непрерывной чередой примеров (*exempla*) добродетели и порока. Жизнь Лукреции служила образцом чести, деяния Катона Старшего — воплощением республиканского стоицизма. Марк Туллий Цицерон систематизировал этот взгляд, прямо заявив, что знание истории освобождает человека от бре-

мени собственного опыта. Ему не нужно совершать преступление, чтобы понять его пагубность; достаточно прочитать о судьбе Луция Сергия Катилины.

В Средние века функция наставничества трансформировалась под влиянием христианской теологии. История перестала быть самоценным процессом и превратилась в Священную историю (*Heilsgeschichte*). Ее главным учителем стал Бог, а единственным достойным изучения сюжетом — движение человечества от грехопадения к Страшному суду. Светские примеры отошли на второй план перед библейскими притчами и житиями святых. Августин Блаженный в труде «О граде Божьем» заложил основу провиденциализма: исторические события имеют смысл лишь постольку, поскольку они служат божественному плану спасения.

3. Кризис дидактики в эпоху Модерна

Эпоха Возрождения вернула секулярный характер истории, возродив культ античных образцов. Никколо Макиавелли в своих «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» вновь сделал историю инструментом политической науки, однако лишил ее нравственного измерения. Уроки истории у Макиавелли аморальны: государь должен учиться жестокости у Агатокла Сиракузского и вероломству у Чезаре Борджиа ради удержания власти.

Настоящий удар по формуле *magistra vitae* нанесла эпоха Просвещения и последовавшая за ней научная революция XIX века. Философы-просветители (Вольтер, Гиббон) видели в истории доказательство прогресса разума. История должна была научить человечество освобождаться от суеверий. Однако уже Джамбаттиста Вико в «Новой науке» указал на циклическую природу обществ, поставив под сомнение возможность извлечения линейных уроков.

Кардинальный перелом произошел с утверждением позитивистской парадигмы Леопольда фон Ранке, требовавшего показывать, «как все было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*). Объективистская историография стремилась очистить прошлое от современных ей идеологических проекций. В рамках строгого историзма стало невозможно утверждать, что уроки Древнего Рима применимы

к индустриальному обществу XX века. Изменились экономические уклады, социальные структуры, технологии и психология масс. Экстраполяция прецедента начала восприниматься как грубая логическая ошибка. Освальд Шпенглер в «Закате Европы» довел эту мысль до абсолюта, провозгласив полную уникальность каждой цивилизации-феномена, замкнутой в себе и неспособной ничему научиться у другой.

4. Специфика отечественной традиции: история как государственная терапия

В России концепт «история — наставница жизни» приобрел особое звучание, тесно связанное с вопросами государственного строительства и национальной идентичности. Начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и «Повести временных лет», русская историософия носила ярко выраженный телеологический характер. История Руси понималась как реализация Божественного промысла, а ее изучение имело сугубо прикладную цель — укрепление православного царства.

Переломным моментом стали реформы Петра I. Сам император, создавая Кунсткамеру и предписывая собирать древние рукописи, видел в истории инструмент государственной инженерии. Знаменитый диалог Николая Карамзина с императором Александром I иллюстрирует суть русского понимания темы. Когда царь спросил, какую должность историк хотел бы занять, Карамзин ответил: «Государь, я писал бы историю». Для него написание «Истории государства Российского» было высшим гражданским служением. Урок русской истории заключался в демонстрации необходимости сильной самодержавной власти как единственного гаранта целостности страны в условиях геополитического давления.

Советский период предложил радикально новую версию дидактики. История преподавалась исключительно через призму марксистско-ленинского формационного подхода и классовой борьбы. Она должна была научить массы закономерностям смены общественно-экономических формаций и неизбежности победы коммунизма. Прошлое жестко детерминировало будущее, а роль учителя исполняла Коммунистическая партия, интерпретирующая эти законы.

Постсоветская Россия столкнулась с необходимостью пересмотра этих догм. Поиск новой формулы «истории-наставницы» привел к болезненным общественным дискуссиям вокруг единого учебника истории. Государство вновь выступило заказчиком исторического нарратива, целью которого стала консолидация нации на основе чувства гордости за прошлое и преодоления травм XX века. Здесь концепция *magistra vitae* проявилась в стремлении создать непротиворечивый пантеон героев и единую линию преемственности от Древней Руси до современной Российской Федерации.

5. Современное состояние: между памятью и критикой

В XXI веке формула Цицерона переживает ренессанс, но в искаженном виде. Глобализация и цифровизация привели к столкновению конкурирующих исторических памятей. В условиях так называемой «политики памяти» каждая сторона конфликта апеллирует к истории как к верховному судье и наставнику, доказывая свою правоту примерами многовековых обид. История перестает учить примирению и становится оружием информационной войны.

Кроме того, современная когнитивная наука ставит под сомнение саму способность человека извлекать правильные уроки из прошлого. Психологи Даниэль Канеман и Амос Тверски описали десятки когнитивных искажений. Главное из них в контексте нашей темы — *hindsight bias* (ошибка хайндсайта, или эффект «я так и знал»). Оглядываясь назад, мы склонны видеть прошлые события как логичные и предсказуемые, хотя в момент их совершения они таковыми не были. Мы ошибочно полагаем, что если Наполеон проиграл поход в Россию, то любой разумный полководец на его месте должен был предвидеть поражение. Это создает иллюзию компетентности и ведет к опасным ошибкам в настоящем.

Тем не менее, полностью отказаться от дидактической функции истории невозможно. Как утверждал британский философ Майкл Оукшот, без исторического сознания человек обречен жить в вечном настоящем, будучи игрушкой мимолетных страстей и манипуляций СМИ. История учит не конкретным рецептам успеха, а интеллектуальной скромности. Она показывает многообразие человеческих судеб, сложность причинно-следственных связей и трагическую необратимость многих выборов. Главный урок истории сегодня — это понимание границ собственной перспективы.

«История — наставница жизни» — гласит девиз людей, изучающих историю как науку. Не менее примечательно другое латинское изречение, автор которого Цицерон «История — учительница жизни. Потому что не знать того, что было до твоего рождения, означает навсегда оставаться ребенком». Эти высказывания означают, что история — это необыкновенная, всегда современная и «живая» наука. Человек, который изучает историю, развивает умение глобально мыслить. Знание истории весьма полезно людям, находящимся у власти, политикам. Из этого предмета можно извлечь неоспоримую пользу — опыт предыдущих поколений.

Главная цель изучения истории в современной школе — образование, развитие и воспитание личности школьника, способного к определению своих ценностных приоритетов на основе осмысления исторического опыта своей страны и человечества в целом, активно и творчески применяющего исторические знания в учебной и социальной деятельности. Знания, полученные на уроках истории, понадобятся и в повседневной жизни, например, поддер-

жать дискуссию, спор на политическую тему, на отдыхе за границей, где необходимо знать не только памятники истории, но и культуру, и традиции посещаемой страны.

История является основой многих профессий. Это такие специалисты как археологи, архивариусы, адвокаты, юристы, дипломаты, политтехнологи, экскурсоводы, краеведы, этнографы, преподаватели истории.

Профессии, которые связаны с историей, достаточно разнообразны.

Историк изучает прошлое человеческого общества на всех стадиях развития и с учетом его исторических проявлений. Опираясь историческими фактами, он воссоздает полную картину жизни различных государств и народов, их традиции и образ жизни. Историки выясняют причины развития общества от примитивного состояния до современного. Они ищут связь между событиями различных эпох.

Политолог занимается изучением политики на всех ее исторических этапах, а также политических отношений и роли власти в обществе. Он исследует политику и ее проявления в обществе на различных стадиях и временных фазах ее развития, прогнозирует будущее политических отношений, проводит анализ деятельности политических организаций.

Профессия искусствоведа тесно взаимодействует с историей. Кроме того, это очень древняя профессия с богатым прошлым. Искусствоведение включает в себя широкий спектр общественных наук, которые изучают проявление и историю искусства во всех его формах. Это культура общества в целом и отдельные виды искусства. Историк искусства изучает коллекции произведений, отвечает за их сохранность в музеях, проводит лекции и экскурсии. Он может установить стоимость, возраст и подлинность экспоната.

Основной работой **культуролога** является научное изучение истории возникновения, развития и формирования отдельных видов искусства и их особенностей. Кроме того, он исследует быт и традиции различных этнических групп. Культуролог занимается также экскурсионной деятельностью, пишет статьи и книги. Таких специалистов привлекают в качестве экспертов по вопросам культуры в различные учреждения, организации и телевидение.

Этнограф является специалистом в области изучения этнических групп народов, их традиций, обычаев, политических, экономических, культурных и религиозных норм и основ. Этнографы занимаются анализом исторических данных про отдельный этнос, совершают поездки по местам их жительства и общаются с местными жителями. Кроме этого, они пишут статьи и научно-исследовательскую литературу.

Архитектор проектирует здания и закладывает основные идеи и задумывает в соответствии требованиями заказчика. Специалист такого профиля знает историю развития архитектуры, стили и направления в строительстве, их особенности интерпретации в отделке наружной и внутренней части сооружения.

Профессия писателя, который специализируется на написании научной или художественной литературы исторической тематики, тесно связана с историей. Он хорошо владеет и оперирует историческими фактами становления и развития мира и общества в целом.

Археолог. Главная задача данной профессии — поиск артефактов, а затем изучение по ним быта и культуры древних людей. Археология — прикладная часть истории. Артефактами называют предметы, некогда созданные или обработанные людьми: украшения, домашняя утварь, орудия труда, постройки, оружие, угли древних кострищ и многое другое.

Архивариус. Такое название профессии в настоящее время вытеснено более современным словом — «архивист». Еще одно подходящее название — секретарь-регистратор. Основные задачи архивиста — сбор и сохранение документов. В зависимости от типа архива, сотрудники могут специализироваться на различных сферах исторических знаний: искусство, народное хозяйство, политика, военная история, литература и т. д.

Все материалы в архиве формируются в архивные дела, каждое из которых имеет свой уникальный заголовок. Состояние этих дел архивариус контролирует постоянно. Еще одна задача архивиста — облегчение в поиске материалов лицам и организациям, подающим запрос на их просмотр.

Философ. Дословно, с древнегреческого, название этой профессии переводится как «любовь к мудрости». В общих чертах, деятельность философа сводится к изучению всего сущего и поиску истины. Философ пытается найти оптимальные решения различных социальных проблем, изобрести идеальную систему построения общества. Без знания истории, не имея четких представлений о работах философов прошлого, не изучив, в доскональности, идеологические заблуждения и философские ошибки человечества, вряд ли такой специалист мог бы предложить действительно стоящие решения нынешних проблем. Другое удачное определение философа — «профессиональный мыслитель». Профессиональный философ это не просто болтун и доморощенный критик, а творец, создающий эффективные смысловые конструкции или художник, который в результате познания современных реалий мира, способен создать не только картину общества без нынешних недостатков, но и придумать способ для реализации своих замыслов, установить четкие пути устранения этих недостатков.

Кроме истории, философ должен досконально изучить метафизику, логику, этику, онтологию, эстетику и многие другие узкопрофильные дисциплины.

Музеолог. Специалист данного типа работает в культурно-просветительских, исследовательских учреждениях и организациях, деятельность которых направлена на сохранение, использование и изучение природного и культурного наследия. Система исторических, природных и культурных памятников регионального и общенационального значения — объекты деятельности музеологов.

6. Заключение

Афоризм *Historia est magistra vitae* прошел путь от безусловной аксиомы до объекта острой критики и обратно к статусу необходимого условия человеческого существования. Эволюция этого понятия демонстрирует смещение фокуса: от обучения частным политическим и военным навыкам (Античность) через моральное назидание (Средневековье, Ренессанс) к познанию глобальных законов развития (Модерн) и, наконец, к формированию критического мышления и культурной памяти (современность).

История остается наставницей, но педагогика изменилась. Она больше не диктует готовые ответы и не предлагает простых аналогий вроде параллелей современными

событиями, которые часто используются в публицистике. Ее главный урок заключается в том, чтобы показать современному человеку относительность его собственных ценностей, хрупкость социальных институтов и высокую цену коллективных заблуждений. В мире, стремящемся отменить прошлое ради сиюминутных идеологий, возвращение к серьезному, свободному от утилитаризма изучению истории становится единственным способом сохранить интеллектуальную трезвость и избежать повторения катастроф. Таким образом, история учит нас не тому, *что* думать о будущем, а тому, *как* думать о нем, опираясь на весь накопленный опыт человеческого рода, включая его величайшие триумфы и самые горькие трагедии.

Литература:

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М.: Наука, 1986.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М.: Наука, 1980.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2010.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. — СПб.: Издательство Европейского университета, 2008.
5. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991.
6. Carr E. H. What is History? — London: Penguin Books, 1990.
7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2011

ПОЛИТОЛОГИЯ

Проявление культурологических особенностей стран Азиатско-Тихоокеанского региона в дипломатии

Деркач Данил Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Котляр Надежда Васильевна, кандидат исторических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

В статье рассматривается эволюция дипломатической практики государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) сквозь призму культурных кодов и цивилизационных моделей. Автор анализируется феномен «дипломатии встречи», возникающий при взаимодействии вестфальской системы международных отношений и традиционных азиатских иерархических систем, восходящих к данническим отношениям и конфуцианским ценностям. Особое внимание уделяется трансформации дипломатической культуры в XVIII — XXI веках, этапу адаптации западных норм и формированию «пути АСЕАН» как альтернативной модели регионального взаимодействия. В работе обосновывается тезис о том, что современная дипломатия АТР представляет собой синтез формальных норм и глубинных культурных архетипов, где консенсус, неконфронтационность и «дипломатия процесса» являются фундаментальными ценностями. Понимание данной специфики рассматривается как стратегический ресурс для эффективного международного диалога.

Ключевые слова: дипломатия стран АТР, культурные коды, конфуцианские ценности, «путь АСЕАН», данническая система, дипломатия процесса, региональная безопасность, межкультурная коммуникация.

Manifestation of cultural characteristics of Asia-Pacific countries in diplomacy

The article examines the evolution of diplomatic practice of the Asia-Pacific region (APR) states through the lens of cultural codes and civilizational models. The author analyzes the phenomenon of «diplomacy of encounter» that arises in the interaction of the Westphalian system of international relations and traditional Asian hierarchical systems dating back to tributary relations and Confucian values. Special attention is paid to the transformation of diplomatic culture in the 18th — 21st centuries, the stage of adaptation of Western norms and the formation of the «ASEAN Way» as an alternative model of regional interaction. The paper substantiates the thesis that modern APR diplomacy represents a synthesis of formal norms and deep-seated cultural archetypes, where consensus, non-confrontation, and «process diplomacy» are fundamental values. Understanding this specificity is considered as a strategic resource for effective international dialogue.

Keywords: Asia-Pacific diplomacy, cultural codes, Confucian values, ASEAN Way, tributary system, process diplomacy, regional security, intercultural communication.

Дипломатическая практика государств Азиатско-Тихоокеанского региона на протяжении столетий демонстрирует устойчивое влияние культурных кодов и цивилизационных моделей, существенно отличающих её от западных образцов. Отношения между развивающейся и процветающей Азией и поддерживаемым Западом миропорядком представляют собой особую «дипломатию встречи» — явление, при котором стороны формально разделяют современные дипломатические нормы, однако на практике сталкиваются с диссонансом из-за исторически обусловленных интеллектуальных контекстов в понимании сути дипломатической практики [1]. Эволюция

этого феномена, восходящая к XVIII веку и прослеживаемая до наших дней, раскрывает глубинные механизмы влияния культурных особенностей на международные отношения в регионе.

Длительное время основой международного общения в Восточной Азии служила система даннических отношений, в рамках которой Китай занимал положение культурного и политического центра. Установленная в 1368 году и просуществовавшая до начала Опиумных войн в 1841 году, эта система представляла собой устойчивую иерархическую модель, где культурные достижения ценились не меньше, чем военная или экономическая мощь

[2]. Дипломатические отношения — это не просто формальная подчиненность, а сложный комплекс ритуалов и символических обменов, закрепляющих статус и диктующих правила взаимодействия.

В рамках данной системы складывалось особое понимание дипломатии, основанное на конфуцианских ценностях — уважении к иерархии, гармонии и следовании ритуалу. Как отмечают исследователи, благодаря единому конфуцианскому мировоззрению в Восточной Азии сформировалось международное общество, основанное не на балансе сил, а на общности культуры [3]. Это представление принципиально отличалось от европейской модели Вестфальского мира, базировавшейся на формальном равенстве суверенных государств. Примечательно, что в период с 1368 по 1841 год Китай участвовал лишь в двух масштабных конфликтах со своими основными соседями — Кореей, Вьетнамом и Японией, что свидетельствует об эффективности данной модели в поддержании стабильности.

XVIII — XIX века стали временем активного проникновения европейских держав в Азиатско-Тихоокеанский регион, что привело к столкновению двух принципиально различных дипломатических культур. Первые контакты португальских и испанских миссионеров с азиатскими государствами показали фундаментальные расхождения в понимании целей и средств дипломатии [4]. Для европейцев дипломатия — это инструмент достижения конкретных политических и экономических целей, четкое изложение позиций и следование формальным процедурам. Для азиатских государств дипломатическое общение оставалось продолжением системы ритуалов и символических жестов, где форма часто была неотделима от содержания.

Данный период можно охарактеризовать как фазу «догоняющей модернизации», когда азиатские элиты вынужденно адаптировали западные дипломатические практики, сохраняя при этом внутреннюю приверженность традиционным моделям мышления. Как отмечает исследователь А. Чонг, уже с конца XIX века в азиатских националистических трактатах прослеживается стремление совместить модернизацию государственных институтов с сохранением культурной идентичности, что порождало двойственность в дипломатическом поведении [5]. Азиатские государства, подобно западным, декларировали рациональный выбор на основе анализа издержек и консолидированных национальных интересов, однако на практике их дипломатия оставалась глубоко опосредованной культурными контекстами.

Во второй половине XX века формирование новых независимых государств в регионе сопровождалось дискуссией об «азиатских ценностях» как альтернативе западным моделям развития. Как отмечают участники круглого стола, посвященного этой проблематике, в странах АТР отмечается усиление роли и значимости традиций в современной внешней и внутренней политике [6]. Этот процесс не является простой архаизацией, а представляет собой сознательную актуализацию культурных архетипов в ответ на вызовы глобализации.

Наиболее ярким воплощением культурологической специфики в дипломатии АТР стал так называемый «путь АСЕАН» (ASEAN Way) — модель регионального взаимодействия, сложившаяся с момента основания Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в 1967 году. В отличие от европейского интеграционного проекта с его разветвленной правовой системой, «путь АСЕАН» строится на неформальных принципах консультаций (мусьяварах), консенсуса (муфакат), неконфронтационного диалога и строгого невмешательства во внутренние дела [7]. Данный подход, уходящий корнями в традиционные практики общинного принятия решений, превратился в базовый элемент всей архитектуры региональных отношений.

В конце XX — начале XXI века культурологические особенности дипломатии стран АТР получили институциональное оформление в системе многосторонних форумов. Создание в 1994 году Регионального форума АСЕАН (АРФ) стало первой попыткой выстроить диалог по вопросам безопасности с участием всех крупных держав, включая США, Россию, Китай и Японию [8]. Важно, что форум был организован именно по принципам «пути АСЕАН» — как площадка для укрепления доверия и выстраивания отношений, а не как жесткая военно-политическая структура.

Современная дипломатия АТР характеризуется многоуровневостью, в которой переплетаются формальные и неформальные механизмы. С одной стороны, существуют такие институты, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), основанное в 1989 году, и Восточноазиатские саммиты. С другой — активно развивается «трек-2» дипломатия — сетевые структуры с участием экспертов и представителей академических кругов, позволяющие обсуждать чувствительные вопросы без формальных обязательств [9]. Дипломатия Шангри-Ла диалога, проводимая с 2002 года в Сингапуре, представляет собой гибридный формат, где негосударственная платформа используется для контактов министров обороны и военных чиновников [10].

Эта гибкость отражает глубинный культурный принцип, который можно обозначить как «дипломатию процесса»: результат зачастую менее важен, чем сам процесс поддержания отношений и сохранения гармонии. Как отмечают исследователи, в многосторонних форумах АТР западные и азиатские государства внешне взаимодействуют на общей частоте, но реальное участие выявляет культурные различия, уходящие корнями в несколько столетий [1].

Заключение

Прослеживая эволюцию дипломатической культуры стран АТР с XVIII века до наших дней, можно наблюдать не столько деградацию или линейное развитие, сколько сложный процесс диалога и взаимной адаптации. Традиционная иерархическая модель сменилась многообра-

зием форм, в которых культурная специфика не исчезает, а трансформируется, находя новые выражения в институциональных практиках. Современная дипломатия АТР представляет собой синтез формально принятых вестфальских норм и глубоко укорененных культурных кодов, где консенсус, неконфронтационность и уважение к процессу остаются не просто тактическими приемами, а фундаментальными ценностями, определяющими поведение государств на международной арене.

Понимание этой специфики становится необходимым условием эффективного взаимодействия с регионом, где культурная компетентность оказывается столь же важной, как знание политической конъюнктуры или экономических показателей. В эпоху нарастающей геополитической конкуренции способность учитывать культурологические особенности дипломатии АТР превращается в стратегический ресурс, определяющий успех или неудачу международного диалога.

Литература:

1. Асмолов, К. В. Азиатские ценности как дорога к прогрессу // Россия в глобальной политике. — 2017. — Спецвыпуск. — С. 52–69. — В статье анализируется роль конфуцианского культурного кода в модернизационном рывке стран АТР и его влияние на политическую культуру региона.
2. Карнеев, А.Н., Ломанов, А.В., Новакова, О.В., Цветов, П. Ю. Круглый стол: «Азиатские ценности» и современная политика стран АТР // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2017. — № 3. — С. 104–107. — В материале отмечается усиление роли и значимости традиций во внешней политике государств Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии.
3. Acharya, A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. — 3rd ed. — London: Routledge, 2014. — 312 p.
4. Johnston, A. I. Social States: China in International Institutions, 1980–2000. — Princeton: Princeton University Press, 2008. — 280 p.
5. Олейников, И. В. Внешняя политика России в отношении стран Восточной Азии: учебное пособие. — Новосибирск: НГТУ, 2020. — 106 с. — В издании рассматривается «конфуцианский стиль дипломатии» как традиционное внешнеполитическое наследие Китая.
6. Сигаури-Горский, Е. Р. Взаимные уроки «Пути АСЕАН» и евразийской интеграции в условиях зарождения многополярного мирового порядка // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 10 (197). — С. 583–584. — В работе подчёркивается значение практик «пути АСЕАН» как отражения «живого права», сформированного традиционными поведенческими моделями Юго-Восточной Азии.
7. Bonch-Osmolovskaya, O. Новое конфуцианство и внешнеполитический дискурс КНР: интеллектуальные основания китайской дипломатии // Уральское востоковедение. — 2024. — № 14. — Исследование посвящено современной интерпретации конфуцианских идей во внешнеполитической стратегии Китая.
8. Коллектив авторов НБ ДВФУ. Фонд редкой и ценной книги НБ ДВФУ как ресурс кросс-культурных коммуникаций стран и народов. — Владивосток: ДВФУ, 2015. — В материалах выставки раскрыты исторические традиции взаимодействия России со странами АТР на рубеже XIX–XX вв. и деятельность востоковедов Восточного института.
9. Korolev, A. The World Majority and ASEAN: Ideational Convergence or Tension? // Российский совет по международным делам (РСМД). — 2025. — Анализируется, как дипломатическая культура АСЕАН (консенсус, нейтральность) реагирует на современные геополитические концепции.

ФИЛОСОФИЯ

Почему человек верит в бессмертие: философский анализ надежды, разума и возможного тщеславия

Гаспарян Алёна Варужановна, аспирант
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Статья посвящена философскому анализу оснований веры человека в личное бессмертие. Рассматриваются эпистемологические, этические и онтологические аргументы в пользу бессмертия души, представленные в античной (Платон, Аристотель), средневековой (Фома Аквинский) и новоевропейской (И. Кант) философии. Автор исследует логическую связь между постулатом существования Бога и идеей бессмертия человека, а также ставит вопрос о возможном тщеславии как скрытом мотиве этой веры. Делается вывод, что в классической философской традиции бессмертие обосновывается не как привилегия, а как онтологическое или нравственное следствие природы разумной души, без которого теряют смысл познание и мораль.

Ключевые слова: бессмертие души, Платон, Фома Аквинский, Иммануил Кант, постулаты практического разума, анамнесис, тщеславие, теодицея, нравственный закон, субстанциальность души.

Why do humans believe in immortality: a philosophical analysis of hope, reason, and possible vanity

Gasparyan Alyona Varuzhanovna, graduate student
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

The article is devoted to a philosophical analysis of the foundations of human belief in personal immortality. It examines epistemological, ethical, and ontological arguments for the immortality of the soul presented in ancient (Plato, Aristotle), medieval (Thomas Aquinas), and modern (I. Kant) philosophy. The author explores the logical connection between the postulate of God's existence and the idea of human immortality, as well as raises the question of possible vanity as a hidden motive for this belief. It is concluded that in the classical philosophical tradition, immortality is justified not as a privilege, but as an ontological or moral consequence of the nature of the rational soul, without which cognition and morality lose their meaning.

Keywords: immortality of the soul, Plato, Thomas Aquinas, Immanuel Kant, postulates of practical reason, anamnesis, vanity, theodicy, moral law, substantiality of the soul.

Введение

Вопрос о том, что ожидает человека за гранью смерти, является, пожалуй, самым древним и экзистенциально напряжённым из всех философских вопросов. Мысль о собственном небытии противоречит инстинкту самосохранения и самой интенциональной структуре сознания, всегда направленного на объект и тем самым как бы «выходящего» за пределы собственной конечности. На протяжении тысячелетий философы пытались либо рационально обосновать бессмертие, либо объявить эту веру неизбежной, но всё же иллюзией. В данной статье мы поставим два взаимосвязанных вопроса: во-первых, почему

идея бессмертия столь живуча в философской рефлексии, и во-вторых, действительно ли существование Бога автоматически подразумевает бессмертие человека, или же за этой логикой стоит скрытое тщеславие?

Гносеологические истоки: анамнесис и природа ума

Прежде всего, вера в бессмертие не является сугубо эмоциональной конструкцией, призванной утешить человека перед лицом смерти. Её истоки лежат в самой природе познания. Основы рациональной аргументации были заложены Платоном, который в диалоге «Федон» привёл четыре знаменитых доказательства бессмертия души [4, с.

304–305]. Наиболее сильным из них является аргумент от припоминания, или анамнесис. Платон утверждал, что мы обладаем знаниями, которые невозможно получить из чувственного опыта — например, идея равенства или математические истины. «Мы обнаруживаем в себе знания, которые не могут быть получены из нашего опыта — мы их как бы припоминаем, что говорит о том, что мы существовали раньше» [4, с. 304]. Душа, будучи «безвидной» и тяготеющей к единству, в противоположность телу, стремящемуся к распаду, должна по своей природе принадлежать миру вечных идей [4, с. 305].

К платоновским аргументам примыкает и учение Аристотеля, который, хотя и критиковал платоновскую теорию идей, заложил основу для средневекового доказательства бессмертия. В трактате «О душе» он связывает мышление с деятельностью ума (нуса), который, будучи формой форм, не зависит от телесного органа. Именно это аристотелевское различие между пассивным умом (связанным с воображением и памятью, а значит, тленным) и деятельным умом (бессмертным и вечным) станет краеугольным камнем для позднейшей схоластики [8]. Аристотель замечает, что «человеческое мышление разрушается, когда разрушается что-то внутри тела» [3, гл. 80], однако это относится лишь к низшим познавательным способностям, тогда как деятельный ум, по его мысли, «не разрушается» [6].

Метафизика Фомы Аквинского: субстанция, не зависящая от материи

Наиболее систематичное обоснование бессмертия в рамках теологической философии представил Фома Аквинский. В «Сумме против язычников» он детально разбирает скептические аргументы, согласно которым душа есть лишь форма тела и гибнет вместе с ним. Фома возражает: человеческая душа — это мыслящая субстанция, и её деятельность (мышление) не зависит от телесного органа так, как зависит зрение от глаза [8, гл. 79].

Фома приводит ключевой довод от естественного стремления: «Естественное стремление не может быть напрасным. Человек по природе стремится быть вечно... благодаря душе, которая способна воспринимать бытие как таковое во всяком времени» [8, гл. 79]. Иными словами, само наличие у человека интеллекта, стремящегося к познанию всеобщего и вечного, доказывает, что душа должна быть нетленной.

Более того, он опровергает мнение о том, что душа гибнет вместе с телом, указывая на несостоятельность трёх возможных способов уничтожения формы: 1) воздействием противоположного начала (но душе ничто не противоположно); 2) гибелью подлежащего (но душа не зависит от тела по своему бытию, как было доказано ранее); 3) прекращением действия причины (но причина души — вечный Бог) [8, гл. 79]. Таким образом, существование Бога в системе Фомы действительно подразумевает бессмертие души, но не как акт божественного произвола,

а как необходимое свойство разумной субстанции, созданной по образу своего Творца.

Постулаты практического разума Канта: бессмертие как условие морали

Наиболее влиятельной в Новое время стала аргументация Иммануила Канта, который кардинально сместил акцент: бессмертие нужно не для того, чтобы утешить человека, а для того, чтобы сделать возможной саму нравственность. В «Критике практического разума» Кант утверждает, что нравственный закон требует от нас стремиться к высшему благу — гармонии добродетели и счастья. Однако в земной жизни это недостижимо [2; 7].

Кант вводит понятие постулатов практического разума — положений, которые недоказуемы теоретически, но необходимы для практического функционирования морали. К таким постулатам относятся свобода воли, бессмертие души и бытие Бога [7, с. 129–130]. Как отмечает Л. Э. Крыштоп, «постулаты практического разума (свобода, бессмертие души и бытие Бога) играют важную роль в философии Канта» [2]. Вера в бессмертие оказывается не эгоистичным желанием личного спасения, а нравственным императивом: без допущения бесконечного времени для совершенствования души требование святости, заложенное в моральном законе, остаётся абсурдным. Следовательно, существование Бога и бессмертие человека неразрывно связаны, но не как награда, а как необходимое условие самой этики [11].

Однако именно здесь и возникает ключевое возражение, которое звучит уже в адрес самого Канта. Сводить Бога к «функции» гаранта справедливости и бессмертия — значит, по мысли многих философов, включая Достоевского, обесчеловечивать веру и превращать её в холодный постулат [1, с. 184–213]. Тем не менее, в рамках кантовской системы бессмертие — это не честь для человека, а суровое требование нравственного закона, который сам по себе выше человеческих желаний.

Тщеславие или онтологическая необходимость?

Перейдём к самому острому вопросу: не является ли вера в личное бессмертие проявлением человеческого тщеславия? Критики этой идеи, от эпикурейцев до современных материалистов, указывают на явный антропоцентризм такой логики: требовать бессмертия для себя — значит считать себя центром мироздания.

Однако классическая философская традиция парирует этот удар следующим образом. Во-первых, как мы видели у Платона и Аристотеля, бессмертие выводится не из желания человека, а из природы познания. Душа бессмертна не потому, что человек её «заслужил», а потому, что она по своей сути проста и неделима, и ей не из чего распасться [6]. Во-вторых, у Фомы Аквинского и Канта бессмертие — это условие личной ответственности. Если человек

смертен, то его нравственный выбор теряет абсолютный вес. «Бессмертие души есть постулат, без которого невозможен нравственный закон», — утверждает Кант [7; 11]. С этой точки зрения, утверждение бессмертия — не акт гордыни, а акт смирения перед моральным законом, который больше самого человека.

Таким образом, обвинение в тщеславии бьёт мимо цели: философская традиция рассматривает бессмертие не как награду, а как онтологическое или моральное следствие устройства бытия и разума.

Заключение

Итак, вера в бессмертие и логическая связь этой веры с существованием Бога уходят корнями в глубинные интуиции разума.

Литература:

1. Криницын А. Б. Ф. М. Достоевский и И. Кант: два пути к Богу // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 4. С. 184–213.
2. Крыштоп Л. Э. Постулаты практического разума: от первой «Критики» ко второй // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 129–139.
3. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга II, Главы 79–81. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-protiv-jazychnikov-kniga-2/80_1 (дата обращения: 09.07.2026).
4. Бандуровский К. В. Аргументы Платона и Фомы Аквинского в пользу бессмертия души // АКАДЕМИЯ. СПб., 2000. С. 304–315.
5. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 120–124. — URL: <https://iphras.ru/elib/1036.html> (дата обращения: 09.07.2026).
6. Платон. Федон // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
7. Крыштоп Л. Э. Постулаты практического разума: от первой «Критики» ко второй // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/b/postulaty-prakticheskogo-ra-2d2b39?page=1> (дата обращения: 09.07.2026).
8. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга II, Глава 79. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-protiv-jazychnikov-kniga-2/79> (дата обращения: 09.07.2026).
9. Сотников А. О. Учение Платона о смертных родах живых существ как завершающей стадии творения космоса. — URL: https://www.platoakademeia.ru/index.php/ru/conferences/item/284-upt_8_11 (дата обращения: 09.07.2026).
10. Фичино М. Платоновская теология о бессмертии души в XVIII книгах. СПб.: Владимир Даль, 2020.
11. Крыштоп Л. Э. Постулаты в религиозном учении Канта // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postulaty-v-religioznom-uchenii-kanta-1> (дата обращения: 09.07.2026).

Современное осмысление сущности человека

Попкова Наталья Александровна, учитель английского языка (Красноярский край)

В статье автор исследует различные подходы в современной психологии и философии, касающиеся сущности человека.

Ключевые слова: человек, сущность, субъект, бихевиоризм, психоанализ, гуманистическая психология, когнитивная психология, концепция Вygотского, Рубинштейна, Леонтьева, отчуждение, биоэтика, «новая нормальность».

Описывая сущность человека, философы отмечают многообразие его свойств. Человек — существо многостороннее, многомерное, сложно организованное. Известно выражение о человеке как венце природы, но человек есть принципиальная новизна в природе.

Платон показал, что сама структура познания требует предсуществования души и её причастности к вечному миру идей.

Аристотель и Фома Аквинский развили учение о деятельном уме как нетленной субстанции, причастной к божественному бытию [8].

Кант доказал, что мораль требует бессмертия как постулата практического разума, без которого требование высшего блага теряет смысл [2; 7].

Что касается обвинения в тщеславии, классическая философия отвечает на него так: человек не «заслуживает» бессмертия своими заслугами, но его природа такова, что без бессмертия теряют смысл разум и нравственность. В этом смысле вера в бессмертие — это не льстивое самообольщение, а последний бастион человеческого достоинства перед лицом небытия.

Внешне человеческое тело — продолжение эволюционного процесса и во многом сходно с организмом высших приматов. В то же время человек качественно отличается от всех других живых существ. Несмотря на наличие разногласий, между исследователями достигнуто едино-

душие о приобретении познающим субъектом ряда качеств: обладание определенными навыками; гибкий подход к решению задач; высокая скорость обработки информации; обладание метакогнитивными знаниями и др. [4; с. 15–25] С помощью воли человек может блокировать ощущение голода и жажды, преодолевать чувство страха и боли. Многие из пережитого сохраняются и становятся достоянием всего человеческого рода. [3; с. 3–24]

Предлагаем рассмотреть сущность человека с точки зрения современных психологии и философии.

Осмысление сущности человека связано с такими направлениями современной психологии как бихевиоризм, психоанализ, гуманистическая психология, когнитивная психология, концепция Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева.

С точки зрения бихевиоризма подлинным предметом психологии (человека) является поведение человека от рождения и до смерти. Дж. Уотсон стремился рассматривать поведение как сумму приспособительных реакций по образцу условного рефлекса. Все многообразие поведения человека можно описать формулой «стимул — реакция». Зная, какой стимул вызовет нужную нам реакцию, мы сможем активно управлять поведением человека. Внутренняя активность человека бихевиористами в расчет не принимается.

В начале XX в. возник психоанализ, ядро которого составило учение о бессознательном. Человеческая психология стала истолковываться как обусловленная бессознательными, иррациональными силами — влечениями и инстинктами. Основными из них являются сексуальное влечение и влечение к смерти и разрушению.

В начале 1960-х гг. в США возникла гуманистическая психология. Ведущими представителями направления выступают Г. Олпорт, Г. А. Мюррей, Г. Мерфи, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мей. В основе гуманистической доктрины лежит оптимистическое допущение, что «человек добр по природе», что поведение человека в соответствии с нравственными ценностями совпадает с удовлетворением его индивидуальных природных влечений. [6; с. 247–254] Главная идея этого направления состоит в том, что каждый человек неповторим, замечателен и способен на многое. Окружающие люди (родители, педагоги, психологи) должны помогать человеку постоянно совершенствоваться. Гуманистическая психология исходит из положения о том, что человек наделен возможностями к непрерывному развитию.

Когнитивная психология оформилась в США в середине 1960-х годов. Видным представителем ее является У. Найссер. Согласно основным идеям когнитивной психологии решающую роль в поведении человека имеют знания. Человек рассматривается как активный преобразователь информации, аналогом которого в современной науке и технике является компьютер.

Существо марксистского подхода к пониманию психологии человека сводилось к утверждению общественно-исторической и социальной сущности человека и обоснованию деятельностного способа его существования.

В рамках марксистского подхода Л. С. Выготский создал культурно-историческую концепцию развития человека, ввел в психологию понятие о высших психических функциях (понятийное мышление, логическая память и др.) как о специфических человеческих формах психики и сформулировал закон их развития. Индивидуальные психологические способности первоначально существуют вовне, в социальной форме и лишь затем человек осваивает их, «переносит» внутрь.

Еще один аспект культурно-исторического подхода к изучению психики человека представлен постановкой проблемы сознания и деятельности. Важный вклад в анализ этой проблемы внес С. Л. Рубинштейн. Он сформулировал принцип единства создания и деятельности, ставший основополагающим для советской психологии. [2; с. 204–208]

Наиболее полно категория деятельности в психологии разработана А. Н. Леонтьевым, который считал, что психологическое развитие человека — это процесс развития его деятельности, сознания, личности.

Над проблемой предназначения человека размышляли философы со времени возникновения самой философии. В целом можно разделить взгляды на две группы: светский взгляд и религиозный взгляд.

Для религиозных философов вопрос смысла человеческого существования превращается в вопрос о Боге, который решается эсхатологически, то есть жизнь продолжается в потустороннем мире [8; с. 169–174].

Атеисты считают, что Бога нет и быть не может, поэтому жизнь превращается в абсурд.

В философии XX в. усилилось понимание сущности человека с точки зрения концепции отчужденности. Отчуждение как философская категория — это процесс трансформации человека из творца, субъекта в объект, пассивный элемент. Разочарование и отторжение ценностей, существующих в обществе, незаинтересованность в результатах своего труда, ощущение беспомощности и уход от реальности. [1; с. 80–88] С термином «отчуждение» советские философы обычно связывали теорию К. Маркса об эксплуатации человеком человека.

Классическая трактовка отчуждения человека связана с ситуацией после II Мировой войны, когда мировое общество испытало колоссальную катастрофу, и восходит к представителям экзистенциализма, в частности немецкому философу М. Хайдеггеру. По мнению философа человек в современном мире ощущает заброшенность и одиночество. В связи с этим, М. Хайдеггер различает подлинное и неподлинное существование. Подлинное — это жизнь среди опасностей, на пределе своих возможностей. Ужас собственной смерти, по Хайдеггеру, снимает проблему отчуждения и делает жизнь человека максимально насыщенной и вовлеченной. [7; с. 68–74] Только в этом случае человек становится настоящим человеком, обретая полноту существования.

Неподлинное бытие — это рутинная жизнь, без взлетов и падений.

По мнению французского экзистенциалиста Ж.-П. Сартра, человек первоначально собой ничего не представляет. Это проект, который устремлен в будущее, и он станет человеком только тогда, когда приложит усилия и сделает себя сам.

Говоря о «заброшенности», отчуждении, экзистенциалисты исходят из того, что Бога нет, отсюда тревога и отчаяние. Но за свободу «быть» надо платить тревогой, а к этому человек не готов.

Итак, в экзистенциализме сущность человека выражается в разных формах, но общим знаменателем является бездуховность, социальная апатия. Способы решения проблемы отчуждения следует искать не во внешних факторах, а в самом человеке, его мировосприятии.

Современные философские взгляды на понимание сущности человека тесно переплетены с психологией, этикой, правом. Выделим основные проблемы, в связи с этим:

- трансплантации органов и (или) тканей человека;
- редактирование генома человека, то есть модификация клеток зародышевой линии человека в репродуктивных целях.
- проблема эвтаназии.
- суррогатное материнство.
- клонирование организмов.
- криогенизация.
- современная косметология.
- расшифровка мозговых кодов психических явлений, электрическими, магнитными, химическими и иными воздействиями на мозг.

Является ли человек человеком, который испытал все эти манипуляции? Насколько он отличается от всех

остальных? Разрешая эти проблемы, философы сформулировали термин «новая нормальность».

Например, Ю. Хабермас считает, что если кто-то самостоятельно определяет генетический статус будущего человека, то уничтожается самоидентификация этого человека. Ведь непредсказуемость, процесса оплодотворения создает условие нашей возможности быть самими собой. [5; с. 11–35] Если, считают исследователи, манипуляции с клетками эмбриона направлены на предупреждение генетических патологий, то тут нет произвола творца над объектом творения, так как вмешательство осуществляется в пределах, с которыми согласился разумный человек.

Если, считают исследователи, манипуляции с клетками эмбриона направлены на предупреждение генетических патологий, то тут нет произвола творца над объектом творения, так как вмешательство осуществляется в пределах, с которыми согласился разумный человек.

Если человек обладает свободой воли, то насколько допустима, например, эвтаназия — самоубийство? Известно, что в христианской этике одобряется жертвовать собой ради блага других. А влечение к убийству и самоубийству — является однозначно злом. Но «новая нормальность», провозглашает ценность смерти как высшего уровня свободы. Новая «нормальность» оказывается тесно связана с отказом от фундаментального инстинкта самосохранения. Идея «свободы без берегов» ведет к смерти и самоуничтожению, которое прочитывается как «норма».

Таким образом, современные реалии заставляют ставить еще больше вопросов, рассуждая о сущности человека, параметрах его личности, степени его свободы, чем в XX в.

Сведем данные нашего исследования в таблице № 1

Таблица 1

Сущность человека в современной психологии	Сущность человека в современной философии	
Бихевиоризм: человек есть сумма его приспособительных реакций	Светский подход	Религиозный подход
Психоанализ: человек обусловлен его бессознательным.	«Новая нормальность»: свобода воли, автономия человека позволяет ему самому определять свою сущность	Человек — творение Бога, наделяется душой и его смерть не прекращает его существования
Гуманистическая психология: человек способен к непрерывному развитию		
Когнитивная психология: человек — активный преобразователь информации		
Л. С. Выготский: высшие психические функции — специфические человеческие формы психики		
С. Л. Рубинштейн — принцип единства создания и деятельности		
А. Н. Леонтьев: психологическое развитие человека — это процесс развития его деятельности, сознания, личности.		

Литература:

1. Белкин, В. Н. Отчуждение труда работников российских предприятий / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 1 (356). — С. 88–88.
2. Бердников, Н. В. Проблема духовности человека / Н. В. Бердников // Экономика и социум. — 2018. — № 5 (48). — С. 204–208.
3. Елизаров, Е. Д. Феномен человека в истории природы / Е. Д. Елизаров // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. — 2021. — № 59. — С. 3–24.

4. Ермакова, Е. С. Проблема развития мыслительных средств у детей / Е. С. Ермакова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 5. — №. 2. — С. 15–25.
5. Лапаева, В. В. Биотехнологическое совершенствование человека и проблема дегуманизации: философско-правовые аспекты / В. В. Лапаева // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 11–35.
6. Савченко, Н. А. Философско-психологическая проблема предельной смысловой реальности / Н. А. Савченко // Гуманитарий Юга России. — 2016. — Т. 19. — № 3. — С. 247–254.
7. Селезнев, И. С. Энергия и проблема «собственного бытия» человека / И. С. Селезнев // Logos et Praxis. — 2022. — № 3. — С. 68–74.
8. Шуляк, Л. П. К вопросу о предназначении человека / Л. П. Шуляк // Наука и современность. — 2015. — № 35. — С. 169–174.

ТЕОЛОГИЯ

От сати к осознанности: религиозоведческий анализ секуляризации и коммодификации буддийской практики

Пархачева Ульяна Михайловна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Статья посвящена религиозоведческому анализу трансформации буддийской концепции «сати» в феномен светской осознанности (mindfulness) и её последующей коммодификации в рамках глобальной индустрии благополучия. В работе реконструируется каноническое понимание сати в традиции тхеравады как седьмого фактора Благородного Восьмеричного Пути, неразрывно связанного с этической дисциплиной и мудростью, и прослеживаются ключевые этапы её секуляризации на Западе — от буддийского модернизма XIX–XX веков до программы MBSR Джона Кабат-Зинна. Анализируются фундаментальные отличия светской осознанности от буддийской сати по параметрам цели, этического измерения и понимания субъекта. На основе теоретических рамок коммодификации и макдональдизации рассматриваются механизмы превращения духовной практики в стандартизированный товар, функционирующий в логике неоллиберальной индустрии благополучия. В заключении даётся критическая оценка последствий коммодификации осознанности, включая редукцию многогранного учения до набора техник индивидуального стресс-менеджмента и риск подмены глубинной трансформации потребителем симулякром.

Ключевые слова: сати, осознанность, mindfulness, секуляризация, коммодификация, макдональдизация, индустрия благополучия, неоллиберальный капитализм, постсекулярное общество.

Введение

Актуальность исследования обусловлена стремительной трансформацией древней буддийской концепции «сати» — практики «правильной внимательности», неразрывно связанной с этической дисциплиной и мудростью, в глобальный феномен светской осознанности (mindfulness), который стал не только популярной психологической концепцией, но и значимым сектором индустрии благополучия. Под осознанностью в современном секулярном дискурсе понимается практика целенаправленного безоценочного внимания к текущему моменту, которая, однако, утратила изначальные этические и сотериологические цели, а также исконно буддийский философско-религиозный контекст.

Исследовательская проблема заключается в противоречии между осознанностью, представленной в популяризованном виде через каналы массовой дистрибуции (медицина, психология, корпоративный сектор, цифровые медиа), и её традиционной трансформирующей сущностью, которая не может существовать в отрыве от нравственной чистоты, правильного намерения и мудрости, ведущих к освобождению от страданий и иллюзии «я».

Гипотеза исследования: секуляризация и последующая коммодификация сати приводит к её деконтекстуализации и редукции до упрощённого набора техник

индивидуального стресс-менеджмента, в результате чего практика утрачивает свой глубинный трансформирующий и освобождающий потенциал, заложенный в традиционном буддийском контексте.

Степень разработанности проблемы охватывает труды буддологов (Ньянапоника Тхера [12], Бхиккху Бодхи [4]), исследователей секуляризации (Дж. Кабат-Зинн, Дж. Уилсон) и критиков коммодификации (Р. Пёрсер [13, 14], Т. Хайленд [9], Бён-Чхоль Хан [3], Е. Иллус [10]), однако комплексный религиозоведческий анализ трансформации сати (от канонического понимания до коммерциализированных форм) остаётся недостаточно разработанным.

В процессе исследования использовались методы историографического анализа для реконструкции этапов секуляризации сати, сравнительного метода для сопоставления традиционной и светской версий осознанности, дискурс-анализа для выявления маркетинговых стратегий индустрии благополучия, а также теоретического анализа для систематизации механизмов коммодификации.

1. Концепция «сати» в буддийской традиции: сущность и роль осознанности в контексте Восьмеричного пути, связь с этикой и мудростью

Для анализа концепции сати (пали *sati*, санскр. *smṛti*) в её первоначальном буддийском контексте в рамках

данной работы будет по большей части использован труд Ньянапоники Тхеры «The Heart of Buddhist Meditation» [12] по ряду причин. Во-первых, книга является не просто изложением авторской позиции, а структурированным комментарием к каноническому тексту Сатипаттхана-сутте («Сутте об основах осознанности»), которая считается основополагающим источником по практике осознанности в традиции тхеравады¹. Во-вторых, Ньянапоника Тхера, будучи практикующим монахом и по совместительству учёным-буддологом, представляет в своей работе подробный разбор палийской терминологии с опорой на комментаторскую традицию (включая труды Буддхагхоши²), что помогает избежать вольных интерпретаций традиционных концепций. Более того, в «Сердце буддийской медитации» Ньянапоника последовательно проводит черту между традиционным пониманием осознанности и её светской адаптацией, создавая таким образом теоретическую рамку для последующего критического анализа коммерциализации осознанности.

1.1 Определение сати

Бхиккху Бодхи³ в статье «What does mindfulness really mean? A canonical perspective» сделал очень важное замечание касательно интерпретации понятия «осознанности»: «Проблема герменевтики с её внутренними влияниями на реальную практику медитации касается точного значения слова «сати» как в целом, так и в отношении к буддийской созерцательной деятельности. Мы настолько охотно соглашаемся с термином «осознанность» (англ. — «mindfulness»), что редко наводим справки в отношении определённых нюансов этого английского термина, не говоря уже о значении оригинального палийского слова «сати», которое этот английский термин и представляет, как и не задумываемся над адекватностью использования первого для перевода последнего» [4, с.22].

Ньянапоника Тхера, как и Бхиккху Бодхи в его работах, сразу подчёркивает, что концепция сати в буддийской традиции не сводится исключительно к понятию «осознанности» как навыка фокусировки внимания в текущем моменте. В палийском языке этот термин изначально означал «память», но в буддийских текстах, особенно в контексте религиозных практик, он приобрёл гораздо более обширное специфическое значение. Согласно автору, в буддийской доктрине (Дхарме) сати преимущественно означает особый вид внимательности, который в рамках буддийского учения является благотворным и правильным (*kusala*). Именно в этом прояв-

лении сати фигурирует как седьмой фактор Благородного Восьмеричного пути⁴ под названием Самма-сати (*Sammā sati*) — «правильная внимательность» [12, с. 9–10].

Ключевая характеристика сати, которую выделяет Ньянапоника Тхера, — это её природа, которой не свойственна пассивность. Он описывает сати как нечто постоянное, активное и бдительное, что повышает интенсивность мышления и улучшает качество внимания. Это позволяет человеку не просто регистрировать происходящее, но и удерживать объекты в зоне осознанности с определёнными целями. Также сати как бы защищает органы чувств, распознавая различные возникающие отклики и состояния, не позволяя лишним мыслям и эмоциям захватить ум. Такая бдительность — это не механическое подавление отвлекающих факторов, а ясное целенаправленное разграничение того, что вредно, а что, наоборот, полезно для движения по Восьмеричному пути [12, с. 26–28].

1.2 Сати в структуре Благородного Восьмеричного Пути

Благородный Восьмеричный Путь, согласно учению тхеравады, состоит из восьми факторов, разделённых на три большие группы: мудрость (1-правильный взгляд и 2-правильное намерение), моральная дисциплина (3-правильная речь, 4-правильное действие и 5-правильный образ жизни) и сосредоточение. Сати (7-правильное внимание) входит в группу сосредоточения наравне с 6-правильным усилием и 8-правильной сосредоточенностью. Однако Ньянапоника предостерегает от понимания этой классификации как упрощённой системы функционирования сати, так как без сати фактор правильного понимания остаётся лишь абстрактным знанием, правильное усилие вырождается в беспокойное напряжение, а правильное сосредоточение становится побегом в транс, который лишён освобождающего потенциала.

Автор также отмечает, что сати является первым из семи факторов просветления (*bojjhaṅga*), необходимых для достижения ниббаны (нирваны). Эти семь факторов включают в себя непосредственно *sati* (осознанность, внимательность), *dhamma vicaya* (исследование дхаммы и состояний), *virīya* (энергия, усердие), *pīti* (радость, восторг), *passaddhi* (спокойствие, безмятежность), *samādhi* (сосредоточение) и *upekkhā* (равностность, беспристрастность). Сати занимает первое место не случайно, а потому, что является основой для развития остальных шести факторов, особенно второго (*dhamma vicaya*). «Непосредственное

¹ Тхеравада («Учение старейших») — старейшая из сохранившихся буддийских школ, основывающаяся на Палийском каноне, который считается самым ранним собранием учений Будды.

² Буддхагхоша — индийский буддийский учёный и комментатор V века, который писал на языке пали и принадлежал к школе тхеравада.

³ Бхиккху Бодхи — американский буддийский монах школы тхеравада, в настоящее время преподаёт в районе Нью-Йорка и Нью-Джерси

⁴ Благородный Восьмеричный Путь (также известный как «Срединный Путь») — это одна из основ учения Будды. Он описывал его как путь, ведущий к прекращению страданий (дуккха) и к достижению само-пробуждения. Этот путь нужен для развития прозрения в истинную природу всех вещей (в реальность) и для уничтожения жажды, злобы и невежества — то есть так называемых «трёх корней порока», которые присутствуют в уме каждого непросветлённого существа.

постижение реальности через собственный опыт может быть достигнуто только с помощью фактора просветления — осознанности (*sati-sambojjhaṅga*), — отмечает Ньянапоника [12, с.29].

Сати, как седьмой фактор Благородного Восьмеричного Пути (правильное внимание), в каноническом объяснении этого самого Пути разветвляется на Четыре Основы Осознанности (*Satipaṭṭhāna*), описанные в одной именной сутте. Правильное внимание раскрывается в четырёх гранях в отношении своих объектов. Оно направлено на созерцание тела, созерцание чувств, созерцание ума (общего состояние сознания в данный момент) и созерцание феноменов (определенного содержания или объектов, фигурирующие в сознании в данный момент) [12, с. 28]. Способы этого самого созерцания по отношению к каждому из четырёх объектов однотипны: практикующий наблюдает различные явления внутренне и внешне, их возникновение и исчезновение, а главное — он делает это, будучи независимым от них и ни к чему в окружающем его мире не привязываясь. Это, в свою очередь, указывает на конечную цель практики, которая ясно прослеживается и в Благородном Восьмеричном Пути — сати не просто фиксирует явления и феномены, а ведёт к их деперсонализации, отказу от привязанности к «я» и «мое»

1.3 Сати и дисциплина

Одно из основных положений, которое Ньянапоника проводит через всё своё исследование, — это тесная связь сати с этическим измерением данной практики — дисциплиной. Он указывает, что в буддийской традиции путь к освобождению начинается с нравственной чистоты и дисциплины, которая включает соблюдение обетов (для мирян их пять: отказ от убийства, отказ от воровства, отказ от недолжного сексуального поведения, отказ от лжи, отказ от одурманивающих веществ) и культивирование благих качеств ума. Без дисциплины практика сати теряет свою основу, а человек, чьё поведение неуправляемо и чья речь необдуманна, не может развить устойчивую внимательность, потому что его ум постоянно находится в круговороте неблагих намерений, действий и их последствий.

Важно понимать, что сати, дисциплина и нравственная чистота — это не последовательность, а взаимоусиливающие факторы. Сати позволяет человеку распознать негативные импульсы прежде, чем они перерастут в действие. Именно бдительность даёт возможность сдерживать гнев или жадность на стадии зарождения и не дать им вылиться в преступление этических принципов. Дисциплина, в свою очередь, является залогом свободы, которая как раз-таки служит опорой для развития и практики сати. Нравственная чистота же в целом лежит в основе ис-

тинного прозрения, так как затемнённый ум неспособен к постоянному осознанию своих мыслей и поступков и достижению высших уровней медитации. Развитие четырёх возвышенных состояний ума — *brahmavihāra* (любящая доброта (*mettā*), сострадание (*karuṇā*), сорадование (*muditā*) и невозмутимость (*upekkhā*)) — способствует укреплению внутренней чистоты, которая помогает человеку, практикующему осознанность, видеть реальность такой, как она есть, без искажений, вызванных эгоизмом.

1.4 Сати и мудрость

Просветление, как финальная цель буддийского пути, достигается через развитие мудрости (*paññā*). Она является не столько интеллектуальным знанием, сколько интуитивным постижением истинной природы реальности, освобождающим от страданий. Согласно «Сердцу буддийской медитации», сати выступает непосредственным инструментом для взращивания мудрости, останавливая поток автоматических реакций, предрассудков и проекций и позволяя увидеть вещи такими, какие они есть. В одном из текстов палийского канона, Касибхарадваджа-сутте⁵ [18], говорится:

*Вера — зерно, отшельничество — дождь;
Мудрость — [вот где] ярмо и плуг мой.
Стыд — дышло, ум — ремень ярма.
Осознанность — мой прут и плужный лемех.*

Т. е. сати, в частности осознанность, — основополагающая деталь, без которой сам плуг (мудрость) сам по себе просто бесполезен.

Ньянапоника выделяет три характеристики бытия (*tilakkhaṇa*), которые раскрываются через сати: непостоянство (аничча), неудовлетворённость или страдание (дуккха) и отсутствие неизменного Я (анатта). Обычный ум, которому не свойственна внимательность и осознанность, схватывает явления как неизменные, желательные и принадлежащие «я». Развитая сати, напротив, позволяет видеть и наблюдать, как каждое ощущение, мысль или телесное состояние возникает и исчезает, как любое приятное чувство неизбежно сменяется неприятным и как ничто из этого не может находиться под контролем «я». Это и есть непосредственное просветление, которое становится возможным не благодаря интеллектуальному знанию, а с помощью правильной внимательности и развитой мудрости [12, с. 36–37].

Особое внимание в книге уделяется процессу созерцания чувств (*vedanānupassanā*) как мосту между сати и мудростью. Именно в чувствах (неважно каких — приятных, неприятных или нейтральных) коренится большинство человеческих привязанностей, и их созерцание соединяет сати (правильное внимание) с ясным пониманием (*sampajāñña*), которое уже принимает решение

⁵ Касибхарадваджа-сутта (Смп 1.4) — это буддийский текст из Палийского канона, в котором Будда объясняет брахману Каси Бхарадвадже, что он также является пахарем, но сеет духовные семена (веру, мудрость, усердие), ведущие к освобождению, а не к материальному урожаю. Сутта подчёркивает превосходство духовного труда над мирским.

о формировании того или иного отношения или действия [12, с. 69]. В одном из разделов книги подробно описывается, как монах, переживая приятное, болезненное или нейтральное чувство, осознаёт его обусловленность и непостоянство, благодаря чему избавляется от склонностей к жажде (*rāga*), отвращению (*paṭigha*) или неведению (*avijjā*). Таким образом, внимательность и осознанный подход к чувствам — это путь к обезвреживанию корня всех мирских привязанностей. Без работы над этим подходом мудрость и сати остаются лишь теорией, а с ней они приобретают потенциал освобождающего знания.

1.5 Сати как целостная система трансформации

Обобщая вышесказанное, важно подчеркнуть, что в буддийской традиции сати не является конкретной техникой или навыком осознанности в современном понимании, и её невозможно полноценно практиковать и использовать в отрыве от совокупности других факторов. Она представляет собой часть единой системы развития личности, где дисциплина, этика и нравственная чистота создают основу, внимание и внимательность обеспечивают непрерывную работу ума, а мудрость приводит к окончательному просветлению и освобождению от привязанностей и предрассудков. Все эти факторы развиваются взаимозависимо и поддерживают друг друга как неотъемлемые элементы пазла.

Ньянапоника обращает внимание на опасность фрагментарного понимания сати, когда игнорируется или её этическое измерение, или трансформирующая цель. Подобное редуцированное понимание, которое, как будет показано далее, характерно для современных секулярных адаптаций, не позволяет реализовать тот глубинный потенциал, свойственный традиционным буддийским практикам.

2. Историческая секуляризация осознанности: адаптация буддийских концепций на Западе, роль Дж. Кабат-Зинна (MBSR), ключевые отличия светской осознанности от буддийской сати

Процесс превращения буддийской концепции сати в светскую осознанность — это сложный исторический феномен, корни которого уходят в колониальную эпоху, а кульминация приходится на последнюю четверть XX века. Процесс этот исследователи называют секуляризацией, модернизацией и даже колонизацией буддийских практик, и привёл он к формированию феномена, который существенно отличается от своего традиционного «исходника». Ключевой фигурой секуляризации сати стал Джон Кабат-Зинн — создатель программы снижения стресса на основе осознанности (Mindfulness-Based Stress Reduction), сумевший адаптировать медитативные практики для нужд западной медицины и психологии. Понимание исторического пути секуляризации сати необходимо для понимания того, почему и как современные адаптации трансформируют первоначальную концепцию.

2.1 Теоретические рамки секуляризации и постсекулярный поворот

Классическая теория секуляризации, восходящая к работам Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, предполагала, что процесс модернизации неизбежно ведёт к упадку религии — ослаблению её политической роли, приватизации и постепенному исчезновению из публичной сферы. Согласно Питеру Бергеру, который внёс значительный вклад в развитие этой теории в середине XX века, секуляризация представляет собой процесс, посредством которого всё больше секторов общества и культуры выходят из-под влияния религиозных институтов и символов [1, с. 208]. В соответствии с данной логикой, модернизация, рационализация и плюрализация мировоззрений делают религию сугубо индивидуальным выбором.

Однако к концу XX века эта парадигма столкнулась с эмпирическими и теоретическими вызовами. Религия не исчезла и продолжала играть активную роль в публичной сфере по всему миру (от политических движений в Латинской Америке и Польше до возрождения фундаментализма в США и исламской революции в Иране). На фоне этих изменений сформировался так называемый «постсекулярный поворот» в социальной теории, связанный прежде всего с именами Юргена Хабермаса и Хосе Казановы. Появление концепции постсекулярного общества было связано с отказом от базовых идей теории секуляризации, согласно которым религия и современное общество несовместимы. Новая установка заключается в том, что религии не исчезают и никогда не исчезнут, и необходимо вырабатывать механизмы и правила их присутствия в современных демократических обществах. Сам Хабермас ввёл этот термин в 2001 году во время вручения ему Премии мира немецкой книготорговли для описания современных обществ, в которых религия не исчезает и в которых мировоззренческий плюрализм в целом является общераспространённой чертой [8].

Хосе Казанова предложил концепцию «деприватизации религии». Он показал, что мировые религиозные традиции не принимают ту самую маргинальную обособленную форму религии, предписанную им теориями модернизации и секуляризации. Вопреки прогнозам классической теории, религии активно фигурируют в публичной сфере и становятся значимой политической и культурной силой. Казанова также выделяет три основные причины этого процесса: глобализацию, евроинтеграцию и значительный религиозный плюрализм, обусловленный иммиграцией [5].

Параллельно Чарльз Тейлор в своём фундаментальном труде «Секулярный век» [15] предложил более сложную модель секуляризации. Он описывает не единую непрерывную трансформацию религии, а несколько новых направлений, в которых были созданы новые формы религиозной жизни, а более ранние формы постепенно исчезли или были дестабилизированы. Для Тейлора секуляризм подразумевает не только разрушение религиозной кар-

тины мира и ослабление социального статуса церкви, но и создание предпосылок для новых духовных движений (как религиозных, так и светских). Важно, что концепция постсекулярности ставит под вопрос саму бинарную оппозицию «религиозное-светское».

Представленная теоретическая оптика позволяет переосмыслить процесс превращения буддийской концепции сати в светскую осознанность не как нечто линейное, а как сложный гибридный феномен, характерный именно для постсекулярного мира. Речь идёт не просто о секулярной практике, а о специфической форме духовности, возникающей в условиях, когда вера перестала быть самоочевидной, но потребность в сакральных и трансцендентных смыслах осталась. Именно эта гибридность (одновременное отрицание и удержание религиозного контекста) и является маркером постсекулярности.

2.2 Буддийский модернизм и наука о сознании

Предпосылки секуляризации сати возникли ещё задолго до появления программы MBSR. Согласно книге «McMindfulness: How Mindfulness Became the New Capitalist Spirituality» Рональда Пёрсера, которая является одной из наиболее обширных работ по истории концепции осознанности, в XIX-XX веках, в условиях колониального господства в странах Юго-Восточной Азии, буддийские монахи-реформаторы, например, Леди Саядо и Махаси Саядо, начали адаптировать традиционные практики для диалога с западной культурой и наукой. Они переосмыслили випассану⁶ (*vipassanā*) как «науку о сознании», отделив медитативные техники от ритуалов и до-современных верований, чтобы представить буддизм совместимым с рациональным западным мировоззрением. Так возник буддийский модернизм (иногда также называемый «протестантским буддизмом»), противостоящий колониализму и христианским миссионерам, и в его рамках акцент сместился на «голое внимание» к настоящему моменту, что позволило позиционировать осознанность как универсальную и доступную для мирян психологизированную способность. Пёрсер указывает, что такая деконтекстуализация не была ценностно-нейтральной, но всё же имела побочный эффект — продвижение осознанности как практики, приносящей мирские выгоды [13, с. 38,49].

2.3 Джон Кабат-Зинн и создание программы MBSR

Решающий шаг в секуляризации сати был сделан в 1979 году Джоном Кабат-Зинном — молодым молекулярным биологом с многолетним опытом медитации в традициях дзен и випассаны, который в Медицинском центре Массачусетского университета разработал восьмине-

дельную программу «Снижение стресса на основе осознанности» (MBSR), чтобы помочь людям со стрессом, тревогой, депрессией и болью. В интервью Кабат-Зинн заметил: «Идея принести буддийскую медитацию без буддизма в мейнстрим медицины была равносильна тому, как если бы вестготы стояли у ворот и собирались разрушить цитадель западной цивилизации» [13, с. 37]. Он также добавил, что благодаря его учёной степени по молекулярной биологии и работе в лаборатории нобелевского лауреата люди ему доверились и позволили разрабатывать программу, аргументируя это тем, что «он, должно быть, знает, что делает» [13, с. 37]. Концепция MBSR была продиктована по большей части прагматическими соображениями: чтобы интеграция программы в медицинскую систему стала возможной, практики, описанные в ней, должны были быть приемлемыми для страховых компаний и не вызывать ассоциаций с восточным мистицизмом. С целью избежания потенциальных проблем, учёный сознательно заменил буддийскую терминологию на язык медицины: в первое время существование программы «осознанность» (*mindfulness*) была спрятана за понятием «непрерывное осознание текущего момента» (*moment-to-moment awareness*) [13, с. 37].

Сам Кабат-Зинн определяет свою миссию как «реконтекстуализацию» дхармы, а не её деконтекстуализацию [13, с. 38]. Он говорит, что MBSR можно назвать «универсальной дхармой», которая «ко-экстенсивна, если не идентична, учению Будды», однако это заявление довольно проблематично с точки зрения буддийского учения: как отмечает Пёрсер, Кабат-Зинн «претендует на роль основателя нового рода учения» при том, что его версия буддийских практик осознанности лишена многих ключевых элементов, включая философско-этическое учение и сотериологическую цель — достижение ниббаны. Кроме того, через всю работу Кабат-Зинна, по мнению Пёрсера, проходит одно очень важное противоречие: создатель MBSR для продвижения своего детища избегал упоминания любых связей с традиционным буддизмом и при этом не переставал искать валидации MBSR в буддийской среде. Маргарет Каллен, преподаватель MBSR с многолетним опытом, считает, что методы практики осознанности Кабат-Зинна формируют «новую американскую дхарму», которая является общедоступной, демократичной, недогматичной, прагматичной и утилитарной [13, с. 39–40].

В своей книге «Full Catastrophe Living» Кабат-Зинн предлагает операциональное определение осознанности, которое стало стандартом для светской традиции: «...осознание, которое безоценочно возникает благодаря целенаправленному вниманию в настоящем моменте» [11, с. 25]. Это определение, как можно заметить, сильно отличается от традиционного буддийского понимания сати. Кабат-Зинн подчёркивает, что его программа ориентиро-

⁶ Випассана (прозрение) - это развитие мудрости, практика прямого распознавания трёх истин непостоянства, безличности и страдательности в отношении всех телесных и умственных феноменов. Эта практика развивается параллельно вместе с двумя другими буддийскими практиками — нравственностью и сосредоточением.

вана на активное обучение, в котором люди могут полагаться на уже имеющиеся у них сильные стороны и «делать что-то для себя, чтобы улучшить собственное физическое и психологическое здоровье и благополучие» [11, с. 39]. По словам учёного, MBSR позволит развить собственную личную медитативную практику и научиться использовать осознанность для исцеления и улучшения качества жизни [11, с. 51–52].

2.4 Ключевые отличия светской осознанности от буддийской сати

Сопоставление светской осознанности с буддийской сати, описанной в предыдущем разделе, позволяет выявить несколько фундаментальных различий, которые касаются целей практики, её этического и философского контекста, понимания субъекта и роли медитативного сосредоточения.

Первое и наиболее очевидное различие заключается в цели практики. В буддийской традиции сати, как объяснялось в предыдущем разделе, является частью Благородного Восьмеричного пути, ведущего к прекращению страданий и достижению ниббаны — освобождению от круговорота перерождений. В самом начале «Сердца буддийской медитации» Ньянапоника Тхера подчёркивает, что истинная цель Сатипаттханы — это не временное успокоение, а глубокое и окончательное просветление [12, с. 8]. Кабат-Зинн же, напротив, в своей программе рассматривает осознанность как инструмент для достижения мирских, «приземлённых» целей, таких как снижение стресса, улучшение концентрации, повышение качества жизни и, в конечном счёте, благополучия. Он прямо заявляет, что MBSR предназначена для того, чтобы люди научились жить и совладать с болью и тревогами, а не для более высокой цели — достижения просветления. Авторы критического обзора «Mind the Hype: A Critical Evaluation and Prescriptive Agenda for Research on Mindfulness and Meditation» отмечают, что именно смещение фокуса с традиционных целей сати на адаптивные и инструментальные лежит в основе многих проблем современной индустрии благополучия, включая, главным образом, путаницу вокруг самого термина «осознанность» [16].

Второе различие касается этического измерения сати. В буддийской традиции она тесно связана с силой (нравственной чистотой и дисциплиной). Как уже упоминалось выше, Ньянапоника указывал, что без этической основы внимательность начинает теряться, так как необузданный ум без чётких нравственных принципов постоянно вовлечён в неблагие действия и помыслы. В светской осознанности этический аспект либо вообще опускается, либо редуцируется до заботы о себе. Пёрсер замечает, что MBSR и само движение осознанности «преуменьшали и даже игнорировали важность этики». По словам автора, когда «торговцев осознанностью прижимают» по вопросу игнорирования этической составляющей, они прибегают к «сомнительному утверждению» о том, что

«этический путь каким-то образом неявно интегрирован в практику, поскольку она включает в себя более доброе отношение к себе за счёт выхода из стрессовых мыслительных паттернов» [13, с. 45]. Более того, как показывают исследования, отсутствие этической рамки позволяет использовать осознанность в инструментальных целях, которые даже могут прямо противоречить буддийским принципам — например, для повышения эффективности солдат на войне [13, с. 114–121].

Третье различие касается понимания субъекта практики. В буддийской традиции одной из ключевых целей сати является деперсонализация — осознание анатты (отсутствия неизменного «я») и отказ от привязанности к эго. Практикующий должен увидеть, что все явления, включая его собственное «я», являются непостоянными, обусловленными и лишёнными сущности. Светская осознанность, напротив, направлена на укрепление «здорового эго», повышение самооценки и личной эффективности. «Что мне это даст?» — вот первый вопрос, который задаёт себе человек, приходящий на курс MBSR или скачивающий приложение для медитации. [13, с. 8] Это способствует превращению осознанности в своего рода «религию себя», в которой главной целью становится саморазвитие в неолиберальном смысле, как инвестиция в человеческий капитал.

Четвёртое различие — в методологии и техническом аспекте. Буддийская сати, согласно Ньянапонике (который, в свою очередь, опирался на традиционные учения и сутты), включает не только «голое внимание», но и различные виды «ясного понимания», которые помогают оценивать уместность и цель тех или иных действий. В MBSR акцент почти полностью смещён на «голое внимание» в контексте нереактивного наблюдения и пребывания «в моменте». В статье «Mind the Hype» авторы отмечают, что современные исследователи часто сводят всю концепцию осознанности именно к этому аспекту, игнорируя более сложные когнитивные и этические измерения, которые присутствуют в традиционном понимании сати и ясного внимания. Кроме того, в MBSR используются аудио-записи: это делает практику технически воспроизводимой и стандартизированной, тогда как в буддийской традиции обучение и медитации всегда происходили в личных отношениях «учитель-ученик» и были неотделимы от контекста Восьмеричного пути.

Историческая секуляризация сати привела к формированию светской осознанности, которая существенно отличается от буддийской традиции по целям (мирское благополучие вместо просветления), этическому измерению (редукция до заботы о себе вместо нравственной чистоты) и пониманию субъекта (укрепление «здорового эго» вместо деперсонализации). Этот процесс, рассмотренный через оптику теории секуляризации и постсекулярности, демонстрирует, как адаптация духовных практик к западному медицинскому и психологическому дискурсу сопровождается вытеснением их глубинного трансформирующего потенциала. Как пишет Пёрсер, «то,

что осталось, — это инструмент самодисциплины, замаскированный под самопомощь» [13, с. 6]. Различие между сати и светской осознанностью станет теоретической основой для последующего критического анализа механизмов коммодификации осознанности. Упомянутые параметры (цель, этика, отношение к субъекту) позволяют оценить степень редукции и коммодификации практик в коммерциализированных версиях осознанности.

3. Теоретические рамки коммерциализации и коммодификации: понятия коммодификации, товарищизации духовных практик, критический анализ индустрии благополучия

Для анализа того, как практики осознанности превращаются в товар и внедряются в структуры современного капитализма, необходимо обратиться к теоретическому аппарату, который описывает процессы коммодификации и коммерциализации. Эти понятия восходят к марксистской традиции и позволяют зафиксировать тот момент, когда что-то, изначально не имевшее рыночной стоимости (в данном случае духовная практика, состояние сознания, философское и этическое учение), приобретает форму товара, начинает производиться, воспроизводиться, продаваться и потребляться. В контексте осознанности эта теоретическая оптика позволяет не только определить и описать масштабы явления, но и проанализировать те или иные социальные и культурные последствия, которые влечёт за собой превращение осознанности в объект рыночного обмена.

3.1 Коммодификация: от экономической категории к культурной критике

Термин «коммодификация» (от лат. *commodum* — удобство, выгода; англ. *commodity* — товар) обозначает процесс трансформации в товар того, что ранее не имело рыночной стоимости или не рассматривалось в категориях купли-продажи. Как отмечают В. А. Фортунатова и А. А. Никитина в своей статье «Идеология коммодификации и стратегия современного образования», коммодификация в современном мире вышла далеко за пределы экономической сферы и превратилась в идеологию, которая «переводит духовные процессы в товарное производство с последующим обращением полученного продукта в вид «новой духовности»» [2, с. 54]. Согласно авторам, рыночная логика проникла даже в те сферы, которые ранее были защищены от неё — в образование, здравоохранение, практики личностного развития и духовного совершенствования.

В контексте осознанности процесс коммодификации означает, что изначально укоренённая в буддийской традиции практика, имеющая сотериологическую цель, переводится в формат услуги, которая подвергается стандартизации, «упаковке» и продаже. Как отмечает Терри Хайленд в статье «McDonaldizing Spirituality: Mindfulness, Education, and Consumerism», коммодификация осознанности привела к его превращению в массовый рыночный продукт, который используется для продажи «всего, от книжек-раскрасок до приложений для осознанного садоводства, кулинарии и вождения» [9, с. 3]. Этот процесс Хайленд обозначает термином «макдональдизация»⁷, заимствованным у Джорджа Ритцера⁸.

3.2 Четыре измерения макдональдизации осознанности

Ритцеровская модель макдональдизации, которая изначально применялась по отношению к ресторанному бизнесу и образованию, оказалась подходящей для критики коммерциализированных версий осознанности. Хайленд, частично опираясь на работы Ритцера, выделяет четыре ключевых измерения этого процесса:

Эффективность (efficiency) — выбор оптимальных средств для достижения цели. По отношению к осознанности это выражается в редукции практики до коротких, стандартизированных курсов, а затем и до мобильных приложений, которые предлагают медитации «на ходу». Эффективность здесь достигается за счёт упрощения, устранения сложных элементов буддийского учения (мудрость, этика) и сведения осознанности к «технике внимания».

Исчисляемость/количественная оценка (calculability) — замена качественных критериев количественными. Исследователь в области осознанности Пол Гроссман критикует современные исследования, которые часто опираются на самоотчёты участников, направленные на измерение лишь отдельных аспектов практики (например, способности удерживать внимание), и при этом упускают из виду её многогранность. Гроссман предупреждает, что такая редукция может привести к искажению и опoшлению смысла осознанности в психологических исследованиях [7, с. 1034–1040]. Его позиция иллюстрирует, как стремление к количественной оценке в рамках макдональдизации духовности обедняет практику, превращая её в технический инструмент. Исчисляемость также проявляется в маркетинговых обещаниях измеримых результатов (например, «снижение стресса на 40 %»), что окончательно превращает осознанность в товар.

Предсказуемость (predictability) — унификация продукта и процесса его потребления. MBSR, MBCT⁹ и другие

⁷ Макдональдизация - социологическое понятие для описания приобретения обществом характеристик ресторана фаст-фуда, впервые использованное американским социологом Джорджем Ритцером в его книге «Макдональдизация общества». Согласно Ритцеру, макдональдизация - это процесс, «благодаря основным принципам которого этот ресторан фаст-фуда добивается все большего доминирования в самых разных сферах жизни американского общества и остального мира».

⁸ Джордж Ритцер - американский социолог, профессор, изучающий процесс глобализации, метатеорию, модели потребления.

⁹ MBCT (Mindfulness-Based Cognitive Therapy) — когнитивная терапия на основе осознанности — это научно обоснованная 8-недельная про-

производные программы, как правило, работают по довольно стандартизированному формату, так как это позволяет их масштабировать, но одновременно и лишает практику гибкости и возможности адаптации к индивидуальным потребностям и особенностям людей. Такая стандартизация оправдывается прагматическими соображениями, но игнорирует вопрос о том, почему тот или иной формат программы является единственно возможным [9, с. 6].

Контроль через автоматизированные технологии (control through nonhuman technology) — замена живого человеческого взаимодействия техническими средствами. Наиболее яркое проявление этого измерения — рост рынка мобильных приложений по медитации и осознанности, которые стандартизируют эту практику для удобства потребления и увеличения дохода. Приложения заменяют межличностное взаимодействие с учителем алгоритмизированным контентом, что приводит к «обеднению» практики и потере её глубины.

3.3 Индустрия благополучия как пространство коммодификации

Теоретический анализ коммодификации осознанности невозможен без более широкого контекста, в частности так называемой «индустрии благополучия». Согласно данным Global Wellness Institute, представленным в отчёте 2025 г., мировой рынок благополучия достиг 6.8 триллионов долларов в 2024 г. и по прогнозам вырастет до 9.8 триллионов к 2029 г. Сегмент «ментального благополучия» (mental wellness) демонстрирует один из самых высоких темпов роста — 12.4 % ежегодно в период 2019–2024 гг., а внутри него сегменты «медитации и осознанности» и «сна» растут на 18.9 % и 12.6 % соответственно. Эти цифры говорят о том, что осознанность стала не только культурным феноменом, но и значимым сектором глобальной экономики [19].

Рональд Пёрсер в «McMindfulness» утверждает, что включение осознанности в индустрию благополучия привело к его трансформации в инструмент адаптации индивида к условиям неolibерального капитализма, а не в средство критического осмысления этих условий. Автор говорит: «Лидеры движения осознанности верят, что капитализм и духовность можно примирить; они хотят облегчить стресс индивидов, не вглядываясь глубже и шире в его социальные, политические и экономические причины» [13, с. 15].

Аналогичную мысль транслирует Бён-Чхоль Хан¹⁰ в своей работе «Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху». Он показывает, как «информационный

режим» и «надзорный капитализм» инкорпорируют духовные практики, превращая их в инструменты производства данных и эксплуатации внимания, которое становится главным товаром современного мира. Также Хан пишет о том, что при таком режиме люди сами стремятся к видимости, «охотно выходят под луч прожектора и даже жаждут этого», добровольно предоставляя данные о себе, своих состояниях и эмоциях. [3, с.12]

3.4 Критический анализ индустрии благополучия

Одной из отличительных особенностей индустрии благополучия является то, что она функционирует по логике создания искусственного дефицита. Фортунатова и Никитина отмечают, что коммодификация выступает как «стимул симуляции», и когда «выдвигается какая-то идея на потребу общего мнения, она «надувается» экспертными мнениями, высказываниями, оценками..., затем эта идея сдувается и лопаётся, оставляя за собой симулякр» [2, с. 57]. Применительно к осознанности это значит, что рынок не просто удовлетворяет уже существующий спрос на снижение стресса, но и активно формирует этот самый спрос, рисуя образ современного человека как находящегося в хроническом стрессе и нуждающегося в специализированных техниках самопомощи.

Во-вторых, индустрия благополучия выполняет нормативную функцию, задавая стандарты «правильной» заботы о себе. Различные исследования, цитируемые Хайлендом, показывают, что внедрение принципов осознанности в корпоративную среду и образование часто сопровождается неявным, но последовательным требованием к индивидам управлять своими эмоциями и состоянием в соответствии с целями той или иной организации. Так коммерциализированная осознанность становится инструментом биополитического управления (технологией власти, направленной на регулирование населения как биологического вида через контроль над жизнью, здоровьем, рождаемостью и смертью), о котором писал Мишель Фуко, — способом заботы о себе, который одновременно является ещё и способом подчинения [6].

Кроме того, индустрия благополучия выступает пространством символического производства, в котором товарная форма не просто «упаковывает» осознанность, но и придаёт ей социальный статус. Покупка подписки на приложение по медитации или участие в корпоративном тренинге по осознанности становится маркером принадлежности к определённому социальному слою — ответственному, развивающемуся и современному человеку.

Проведённый теоретический анализ коммодификации и макдональдизации осознанности показывает,

грамма, объединяющая когнитивно-поведенческую терапию (КПТ) и практики осознанности. Она учит безоценочно принимать мысли и эмоции, прерывая автоматические негативные реакции, что снижает риск рецидивов депрессии на 50%.

¹⁰ Бён-Чхоль Хан - философ и теоретик культуры южнокорейского происхождения, живущий в Германии. Он был профессором Берлинского университета искусств и до сих пор время от времени читает там курсы. Бен Чхоль Хан изучал металлургию в Корейском университете в Сеуле, прежде чем он переехал в Германию в 1980-х годах, чтобы изучать философию, немецкую литературу и католическую теологию во Фрайбурге-им-Брайсгау и Мюнхене.

что включение практик осознанности в индустрию благополучия приводит к их превращению в стандартизированный и технологически опосредованный товар. Это лишает осознанность её изначального трансформирующего потенциала, превращая её в инструмент адаптации индивида к условиям неолиберального капитализма, где стресс индивидуализируется, а забота о себе становится формой биополитического управления. Понимание механизмов коммодификации (эффективность, исчисляемость, предсказуемость, технологический контроль) задаёт аналитическую рамку и позволяет выявить, как именно стратегии коммерциализации реализуются на уровне содержания, дизайна и маркетинга.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что секуляризация и последующая коммодификация сати приводят к её деконтекстуализации и редуцированию до упрощённого набора техник индивидуального стресс-менеджмента, нивелируя её этический и трансформирующий потенциал.

В первом разделе было установлено, что традиционная сати не сводится к «голому вниманию» или навыку фокусировки в настоящем моменте. Она выступает седьмым фактором Благородного Восьмеричного пути, неразрывно связанным с этической дисциплиной и мудростью, а её конечной целью является глубинное преобразование личности и прекращение страданий, а не временное облегчение стресса. Ньянапоника Тхера предостерегает от фрагментарного понимания сати, когда игнорируется её этическое измерение или трансформирующая цель, — подобное редуцированное понимание не позволяет реализовать глубинный потенциал традиционной практики.

Во втором разделе было показано, что историческая секуляризация осознанности, ключевую роль в которой сыграл Джон Кабат-Зинн с программой MBSR, привела к формированию светской версии, где этическое измерение оказалось вытеснено, сотериологическая цель замещена мирским благополучием, а методология редуциро-

вана до техники «безоценочного осознания». Различия между сатой и светской осознанностью по таким параметрам, как цель (просветление vs мирское благополучие), этика (нравственная чистота vs забота о себе) и понимание субъекта (деперсонализация vs укрепление эго), задаёт нормативную рамку для оценки степени редукции практик в коммерциализированных версиях.

В третьем разделе теоретические рамки коммодификации и макдональдизации (Ритцер, Хайленд) позволили описать этот процесс как превращение духовной практики в стандартизированный, исчисляемый и предсказуемый товар, функционирующий в логике неолиберальной индустрии благополучия. Были выявлены четыре ключевых измерения макдональдизации осознанности: эффективность (редукция до коротких форматов), исчисляемость (замена качества количественными показателями), предсказуемость (унификация продукта) и технологический контроль (замена живого взаимодействия алгоритмизированным контентом). Кроме того, было показано, что индустрия благополучия выполняет нормативную функцию, задавая стандарты «правильной» заботы о себе, и превращает осознанность в инструмент биополитического управления (Фуко) и адаптации индивида к условиям неолиберального капитализма.

Таким образом, секуляризация и последующая коммодификация сати действительно приводит к редукции многогранного буддийского учения до набора техник индивидуального стресс-менеджмента, предназначенных для быстрого потребления. Коммерциализированная осознанность рискует стать не инструментом освобождения, а симулякр — видимостью избавления от стресса, которая на деле укрепляет те же механизмы контроля и эксплуатации внимания, против которых практика изначально была направлена.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирический анализ того, как именно механизмы коммодификации реализуются в конкретных цифровых продуктах, а также на изучение того, как сами пользователи воспринимают разрыв между секулярной осознанностью и её буддийскими истоками.

Литература:

1. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. — Москва: Новое литературное обозрение, 2019. — 216 с.
2. Фортунатова В. А., Никитина А. А. Идеология коммодификации и стратегия современного образования // *Logos et Praxis*. — 2017. — № 1. — С. 54–61.
3. Хан Б.-Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 416 с.
4. Bhikkhu Bodhi. Mindfulness: Diverse Perspectives on its Meaning, Origins and Applications // *Contemporary Buddhism*. — 2011. — № 12. — С. 19–39.
5. Casanova J. Public religions in the modern world. — Chicago: University of Chicago Press, 1994. — 320 с.
6. Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–1978. — New York: Palgrave Macmillan, 2007. — 409 с.
7. Grossman P. Defining mindfulness by how poorly I think I pay attention during everyday awareness and other intractable problems for psychology's (re)invention of mindfulness: comment on Brown et al. // *Psychological Assess.* — 2011. — № 23. — С. 1034–40.

8. Habermas J. Glauben und Wissen: Rede zum Friedenspreis des Deutschen Buchhandels. — Berlin, 2001.
9. Hyland T. McDonaldizing Spirituality: Mindfulness, Education, and Consumerism // *Journal of Transformative Education*. — 2017. — № 15. — С. 1–23.
10. Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. — Cambridge: Polity Press, 2007. — 144 с.
11. Kabat-Zinn J. *Full Catastrophe Living*. — New York: Bantam Books, 2013. — 643 с.
12. Nyanaponika Thera. *The Heart of Buddhist Meditation*. — London: Rider & Company, 1962. — 216 с.
13. Purser R. *McMindfulness: How Mindfulness Became the New Capitalist Spirituality*. — London: Repeater Books, 2019. — 288 с.
14. Purser R., Loy D. *Beyond McMindfulness* // *Huffington Post*. — 2012.
15. Taylor C. *A Secular Age*. — Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 896 с.
16. Van Dam N. T. et al. Mind the Hype: A Critical Evaluation and Prescriptive Agenda for Research on Mindfulness and Meditation // *Perspectives on Psychological Science*. — 2017. — № 13. — С. 1–26.
17. Wilson J. *Mindful America: The Mutual Transformation of Buddhist Meditation and American Culture*. — New York: Oxford University Press, 2014. — 280 с.
18. Касибхарадваджа-сутта: Каси Бхарадваджа // Тхеравада.ру. — URL: https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/snp1_4-kasi-bharadvaja-sutta-sv.htm (дата обращения: 15.06.2026).
19. 2025 Global Wellness Economy Monitor // Global Wellness Institute. — URL: <https://globalwellnessinstitute.org/industry-research/2025-global-wellness-economy-monitor/> (дата обращения: 11.06.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 28 (631) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 22.07.2026. Дата выхода в свет: 29.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.